

A watercolor illustration of a landscape. In the foreground, a river flows, its surface reflecting the surrounding greenery. A bridge with a metal railing spans the river in the middle ground. The background is filled with lush green trees and foliage. The overall style is soft and painterly.

Андрей ДРОБОТ

**ЭФФЕКТ
БЕЗМОЛВИЯ**

16+

Андрей Дробот

Эффект безмолвия

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Дробот А. В.

Эффект безмолвия / А. В. Дробот — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Книга «Эффект безмолвия» является прямым продолжением книги «Холодный путь к старости». В центре повествования находится фигура руководителя СМИ, им стал журналист, не потерявший от повышения в должности идеалов "свободы слова". Встав на место главного редактора, он в полной мере осознал сложность этой позиции. СМИ, которым он руководил, финансировала администрация маленького нефтяного города, и это вынуждало его искать компромиссы и решения, укрепляющие независимость... С другой стороны, ему достался в управление коллектив журналистов, которому не нужна была «свобода слова», а нужны были деньги и легкая жизнь... Книга «Эффект безмолвия» в феврале 2014 года Союзом журналистов России награждена дипломом «Золотая полка отечественной журналистики».

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ГНЕЗДО	8
НОВОСТИ	11
О ПАУЧЬЕЙ ЖИЗНИ	14
ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ	15
ЧЕРНОЕ ЗЕРНО	17
ПОДАРКИ	19
СКАЗКА МАЛЕНЬКОГО НЕФТЯНОГО ГОРОДА	22
ЗАРОЖДЕНИЕ КНИГИ	26
АЛИК ДЕЛАЕТ НАГРАДУ КВАШНЯКОВУ	27
ХОЛОДНЫЙ ПУТЬ К СТАРОСТИ	30
СТРАННОЕ	32
РАБОЧИЕ САДЫ	33
СКАНДАЛ МЕЖДУ ТРЯПКОЙ И ХОЗЯИНОМ	35
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГЛАВНОГО	38
УВОЛЬНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА	40
ТАЙНА КВАШНЯКОВА	42
Сковорода	43
ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ	45
ВЫГОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	47
РОДСТВЕННЫЙ СОВЕТ	49
ИНТЕРВЕНЦИЯ	50
Первое знакомство	51
Между прошлым и будущим	54
Начало борьбы за власть	56
ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ БУМАГ	58
Первое упоминание о Хамовском	59
НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	61
ПЛАНЕРКА	64
ПРЕМИИ	67
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА	71
ВЕРА	73
КОМНАТА ОТДЫХА	75
ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ	77
Принцип продажи честного журналиста	79
ПРЯМОЙ ЭФИР	81
Правила пустого бокала	83
ПРОВЕРКА ИЗ ОКРУГА	84
Случайные свидетели	85
КОНТРОЛЬНОЕ ПРОЩУПЫВАНИЕ	87
Тайна управления	88
Обмен информацией	89
Следующая игра в выборы	91
ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ	93
Распространение книги	94
Неудачный отчет	96

КОЛДОВСТВО	97
УГНЕТАЮЩАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ	100
ВЗАИМНЫЕ ОЦЕНКИ	102
НЕРВЫ	104
РАСПАД И СЛИЯНИЕ	106
ПРУЖИНА	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый способен выжать максимум из своей жизни, обладай внутренней соковыжималкой, знающей – как, и самое главное – из чего. Сложности этого процесса заключаются в том, что житель маленького нефтяного города не односортный фрукт или овощ, он их сочетание, но, попадаясь в течение жизни в связи, сродные паутине, и зависая на этих связях, он вынужден жать из себя сок определенного свойства, вкуса и находить его приемлемым, чтобы угодить некоему пауку, который тихо бормочет:

– Пока ты вкусен, ты мне нужен...

Устрашающее бормотание заставляет улыбаться в нужный момент нужным людям, входить в нужный момент в нужные двери и расставаться в нужный момент с ненужным окружением...

Прозрения, наступающие иногда, заставляют чувствовать жадное жало паука, предугадывать его страшную морду и испытывать отвращение к собственной доле паучьей жертвы. У большинства жителей маленького нефтяного города они происходят в виде внезапных мигреней, печалей и прочих огорчительных ощущений. Тогда хочется разорвать паутину и вырваться. Но куда?

Что тут выгадывать в маленьком нефтяном городе, где высятся серые безликие облупившиеся дома, где под ногами лежат выщербленные и перекошенные тротуары и дороги, да вечная грязь в сырую погоду, где радуют только красивые мышеловки магазинов?

Счастье там – за границей маленького нефтяного города – думает каждый его житель. – Не на истоптанной дороге с работы и на работу, не в коллективе, где повадки каждого члена известны и не вызывают теплых чувств, и не дома, а где-то далеко и когда-то.

Деньги, получаемые привычными методами, обладают колдовской властью порабощения. Привычка порождает сокращение усилий, сокращение усилий порождает моральное ослабление, а изменения в жизни пугают страхом неизвестности, незнакомым в молодости. На изменения жителям маленького нефтяного города уже не достает того здоровья, которым они купили относительно спокойную и благополучную жизнь. Жажда денег и спокойствия, испускаемая обеспеченной частью населения, висит над маленьким нефтяным городом, словно заразные выдохи гриппозных больных.

Вот только тоска по событиям не исцеляется деньгами. И оказывается, что в маленьком нефтяном городе основные события происходят не на улицах, не в кабинетах, а где-то под прикрытием волосяного покрова, кожи, жира, мышечной ткани и костей. Что-то там теплится, не позволяя даже ничемному случаю кануть в таежной глуши без осмысливания, нервотрепетания или сердечных аритмий.

Поэт маленького нефтяного города Женя Рифмоплетов, побывав в Москве и опускаясь в направлении, где в местах его жительства обычно покоится нефть, внезапно и особенно остро ощутил эту, словно бы предсмертную, тоску:

Шаг за шагом, спина за спиной,
Исчезаем мы все под землей,
Чтобы стать под землю как все
– Пребывать в летаргическом сне.
Есть глаза, но не видят они,
Есть умы, но рассудка не жди.
Поворот, свой вагон, поворот
– Вот и все, что тревожит народ.
Да еще – не дай Бог – опоздать,
От толпы хоть чуть-чуть поотстать,

Без работы остаться сейчас

– Это гонит под землю всех нас...

Если бы не одна созданная цивилизацией привычка, жители маленького нефтяного города, возможно, отогнали бы от себя опасного паука, разорвали бы паутину. Возникло бы нечто важное – самое, самое, самое, но жители маленького нефтяного города, когда появляется час-другой для личного и сокровенного, ложатся на диваны и включают телевизионные или иные приемники картинок, чтобы унести подальше от привычного и обыденного. Их сердца наполняются замороженным покоем. Глаза становятся похожи на стеклянные шарики, служащие исключительно для фокусирования экранного изображения. Взгляды сцепляются с экраном столь сильно, что редкая отвлекающая сила способна прервать контакт. Их мозг, словно флеш-карта, засасывает нечто из заэкранья, вызывая эмоциональные всплески и действия...

Возникает великая система слияния живого и мертвого в единую замкнутую на саму себя трансляционную систему. Ночные окна маленького нефтяного города и покрытые тьмой его пространства, начиная от уличных и кончая квартирными, наполняются незабвенным чарующим мерцанием, похожим на всполохи первобытного костра, – мерцанием экрана, установленного там, где раньше стояла икона, либо поближе к сердцу, потому как нет заманчивее движения, которое обретаешь, не двигаясь.

Телевидение и подобные ему средства коммуникации – это дверь в другой мир, откуда к зрителю устремляются образы, не всегда нужные ему. Много мух хочет влететь в дом, но никто не распахивает им окна. Вряд ли незнакомой собаке, бросающейся на дверь, кто-то откроет. Так почему мы легко распахиваем двери экранов? Потому что входящие притворяются добрыми приятелями, потому что взывают к состраданию, потому что...

ГНЕЗДО

«Чтобы быть понятым среди болотных лягушек, человеку надо научиться квакать».

Стас Куплин, приглашенный главой маленького нефтяного города Хамовским на должность главного редактора телерадиокомпании вместо уехавшего на повышение Вити Лесника, был высоким худосочным созданием, похожим на микрофон со стойкой, где головка микрофона и исполняла роль головы. Внешне вполне интеллигентный и блестящий, словно отполированный, он старался ради имиджа муниципалитета, и ответственные сотрудники, те, что дают деньги, были довольны. В этой ситуации до населения Куплину не было дела.

«Если люди, которые мне платят, довольны, а довольны эти люди, если на экране телевизора мелькают милые их сердцу образы и словеса, то зачем капусту искать в тайге, если водятся тут грибы и ягоды, – так рассуждал он. – В общем – всему свое место и не надо усердствовать в поисках правды, там, где ее быть не может».

Куплин испускал разговоры и картинки, заполнявшие головы населения маленького нефтяного города, легко, будто сеял траву. Особенности товара его не интересовали, потому что *политика схожа с эстрадой – чем обворожительнее поешь, тем довольнее публика*, а создавать привлекательные телепрограммы Куплин умел. Однако продажа и забвение собственного внутреннего мира всегда образует пустоты, в которые устремляются чужеродные идеи и, словно глисты, разъедают органы, ответственные за совесть, честь и праведную мысль. Куплин тоже подхватил этого малоприметного и плохोизводимого глиста.

Паразит вывелся во множестве властвувалейных сюжетов и телефильмов, проник в голову главного редактора телерадиокомпании маленького нефтяного города и начал там пощелкивать хвостом, примерно так, как конюхи пощелкивают хлыстом, загоняя упрямых лошадей в стойла. От внутриголовных щелчков Куплин становился над собою не властен и делал все, что требовали ответственные лица администрации маленького нефтяного города, но, как плату за неприметную внешне болезнь, взял за правило пить винно-водочные напитки, которые успокаивали мозгового глиста, а самому Куплину приносили облегчение.

– Опять башка разваливается, – жаловался он, после исполнения очередной заявки муниципалитета. – Надо выпить. Кто бежит?.. Да ты и бежишь...

И первый попавшийся телеоператор стучал башмаками по лестнице...

Магазин «Мушка» располагался рядом с офисом телерадиокомпании, как говорится – бок к боку, как растут грибы небольшими группками, потягивая соки из одной разросшейся грибницы. Название этого магазина напоминало северянам о деревенском лете и об охоте, о красивых женщинах и мерцании в глазах, для возникновения которого на прилавках «Мушки» стояли: разноразовная водка, коньяки, пиво и другие спиртные напитки. Причем деньги, что было крайне важно в случае вспышки нетерпеливой душевной потребности, требовались не сразу. Все необходимое выдавали под запись в силу традиции, оставшейся со времен, когда заработную плату и в маленьком нефтяном городе выплачивали с многомесячными задержками.

Покупки прибыли в съемочный павильон и легли на стол ведущего теленовостей: две бутылки коньяка «Белый аист», который своей ценой привлекал лишь отъявленных алкоголиков, уже не боявшихся отравления, рижские шпроты, напоминавшие измученных мальков, с которых заживо сняли шкуру, маринованные огурчики и другие разносолы длительного хранения.

Телевизионные камеры мертво блестели стеклами в направлении живой компании, расположившейся на черных офисных стульях. На потолке, стенах и полу замер свет двух фонарей подсветки, творя интимную атмосферу, так необходимую для непринужденной беседы.

– Ну, что, господа, давайте выпьем за,.. – предложил Куплин и внезапно понял, что не знает, что говорить дальше.

День был не праздничный, не именинный, без достижений и открытий, а в голове раздавались щелчки, разгоняющие мысли...

– ...выпьем за нас, – завершил Куплин.

Со стола полетели огурчики и рыбки.

– Телевидение сходно со спиртным, чем больше потребляешь, тем меньше видишь. Ведь пашем, пашем. Эту усталость можно только водкой, – Куплин внезапно озвучил мысль, вылетевшую из обретшего тишину мозга. Но говорить о вещах, требующих раздумья, там, где это раздумье травят, все равно, что сеять зимой. Куплин и сам не понял, что сказал. Его ощупали непонимающие взгляды. Тишину разрядил Задрин.

– Стас, а премия будет? – спросил он, поскольку и рюмка, выпитая с начальником, уравнивает.

Не делаясь знаниями, Жора Задрин был незаменим. Скоммутировав телеаппаратуру телерадиокомпании, он хранил схему подключений исключительно в своей голове, и поэтому только он и мог быстро устранить неисправности. Кроме того, он устанавливал на компьютеры программное обеспечение и опять же – только он знал – какое. Официально он числился инженером компьютерной графики. И опять же – кроме него – никто.

Но самое главное, что он умел из одного редакционного компьютера сделать два, причем второй – либо для дома, либо для знакомых, либо – на продажу.

– Жорик помоги, что-то компьютер глючит, – жаловались журналисты.

Современная техника с несущественными поломками была хлебом Задрина.

– Сейчас помогу, – отвечал он и уносил компьютер.

Он действительно помогал, но таким образом, что новый процессор заменял на старый, уменьшал количество памяти, и так происходило каждый раз. В итоге к моменту списания до Фазановой, завхоза телерадиокомпании маленького нефтяного города, доходили одни пустые корпуса, непонятно каким образом работавшие.

А сейчас Задрин ждал ответа на вопрос о премии.

– Жора, пока не знаю. Бумаги я подготовил, – ответил Куплин.

– Стас, что за люди у нас? – с деланным удивлением произнес Плоскосандров, заместитель Куплина по технике. – Лампочка в туалете перегорит, они сидят без света, жалуются, но сами пальцем о палец не стукнут. Ждут, пока я заменю.

– Успокойся, это твоя работа, – сказал Куплин, – ты, главное, разливать не забывай.

Выпили, закусили, а когда выпили и закусили уже достаточно для того, чтобы у каждого в голове заработал свой телевизор, принимающий трансляции не иначе как от сатанинской станции, то разговоры изменились...

– Недавно ездили снимать отчет начальника милиции. Захожу на пропускной пункт, а там – новенький сержант и не пропускает. Я говорю: «Открывай». А он: «Кто такие?» Я: «Телевидение, что не видишь?» А он: «По какому вопросу?» Я говорю: «Открывай, а то разжалеют...», – принялся рассказывать Павшин, ведущий «Новостей» телерадиокомпании, но внезапно упал на пол прямо с куском колбасы во рту. Его собутыльники еще допивали рюмки.

– Что же он так лицом в пол, положите его на бок, – участливо попросил Куплин.

Будучи дипломированным зооинженером, Павшин повадки животных знал интуитивно, и месячное обучение в московской школе «Интерньюс» не истребило в нем природных склонностей. На лице возникла довольная улыбка. Он встал по-собачьи на четвереньки и заорал:

– Идите все на йух, идите все на йух!

По устоявшейся традиции все нехорошие слова, произнесенные героями этой книги, мы будем писать наоборот, чтобы прямое их прочтение не корбило скромные души.

Далее началось невообразимое: Павшин засеменил по съемочному павильону на четвереньках и залаял. Телевизионщики смотрели на него с интересом, который не перерождался в беспокойство лишь потому, что они сами по своему состоянию готовы были поддержать забавный почин Павшина и создать стаю.

– Давайте выпьем за нашу дружбу, за коллектив, – не успел проговорить Куплин, как его перебил Задрин:

– Ты смотри, что он делает.

Павшин ухитрился снять брюки, задрал ногу по-собачьи и закричал:

– Я бывший майор Госбезопасности, а мы следов не оставляем!

– Держи его! – испуганно вскрикнул Куплин...

Все, что усваивает человек, становится его телом, мозгом, мыслью. Кровью сотрудников телерадиокомпании стали: водка с пивом, и вино – спиртное, приносящее радость, но лишаящее разума, а возможен ли поиск истины без разума? Убийство разума, как убийство человеческого, убийство живого. Им оставалось лишь гулять по болотам вслед за проводниками администрации маленького нефтяного города. О, как это удобно, быть ведомым, словно ребенок, полагаться на чужой ум, не задумываясь о том, что умным человеком мы иногда называем того, кто красиво обставляет дурные поступки. А потом они сидели в домах, скованных ночной тьмой, не ощущая радости полета.

НОВОСТИ

«Сказка, которую безответно слушает пострадавший от обманщика, поднимает обманщика в собственных глазах, создавая иллюзию глупости пострадавшего, а значит – и поделом ему».

На следующее утро Нестор Павшин, ведущий новостей телерадиокомпании маленького нефтяного города, как ни в чем не бывало сидел за квадратным столом на крутящемся сиденье без спинки. Спинку давно убрали, чтобы ведущий не расслаблялся, и своей устремленной к зрителю позой вдохновлял того на искренние отношения.

Позади Павшина стояла рама, обтянутая синей тканью, с которой фигуру Нестора вместе со столом вырезали компьютерными методами и укладывали на виртуальную студию, прикрепляя чуть выше правого уха Павшина эмблему новостей.

Впереди Павшина блестел глубинной темнотой полупрозрачный монитор телевизионного суфлера, скрывая за собой объектив профессиональной телевизионной камеры.

По полупрозрачному монитору суфлера предстояло бежать тексту, который Павшин профессионально читал так, что создавалась видимость, будто он произносил текст по памяти, безотрывно смотря в глаза каждого телезрителя в отдельности.

– Сегодня, где бы человек ни был, качество телевизионной картинки, цвета, динамика, светосила в сумме превосходят любое природное явление, – запомнил он фразу из лекционных курсов повышения квалификации. – Искусственное стало притягательнее естественного в силу большей доступности. Любая хорошо смонтированная телепередача, снабженная хорошим голосом, при хорошем качестве картинки для народа настолько заворожительна, что почти не имеет значения, о чем она.

Павшин тщательно выпрямил спину, чтобы транслировать в мир уверенность, развернулся в три четверти. Операторы светильниками истребили тыловые тени и настройками телекамеры установили кадровые рамки, в которых телезрителю предстояло видеть ведущего новостей.

– Готовы!? – проверяя микрофон, крикнул Нестор монтажеру, перед которым на мониторе горел вырезанный по груди его электронный образ.

– Можешь начинать! – крикнул худой, словно рыболовная удочка, Пискин и махнул рукой глухому для внешнего мира Павшину.

Нестор профессионально выдохнул, нажал на клавишу телесуфлера, и текст побежал, озвученный его голосом:

– Здравствуйте, уважаемые телезрители! В эфире программа «Новости», в студии Нестор Павшин. Сегодня в программе...

Озвучив вступление к «новостям», Павшин нажал на клавишу телесуфлера, текст остановился.

– Приписываем анонс, – крикнул он.

Анонс написал сам Павшин и согласовал с Куплиным. В анонс, естественно, вошел сюжет самого Павшина – кто сам себя обидит? Но главное редактирование оставалось за Куплиным, выделявшим события о положительном влиянии власти на жизнь маленького нефтяного города и события, будоражившие воображение жителя маленького нефтяного города, например, автомобильные аварии.

– Все должны впитать муниципальный подход, – твердил Куплин на каждой пьянке и на каждой планерке и добился желаемого.

Журналисты телерадиокомпании маленького нефтяного города, излучая приверженность режиму, повесили над своими столами портреты главы маленького нефтяного города

Хамовского. И теперь любой входящий в корреспондентскую подвергался воздействию множества глаз главы города, излучавших добро и мудрость, подвергался его магической улыбке, производства местного фотоумельца Мышкова.

– Нестор, анонс готов, продолжаем! – крикнул Пискин и опять махнул рукой.

Павшин перевел взгляд на телевизионный суфлер, где белел текст первой подводки, и нажал на клавишу.

– Сегодня в городской администрации глава города встретился с... – хорошо поставленным голосом проговорил он.

Хамовский распил пару бутылок дорогого коньяка с руководителями нефтяной компании, но телеоператоры понятиво отводили объективы телекамер от стола с закусками, монтажеры отыскиали секунд десять более-менее осмысленных фраз – они и вошли в сюжет. Остальное видео представляло, как гости маленького нефтяного города посещают наиболее красивые и значимые для власти здания, памятники и территории.

– Наше нефтяное предприятие продолжает перевооружение производства и вводит новые объекты,... – зачитал Павшин подводку к следующему сюжету, как только Пискин дал привычную отмашку.

Речь шла о новой столовой. На кадрах рабочие бодро опустошали тарелки ложками и вилками, а повариха рассказывала об особенностях производственной кухни...

«Компания заботится о вас, компания заботится...», – говорил каждый кадр, каждый отрывок текста. Журналист, готовивший данный сюжет, не рассуждал о природе благотворительности заинтересованной в прибыли нефтяной компании, о качестве завозных продуктов Крайнего Севера, он не копал, а благоговел... Такова была молчаливая договоренность, за нарушение которой журналиста не пригласили бы впоследствии на подобные мероприятия. Это означало потерю темы и сложности с исполнением плана по строкам и кадрам...

– А вчера на выезде из города произошло крупное дорожно-транспортное происшествие...

На происшествия без трупов Павшин не выезжал. Бесконечная рутина автоаварий наскучила, и кадры покореженного железа, не подкрашенного кровью, перестали волновать. Но даже эти информации основывались на договоренности между милицией и журналистами. Милиция извещала, телевидение реагировало. В результате милиционеры отчитывались о вышедших на телевидении сюжетах и работе с населением, не имея критики в свой адрес, а телевидение выводило на экран хоть что-то интересное массовому зрителю...

– В городской больнице справляет день рождения отделение... – продолжил художественное чтение Нестор.

На мониторе замелькали кадры врачей, принимающих пациентов, пациентов, сидящих в коридорах поликлиники в ожидании приема. Руки Пискина летали над монтажным пультом, то устремлялись к ручкам регуляторов громкости, то к кассетам, то к принимающим отверстиям видеомagneитофонов. Записывался стандартный хвалебный сюжет, и тут на фоне текста о сложной работе регистратора в тот момент, когда журналист зачитывал имя, фамилию и отчество появилось безрадостное и даже изможденное лицо какого-то мужчины, заглядывавшего в окошко регистратуры. Это длилось секунду, две, три...

– А это что за рожа? – удивленно спросил Куплин. – Это и есть регистраторша?

Все журналисты, присутствовавшие возле монтажного пульта, дружно рассмеялись. Это была форма корпоративного развлечения, когда монтажеры иной раз вставляли в сюжеты некие каверзы из-за дефицита кадров или потехи ради.

– Хороша, хороша, – саркастически оценил Куплин.

– Регистраторша в этот момент отвернулась, и нечего было снимать, – начал оправдываться Антон Кузнечиков – один из трех телеоператоров.

– Ну, подождал бы, – размеренно выговорил Куплин.

– Так я откуда знаю, что будет в сюжете, – ответил Кузнечиков.

И это была чистая правда. Телевизионные сюжеты лепились на лету. Пришел, увидел и отснял. Журналист писал текст отдельно от видеоматериала. Телеоператор снимал отдельно от текста. А монтажер самостоятельно заполнял озвученный журналистский текст картинками на свой вкус. Так под маркой простоты и минимума движения создавались новости для народного внимания.

– Пойдет, – дал заключение Куплин. – Кто там разберет...

– И в заключение – новости спорта. Спортсмены маленького нефтяного города опять добились наград... – прогремел голос Нестора, усиленный динамиками в монтажной.

Все это был спектакль из минителеспектаклей. Заявки на все минителеспектакли поступали из структур маленького нефтяного города. При изготовлении каждого из минителеспектаклей роль журналиста сводилась к позитивной обработке требуемого события. Но Куплина не огорчало рамочное творчество, не оформление телеэфира было главным для него...

Будучи иногородним, как и редактор газеты Квашняков, и приглашенным самим Хамовским, он испытывал здесь признательность только к одному человеку – главе маленького нефтяного города. Не обремененный моральными, связывающими сердце связями, он исполнял любой заказ и профессионально обыгрывал любое событие так, что власть оставалась на высоте, а то и покоряла новые вершины. А те события, где власть была не на высоте, не выходили на экраны: журналисты их игнорировали. Но опять же – это было не главным.

Зарплата и премии, получаемые Куплиным от Хамовского, быстро наскучили ему и стали казаться мелкими. Когда он получил ежемесячную доплату за оказание телевизионных услуг от департамента Ямальской столицы, это осчастливило его, но ненадолго. Основную долю своих побочных заработков он нашел в платных услугах, оказываемых населению телерадиокомпаний, сколотив вокруг себя финансовую банду...

Отчитав новости, Павшин встал, деловито пересек съемочный павильон и устремился к своему кабинету, где над столом рядом с фотографией Хамовского висела его фотография в фуражке и мундире гестаповского офицера, искусно приделанные в фоторедакторе.

О ПАУЧЬЕЙ ЖИЗНИ

«Если не хватает своего огня – надо греться у чужого».

Проведя границы Своего, любое существо жаждет получить полную власть над Своим. Этой чертой обладал и Хамовский, глава маленького нефтяного города, похожий на доброго плюшевого Вини-Пуха, набитого польскоукраинской ветошью.

Хамовский мыслил Свое дальше души, собственного тела и даже собственной четырехкомнатной жилплощади в маленьком нефтяном городе. Он не ограничивался даже квартирами, приобретенными в Хосте и Санкт-Петербурге.

Свое он распространял на весь маленький нефтяной город, на всех людей, работавших в подвластных ему учреждениях, отделах и отделчиках, в управлениях и предприятиях.

Если для многих Свое имеет право на собственные капризы и безумства, то для Хамовского Свое следовало велениям его разума, который, как верил Хамовский, знал истину, поскольку именно он, ХАМОВСКИЙ, а не кто-то другой забрался на трон главы города и держал его крепко в течение трех выборов сроков.

Причем Свое у Хамовского имело точно измеряемую ценность, во-первых, в рублях, которые Свое ему приносило, во-вторых, в идеях, которые он мог присвоить и обратить в те же рубли. Поэтому Хамовский не любил, когда в городских структурах воровали, а с ним не делились, подобных преступников он лишал должности. Однако, несмотря на то, что многие прошли через воровскую гильотину, срезавшую, правда, не голову, а погоны, мошенники-индивидуалы не изводились. Куплин был из их числа.

Иногда на место человека, ушедшего в отпуск, Куплин брал подставную фигуру с условием делиться полученными средствами, например, пятьдесят на пятьдесят, но это были сезонные заработки – мелочь. Он очень хотел получать мзду от закупок телевизионного оборудования, жаловался на его нехватку и старение, но Хамовский не давал денег, поскольку чувствовал в Куплине финансового хищника, способного покуситься на его Свое. И тогда Куплин втайне от Хамовского обрел свое Свое.

«Одиночным трудом большого богатства не обретишь. Крестьянин пашет, сеет... и только на жизнь. Разбогатеть можно, лишь присваивая чужое. Хам обсасывает выделенный городу бюджет, оставляя подчиненным руководителям только на зарплату, и доволен, – рассуждал на досуге Куплин. – Но обсасывая обсосанное сыт не будешь. Мой шанс в том, чтобы обсосать входящие в телерадиокомпанию внебюджетные деньги. В мире идей взлетают легкие фигуры, мученический труд крестьянина не по мне».

ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ

«Даже в местах, где никто не ищет и считается, что ничего нет, можно найти то, что ищут все».

Платные услуги телерадиокомпании и стали для Куплина той легкой фигурой, которая без пота и мук самостоятельно вспахивала и засеивала эфирное телевизионное поле, наполняла его кошелек и исчезала в космических просторах Вселенной, унося с собой доказательства, а вместе с ними возможности учета и контроля.

Налоговые инспекторы не следили за реальной рекламой, вышедшей в эфир. Они пользовались не телевизионной картинкой, а отчетностью телерадиокомпании, а эту отчетность формировали его главная бухгалтерша, секретарша, принимавшая объявления, и сам главный редактор. И в этом таежном треугольнике сформировался тайный финансовый отсос бюджета в обход Хамовского, подведомственный только Куплину. Это позволяло ему чувствовать себя настоящим начальником, ничем не хуже других.

– Как наши доходы? – требовательно спрашивал он бухгалтершу в конце недели.

Разговор происходил, конечно, без посторонних в кабинете Куплина. Пупик тяжело подходила к начальственному столу и весьма деликатно, что не вязалось с ее опечаленным обликом, походившим на подчинение угрозе «Кошелек или жизнь?», говорила:

– На этой неделе народ шел плохо, но кое-что наторговали. Вот ваша доля.

Отчетной фразой, в которой звучала вежливость профессионального нищего перед благодетелем, Пупик умеряла денежные претензии начальника. Она не хотела остаться «без ничего», а Куплин забирал, что давали, потому что опасался конфликтовать с Пупик ввиду необразованности в бухгалтерском учете.

Финансовые документы он подписывал, почти не глядя. В их достоверности у него была единственная надежда, что Пупик постарается, а стараться она станет, и это понимал Куплин, если будет денежно заинтересована, не хуже дрессированных зверюшек, выделяющих на цирковой арене фокусы, поглядывая на руку, скрывающую вознаграждение.

Пупик положила на черный канцелярский коврик, лежавший на столе перед Куплиным, пачку тысячных купюр. Они всколыхнули воздух и донесли до ноздрей главного редактора запах дорогой типографской краски и бумаги.

– Хорошо, – похвалил Куплин, понимая, что, если пачка не полна, то он никогда не узнает насколько.

– Так работаем же, – подчеркнула свою значимость Пупик. – Клиентов, как крупу перебираем, чтобы камешек не попался или черная крупинка, которые донесут...

– Так и надо, – начальственно согласился Куплин, важно кивнув головой. – Нам слухи ни к чему. Тут все точно подсчитано?

Этот вопрос Куплин задал лишь для того, чтобы Пупик поняла, что он, главный редактор, следит за разделом денег, и в следующий раз не взяла себе больше.

– Обижаете! Я работала главным бухгалтером во многих управлениях и предприятиях и везде меня ценили, – уклончиво ответила Пупик. – Я как рысак неутомима, а рысак всадника не обидит, довезет куда надо и быстро.

– Ну, на рысака вы не похожи, – весело отметил Куплин, – но главное, не забудьте следить за клиентурой, тогда мы будем счастливы и при деньгах.

Он собрал со стола деньги и положил во внутренний карман пиджака. Тот легко проглотил добычу и выпятил левую грудь Куплина.

– Сердечный вы человек, – слегка уколола Пурик, развернулась и вышла, аккуратно затворив за собой дверь.

«Что мне твои крохи, – подумал Куплин, оставшись один в тиши кабинета, где принимались решения о том, чем потчевать телезрителей, – выгадывай, выгадывай копейки».

Куплина уже интересовали более крупные доходы, получавшиеся, например, от трансляции в новостных блоках рекламных сюжетов. Он встречался с директорами магазинов, договаривался о съемке, деньги за изготовление сюжета и его прокат он брал себе, а само изготовление и трансляцию осуществлял в приказном порядке. И доказать ничего нельзя, и свидетелей меньше, чем во взаимоотношениях с Пурик: только Куплин и директор магазина...

«Считает, что я его на две-три тысячи обманываю, не на ту нарвался... – в свою очередь думала Пурик, выходя из кабинета. – Ребенок против меня в финансовых-то вопросах».

Выходные дни телерадиокомпании Пурик давно сделала рабочими для себя. Нет, она не сошла с ума эта мощная женщина, тоже любившая отдохнуть: в выходные дни она индивидуально отлавливала рекламодателей и уже ни с кем не делилась. А на вопросы Куплина о причинах такой любви к труду, неизменно отвечала:

– Отчетов масса, рабочего времени не хватает...

– Рекламу на телевидении здесь принимают? – спрашивал очередной клиент выходного дня.

– Здесь, – деловито отвечала Пурик, – говорите, какой текст надо.

Клиент сообщал текст бегущей строки или заказывал поздравление близким. Но какое бы желание ни удовлетворяла Пурик, встреча ее и клиента заканчивалась одинаково.

– Деньги давайте сюда, – говорила она.

Клиент отдавал сумму и в свою очередь спрашивал:

– А чек?

– Сегодня выходной, если нужен чек, приходите в понедельник, – произносила Пурик волшебную фразу, и клиент исчезал.

Затем Пурик звонила на телецентр и диктовала дежурившему технику-специалисту текст объявления и требовала его выхода в эфир, что в телерадиокомпании было в порядке вещей и никого не настораживало. А если какой-нибудь посетитель потом и заходил за чеком, что случалось крайне редко, то у Пурик была приготовлена другая фраза:

– Этот заходил в выходные, только от работы отвлек. Выбейте ему чек.

Затем непослушными пальцами Пурик с пульсирующим криком в голове: «Вот жлоб!!!» – отсчитывала выбитую на чеке сумму и отдавала...

И все шло гладко, пока не пришел, наконец, клиент, в котором опытная, да что там – многоопытная Пурик не сумела разглядеть черного зерна...

ЧЕРНОЕ ЗЕРНО

«Даже мелкий червяк портит большое яблоко».

Настроение Пупик беспричинно страдало и страдало настолько, что попадись ей на глаза начальник, она сказала бы ему будто вынужденно и смиренно:

– Телевидение, Стас, у нас никакое. Стыдно говорить, что работаешь здесь. Все плюются.

Затем, видя огорченное лицо главного редактора, Пупик выразила бы внешнее соперничество, а внутренне бы посмеялась и поправила настроение. Но день был выходным, не было не только начальника, пустовало все здание телерадиокомпании, молчала курилка, не звучала музыка в кабинете заместителя по техническим вопросам, и как назло ни одного объявления. Пупик, устав от бестолкового ожидания, направилась к одежному шкафу, как глухо стукнула входная дверь.

– Где тут объявления дают? – понеслась по телерадиокомпании сердитая, как ножовка, мужская фраза. – Куда все подевались?

Неуклюжим бегом старого перегруженного слона Пупик выбежала из бухгалтерии в коридор и увидела грузного просто одетого мужчину с коротким костылем в правой руке.

– Проходите сюда, – командно сказала она, и хромоногий, постукивая костылем о половое покрытие, пошел за ней.

– Я даже хромой и то быстрее. Понаели зады, – проворчал он спокойно, словно так разговаривать с людьми было для него обычным делом.

– Вы что хамите?! – оскорбилась Пупик.

– Ты, тетка, занимайся делом, никто тебе не хамит, – ответил хромоногий.

– Следите за языком, – не утерпела Пупик. – Если пришли ругаться, то уходите, если дать объявление, то пишите и платите деньги.

Хромоногий написал текст, Пупик подсчитала стоимость.

– Двести пятьдесят рублей и без сдачи, – сказала она, взяла требуемую сумму и замерла в ожидании ухода скандального посетителя.

– А чек где? – грозно спросил тот и, выслушав традиционное объяснение Пупик, добавил. – Ну, как не понаест брюхо, если мимо кассы?..

– Не нравится, забирайте деньги, – злобно тявкнула Пупик, протягивая рубли. – Я в выходные корячусь, а он – чек.

– Деньги оставь, мне объявление нужно, – отступил назад хромоногий, опершись для устойчивости на костыль.

– Раз надо, так не хамите. За чеком зайдете, если такой правильный! – продолжила наступать Пупик.

– Ты что, не видишь костыль? – пригрозил хромоногий.

– Если нужен чек, то пробежишься! – прикрикнула Пупик.

Хромоногий ушел, но был он из тех, кто и с костылем обойдет вокруг света, лишь бы наказать того, кто заставил его прошагать лишние сто метров. Обида внутри него кипела и в ней, словно картошка в бульоне, всплывали и исчезали кассовые чеки. Именно в таком состоянии он пришел к Хамовскому на прием по личным вопросам.

Правдоискателей Хамовский вынужденно принимал, но не любил. От правдоискателей часто плохо пахло, их лица нервно горели, от них исходила зараза внутренних расстройств. Поэтому руку правдоискателям он старался не подавать, поскольку по глубокому убеждению Хамовского правдоискатель мог через физический контакт заразить его нищенством.

Хромоногий ничем не отличался от других правдоискателей. Хамовский почти не слушал его, подобных речей звучало в кабинете главы города уже столько, что казалось, стоит провести по стенам пальцами, как их чувствительные подушечки, как звукопередатчики грампластинок, уловят заунывно-гневную мелодию жалоб. От Хамовского требовалось лишь исполнить ритуал приема, продемонстрировать внимание, а затем сказать:

– Я не готов решить вашу просьбу сиюминутно. Мы рассмотрим ее в обычном порядке. Обращайтесь к такому-то.

Этим обычно дело и заканчивалось, но внезапно Хамовский услышал в монотонном говоре правдоискателя слова, интересовавшие его лично.

–... я же и говорю, что деньги за объявления берут, а чеки не дают. Наверняка себе в карман.

– Что?! – возмущенно спросил Хамовский. – Крадут бюджетные деньги?

– Похоже, – ответил хромоногий. – По тридцать рублей за слово, получается сумма.

– Пишите заявление, – прервал Хамовский.

Пока хромоногий правдоискатель крутил ручкой по бумаге, Хамовский включил телевизор и канал с бегущей строкой, посчитал количество объявлений в минуту, принялся суммировать и умножать. Считать он умел, поскольку имел большой опыт в присваивании денег, знал приличествующие размахи воровства, но когда завершил расчеты, то испытал потрясение, какое испытывает при потерях свинья-копилка. Куплин брал слишком много для того, чтобы брать, не делаясь с ним – с главой города.

– Не для того куплен, не для того, – зло проговорил Хамовский.

– Что, что? – переспросил хромоногий.

– Можете идти. Таких не покупаем, – отмахнулся Хамовский. – Заявление оставьте.

На следующее утро Хамовский пригласил к себе самых преданных своих соглядатаев и выдумщиков подлостей: своего заместителя по кадровой и прочей политике Лизадкова, пресс-секретаря Бредятина и редактора муниципальной газеты Квашнякова и поручил им собрать на Куплина компромат, чтобы при нужде расстаться с главным редактором телерадиокомпании, было чем принудить его уволиться по собственному желанию.

ПОДАРКИ

«Подарок – это часть дарящего, а не недостающее для одариваемого».

Лес, начинавшийся за кольцевой дорогой, освещался случайно и скупо. Темные лапы сосновых ветвей клонились к земле под тяжестью снега. Ветра не было совершенно, но мороз сполна возмещал его отсутствие. По многолетним наблюдениям Алика, журналиста из газеты маленького нефтяного города, его обмороженные уши мерзли при минус десяти, его обмороженный нос мерз при минус двадцати – сегодня, за четыре часа до Нового года мерзло все, даже пальцы в теплых овчинных рукавицах.

За кольцевой дорогой путь к лесу преграждал только заборчик, протянутый по приказу Хамовского. Этими заборчиками в маленьком нефтяном городе были обнесены все газоны и посадки деревьев. Их установка объяснялась жителям, как предохранительная – от вытаптывания и порчи насаждений. СМИ положили немало сил, расхваливая эту затею. Но суть этого заборчика была в ином: каждый грамм его списанных стальных труб, покрытых дешевой краской, стоил для бюджета не меньше грамма золота, большая часть которого осела в карманах Хамовского.

Ходили слухи, что горожане иногда напильником или пилками по металлу пробовали заборчик, в поисках золотого звена, проскользнувшего мимо Хамовского, ползли слухи о счастливицах, которые находили золотишко, но Алик считал это пустыми рассказами. Он остановился перед заборчиком и бросил ищущий взгляд на ряд пятиэтажек, стоявших по другую сторону дороги, точно крепостная стена, отделяющая хантыйскую сказку от нефтяной были.

За самостийную рубку елок полагался штраф. Вдоль домов и у пристроенного к ним магазина спешащими перекатипольными тенями витала суета. За цельностью леса на беглый взгляд Алика никто не следил. Мимо проехала машина, обдав его обжигающим холодом. Алик, прикрыв рукавицей нос, перескочил препятствие и по колени утонул в снегу.

Снег вздымался волнами и замирал, он почти бесшумно сминался, и только когда подошва достигала почвы, издавал короткий сдавленный выдох, точно под ногой сминался неведомый науке подснежный жук. Позади Алика оставались две борозды на поверхности потревоженной им снежной целины: одна – от него самого, вторая – от пакета, в котором лежали короткая ножовка и топорик для разделки мяса.

Дома, после работы в последний день года сразу за входной дверью его встретили дети и Марина, его нынешняя жена, с которой они сошлись после долгой разлуки и забыли все плохое, что их разделило, но увидев, что он без елки, дети грустно исчезли в своей комнате, а Марина – на кухне.

Алик натянул дырявые, но плотные джинсы, крытый крепкой черной тканью овчинный полушубок, высокие ботинки, собачью шапку, которая иногда служила постелью для домашней кошки, взял инструмент и вышел за дверь.

Обычно воздух в тайге возле дороги наполнялся волшебным сумеречным сиянием. Чистый белый снег, устилавший весь лес, разносил свет придорожных фонарей так далеко, как удавалось углубиться взгляду. Но сейчас придорожные фонари молчали, темнота с каждым шагом усиливалась, и сосны, словно чувствуя припасенные в пакете опасные инструменты, располагали ветви на уровне глаз Алика. Иголки на ветках ощеривались, будто жадные острия вилок, и жаждали ослепить. Алик не раз уклонялся от них, отбивался, если ветки хватили за шапку, а иногда и благодарил господ за очки, в которые упирались иглы.

«Вот и люди как эти стволы – одни крепкие и создают обширную крону, другие худосочные и дают жалкие ветви, но и те, и другие в конце жизни не годятся ни на что иное, как на дрова, – размышлял Алик, углубляясь в тайгу. – Куда мы сами-то идем? Разве ради добычи денег и пропитания мы родились, разве ради облагораживания жилища и ублажения инстинктов? Ты чувствуешь, как этот северный лес чистит тебя от мыслей мира, оставшегося по ту сторону дороги, как все величие природы противится суетному? Зачем дается это противопоставление, не для того ли, чтобы увлечь, чтобы отвлечь от собственных обид и мелких стремлений, вроде температуры на экране телевизора и сломанного крана в ванной? Что хочет тот, кто нас сюда определил?»

Вопросы звучали в голове, как звук телевизора в пустой квартире, тьма впереди уплотнялась, заливая лес так, что отдельные деревья были уже не видны, они объединялись в стайки, тучи, а то и стену. Дальше идти было бессмысленно: ночь стирала разницу между слепцом и зрячим. Алик обошел ближайшую стайку деревьев, по высоте – не более чем сосновых детей, так, чтобы видеть их на просвет. Одиноким магазинный фонарь замелькал, разрезаемый сосновыми иглами и ветками, а то и вовсе гасимый сосновыми стволами, и в этом нетвердом свете Алик разглядел вполне приличную сосенку.

«Любая жизнь есть путь к смерти, – опять заговорил телевизор в голове Алика, когда тот принялся пилить сосенку. – Каждый живой организм инстинктивно исполняет свое предназначение. И беда человека в том, что он способен отказаться от предназначения, потерять к нему интерес, а затем заблудиться в поисках смысла жизни».

Последняя жила соснового ствола шумно разорвалась, надкушенная стальными зубьями, и дерево упало бы, если бы Алик не придерживал его за ствол. Ронять сосну на снег на таком морозе было равносильно тому, что оскоблить ветки ножом: оледеневшие иглы отлетели бы, как пух с одуванчиков.

Вот так он и пошел к дому, держа легкую юную сосенку, как сумасшедший букет в одной руке, в другой – все тот же пакет, а на примороженном лице его рождалась улыбка. Он был рад, что вышел в этот мороз из дома, что впервые полностью самостоятельно добыл сосенку и что самое главное – не смирился с обстоятельствами, и с каждым шагом настроение становилось все более праздничным.

«Потеря искренних желаний равносильна смерти, – продолжал говорить в его голове телевизор. – Если открываешь глаза и не знаешь, зачем открыл их, или, если идешь не для того, чтобы дойти куда-нибудь, а чтобы исполнить привычное то уже на пороге смерти. Если знал лучшее, то подобная жизнь – не жизнь вовсе, а царство небытия. Где та звезда, которая осветит и откроет путь, увлекающий и завораживающий? Где тот человек, который выскажет гипнотическую истину? Чем больше увидел и познал, тем меньшим можно удивить и увлечь, но состояние увлеченности необходимо как воздух, тем более в этом маленьком нефтяном городе, бедном на людей и впечатления, где так легко превратиться в болотную лягушку, мечтающую лишь о сытости».

На окраине леса и вблизи дороги милиции не было, только возле магазина продолжали витать запоздалые тени. Жизнь стихала в предвкушении. Он не был шумным, этот маленький нефтяной город, но сейчас словно обезлюдел, будто внезапно и массово сбылась мечта его жителей, уехать по прошествии определенного срока в теплые края с хорошими деньгами. Но нет – окна пятиэтажек еще только сияли этими новогодними надеждами, и к своему окну шел Алик.

«Кажется, что настоящая жизнь там, где много огней, домов, машин, людей, в общем – той мишуры, что называется цивилизация, – уже мысленно говорил он умолкшему телевизору в своей голове. – Мишура увлекает настолько сильно, что многие вспоминают о душе лишь перед тем, как проститься с жизнью, а душа все-таки богатеет не в суетности, а в тишине, в которой только и вероятно расслышать тихий голос истины...»

Поток сознания, напоминавший снегопад, а в данном случае – словопад, прервался скрипом подпружиненной подъездной двери, и Алик, стараясь не задеть сосной за дверные косяки, внес лесную красавицу в подъезд и только тут рассмотрел. Пушистой она не была. Худосочные ветви, кривоватый ствол, одна почти голая сторона которого выпирала как позвоночник...

«Ветви хоть и тонкие, но, похоже, удержат елочные игрушки, – погасил разочарование Алик, – голой стороной поставлю к стене, «дождь» скроет огрехи. Главное – она сиюминутно из тайги». Ноги нащупывали ступени подъездной лестницы привычно, не отвлекая мышление.

«Кончится нефть, и этого города не станет. Только отвод дороги от основной трассы, упирающийся в полуразрушенные постройки заставит предположить, что здесь было поселение, – продолжил рассуждения Алик. – Потом исчезнет и отвод дороги, а вместе ним и предположение. Так и жизнь человеческая. Вместе с дорожками, ведущими к человеку, стирается память о нем. Заядлые археологи, фанатичные архивариусы или библиофилы, может и узнают, что жил такой-то и даже измерят параметры его черепа или строки. Вот и вся жизнь после смерти. Большинство дорог забывается со временем».

Блестящие нити новогоднего «дождя» и игрушки преобразили неказистую сосенку, она засияла, как корявая, но живая мысль, облаченная в красивую форму строк. И тут Алик понял, что не только сосенку нашел в тайге, он и себя приумножил. Собственные глубины нисколько не светлее, чем ночная тайга и так же богаты находками. Даже уходя в себя, не знаешь, каким вернешься.

Необычен процесс мышления – он не терпит проторенных троп. Грамм открытия на тонну труда и везения – вполне съедобный бутерброд. Если сегодня хорошая мысль пришла в бане, то это не значит, что найдено универсальное решение.

«Как ты можешь из ничтожного пустяка сделать отличный материал?!» – спрашивала когда-то Алика его знакомая журналистка Аида, намекая одновременно и на свое превосходство. Алик не ответил на этот вопрос, потому что пустяков для него не существовало.

Таежный лес и мороз для очень многих были не более, чем помехой на пути домой, обязательной принадлежностью хороших заработков, как кожура на картошке. Зимой жизни между помещениями почти не существовало. Люди почти бежали по улицам маленького нефтяного города, спеша к стульям, диванам и теплым батареям, не замечая маленьких чудес, открывавшихся по сторонам. Они вечерними тенями вились возле магазинов и возвращались за свои яркие окна, а в этот предновогодний вечер многие из них смотрели праздничную программу местного телевидения.

СКАЗКА МАЛЕНЬКОГО НЕФТЯНОГО ГОРОДА

«Чем лучше лесть приготовлена, тем легче она проглатывается».

Когда над маленьким нефтяным городом пролетают по направлению к югу сытые и жирные после летнего откорма стаи уток, оглашая болотно-озерный край скорбными прощальными криками, пожалуй, не один северянин провожает их уставшим от однообразия таежной жизни взором и вспоминает заветную мечту. И эта мечта совсем не связана с изучением достойных наук или с созданием блестящих талантом произведений, не связана она и с возвышенным полетом сердечных чувств. Она проста как осенняя песня откормленных уток и так же мимолетна. Такова была маленького нефтяного города, куда каждый приехал на несколько лет, чтобы подзаработать и поднакопить но, не добившись ни того, ни другого, остался здесь жить на долгие годы. Какова же сказка?

Хвостокрутов работал пастухом, в самом что ни на есть убыточном крестьянском объединении, которое то называлось деревней, то – колхозом, то – опять деревней. Народ доверял ему коров, и каждое утро из калиток выходили рогатые и хвостатые, оглашая неасфальтированный безунитазный край мучительными стонами. Были пастухи, которые зарабатывали на этом промысле хорошие деньги, направляя племенного бычка куда надо и вовремя сообщая хозяевам о приближении коровьих родов, но не таков был Хвостокрутов. Водил он коров по местам, где травы не хватило бы и собакам для поправки здоровья. Коровы у него были поджарые и с каждым днем все более тощали, а племенному бычку было не до любовных инстинктов, поскольку, из-за недоедания, морда его была обращена не к филейным коровьим частям, прикрытым тонкими, как трусики стриптизерш, хвостами, а к земле, покрытой жухлой травой.

Лентяй на крестьянских угодьях наложен. Хвостокрутова уволили из пастухов, но он не расстроился, а, немного отдохнув дома, нашел работу. Работал он и слесарем, и плотником, и помощником тракториста, но нигде не прижился. Так бы и зачах Хвостокрутов как комнатное растение без полива, если бы не получил он как-то письмо от давно забытого товарища. Он поднес конверт к глазам и прочитал вслух скрипящим веселым голосом:

– От Свинтяева.

Воспоминания иногда схожи с рыбной ловлей в мутной воде деревенского пруда невооруженной снастями пятерней.

«Свинтяев? Э-э-э... Вроде, где-то пили мы с ним.э- э-э, – постепенно вспоминал он, потряхивая головой. – Еще на Север собирался, работу искать, обещал сообщить. Точно! Я же сам ему свой адресок написал...»

Хвостокрутов присел на покосившуюся лавку возле своего дома, нетерпеливо разорвал конверт и заскоблил взглядом по истерзанной мужскими каракулями бумаге.

«Привет, земляк! Извини, что долго не сообщал, но завертелся. Много писать не буду. Скажу только, что можешь приезжать. Работу найдешь легко. Помогу. Здесь всех берут. Здесь такие работают, что рядом с ними ты академиком будешь. Причем зарплаты хорошие, да и приработок есть. На первое время можешь остановиться у меня

Двухэтажный домик службы трудоустройства находился не как обычно бывает подальше от остановки, спрятанный в городских буераках, чтобы народ не сильно-то захаживал, а совсем наоборот. На нем призывно горела яркая неоновая вывеска, а одетый в темно-синюю ливрею привратник открывал дверь посетителям. Хвостокрутов удивленно присвистнул, поднялся по ступеням и зашел.

Очереди не было никакой, словно бы Хвостокрутов зашел в пункт приема пожертвований. На входе сидела приятной наружности секретарша, которая, мило улыбаясь, поинтересовалась:

– Вы по какому вопросу?

– Насчет работы, – ответил Хвостокрутов.

– Пожалуйста, вперед и налево, – удивленно ответила она и спросила. – Вы до сих пор не работаете?

– А что тут странного? – спросил Хвостокрутов.

– Мы ж давно победили безработицу, – ответила секретарша и вдруг облегченно добавила. – Вы, наверное, газету нашу не читаете и телевидение не смотрите. Недавно приехали?

– Вчера, – ответил Хвостокрутов и прошел по маршруту, изложенному секретаршей, провожаемый сопереживающим взглядом.

– Можно? – спросил Хвостокрутов, приоткрыв дверь кабинета.

– Конечно, конечно, – доброжелательно отозвалась не менее приятная, чем секретарша, женщина. – Заходите. Чайку, кофейку?

– Да мне бы работу, – нетерпеливо обрисовал свои претензии Хвостокрутов.

– Это само собой, – понятно и душевно успокоила женщина. – А пока раздевайтесь и говорите, что будете чайку, кофейку, с печеньем или с конфетами?

– Давайте чай и печенье, – ответил Хвостокрутов, вешая куртку. – Но как же с работой?

– Присаживайтесь, – пригласила женщина и включила чайник. – Какую работу вы бы хотели?

– Мне нужна работа несложная. Ну, чтобы сиди да перекладывай бумажки с места на место, а если надо, то и печатью об стол. И главное, чтоб в тепле, а то у вас тут холодно, и зарплата чтоб приличная.

– О-о-о, это пустяки, таких должностей у нас много, – ответила женщина. – А куда вы хотите: к нефтяникам, в городскую администрацию, в милицию?..

– У вас такой выбор?! – удивился Хвостокрутов.

– Сейчас чайку выпьете и определитесь, – успокоила женщина, направляя кипяток в чашку, где уже лежал пакетик «Липтона» с яблочным вкусом.

– У нас многие, как и вы, теряются от изобилия должностей, – объяснила она. – Но все благодаря главе города. Предприятия извещают нас о вакансиях, даже о престижных, которые обычно по знакомым. А вы раньше кем работали?

– Руководителем, – незаметно для самого себя соврал Хвостокрутов, потягивая чай. – Под моим началом было около ста голов и сиденье под задом, потом пошел на повышение и стал гайки закручивать, затем пришлось постругать, а последнее место работы – в тепле и безо всяких скандалов.

– А трудовая? – спросила женщина.

– Сгорела, – просто ответил Хвостокрутов. – Не верите?

– Да что вы!? Как людям не верить? – обиделась женщина. – Вот вам направление, будете работать начальником отдела, и не смею задерживать.

Предприятия в маленьком нефтяном городе приветливо улыбались Хвостокрутову, но сердце его трепетало: направление имелось, но как там окажется в действительности? Он шел и думал по этому поводу, из задумчивости его вывела следующая картина.

Возле пешеходного перехода в два ряда выстроились автомобили – на той символической границе, где серая лента асфальта разрезается белыми полосами. На переходе никого, к нему только-только приближалась женщина. За лобовыми стеклами, и это было хорошо видно, водители помахивали руками, приглашая ее пройти на пешеходный переход.

Хвостокрутов замер, а нижняя челюсть, потеряв мышечный контроль, стала опускаться, когда один из автолюбителей, сидевший за рулем ближайшей машины, выскочил из нее, под-

бежал к этой женщине, взял ее за руку, сопровождал до середины дороги, а на прощанье поцеловал в щеку.

Хвостокрутов огляделся. Рядом с каждой пожилой женщиной шел младший школьник и нес ее тяжелые сумки, что-то весело рассказывая. Никто не курил, не плевал и не пил пиво на улице и ни одного мата... Тротуары поражали необыкновенной чистой, а жилые дома сияли красками, а не натурализмом строительного материала.

«Вот это город, вот это житуха», – подумал он и пошел на остановку, где народ, ожидая маршрутку, занимал очередь на посадку.

– Вы спешите? – участливо спросила его женщина, стоявшая в очереди.

– Спешу, мне на работу надо устроиться, – ответил Хвостокрутов.

– Тогда проходите вперед, – хором пригласила его очередь.

– Так, я ж не за водкой, – удивился Хвостокрутов.

– Не имеет значения, – ответила очередь.

Предприятие по добыче нефти Хвостокрутов нашел быстро. Зашел, а там его уже ждали на проходной.

– Уже слышаны, слышаны, Юрий, извините, не знаю отчества, – уважительно вытянулся в струну охранник. – Начальник вас ждет. Зовут Владимир Владимирович. Проходите наверх по лестнице.

Хвостокрутов вошел в приемную и мигом был принят.

– Какой контракт хотите? Называйте сумму не стесняйтесь, – радушно предложил Владимир Владимирович.

– Хотя бы, ... – начал было Хвостокрутов.

– А бог с вами, дам вам оклад, как у меня, – недослушав, произнес Владимир Владимирович. – А сейчас быстрее на медосмотр и к главе города, он для вас уже квартиру подготовил.

Хвостокрутов от таких чудес будто бы опьянел, и вокруг него завертелись головы, возникавшие, словно из воздуха, и в воздухе же и исчезающие:

– Сразу, как услышал, что вам жить негде, решил дать вам двухкомнатную, на вырост, ведь женитесь еще, – говорила голова Хамовского приветливо. – Я теперь не матерюсь

– это неприлично, а раньше мог. Грубоват бывал. Может еще чего надо? Рекомендую воспользоваться программой переселения, как захотите уехать.

– Да я отсюда никуда, – вмиг выстрелил Хвостокрутов...

– Хотите больничный бесплатно? – спрашивала его голова в белом врачебном колпаке. – Как устанете от работы, приходите. Любые обследования по вашему первому желанию. И смотрите, более трех лет здесь жить нельзя! Но вы и сами с радостью уедете, потому что денег заработаете прорву, и жилье на земле дадут. Здесь ко всем такое отношение.

– Спасибо, спасибо, – зататорил Хвостокрутов...

– Проходите, проходите, это теперь ваша квартира, – приглашала позвякивая ключами начальница управления коммунального заказа маленького нефтяного города Горилова. – Мы строим комфортное жилье, недостатков нет. Осторожнее с горячей водой, из крана течет кипяток, и к батареям зимой не прислоняйтесь – ожог будет. И что особо вас обрадует – мы каждый год понижаем квартплату.

Тут Хвостокрутов не выдержал и упал в обморок, а когда очнулся, то увидел перед собой по-отечески заботливое лицо врача скорой помощи Моргопланова.

– Пришел в себя дорогой, очнулся, – обрадовался он. – Это бывает с вновь прибывшими. У нас действительно райский город. Из деревни пожаловали?

Хвостокрутов кивнул.

– Я так и думал, – продолжил Моргопланов. – Ты еще во дворах не гулял. Увидишь, как у нас собак выгуливают, опять грохнешься. Все на поводках, в намордниках. Собаководы собирают экскременты за псынами в пакетики, а чтобы завести четвероногого друга, они ж

по подъезду ходят, разрешения спрашивают. Так что, привыкай деревня к отлаженной жизни Крайнего Севера. Ну, ты в норме?

Хвостокрутов кивнул...

Он вышел в подъезд и этажом ниже встретил пацанов, которые на лестничной площадке наперебой читали Пушкина.

– Можно мы тут посидим? – спросил один из них у Хвостокрутова. – Мы не мусорим, а если надо пол в подъезде вымоем.

– Сидите, мне-то что, – сказал Хвостокрутов.

У подъезда он встретился с пенсионеркой, та сидела на лавочке и шурила глаза на солнце.

– Присаживайтесь, – пригласила она. – Вы наш новый жилец?

– Да, – признал факт Хвостокрутов.

– Чудесный город, чудесный, – поделилась пенсионерка. – Снег здесь убирают сразу, как выпадет. Чиновники каждую минуту наполняют служением людям. Вот моя дочурка не могла замуж выйти. Пришли на прием. Так Хамовский предложил хороших мужиков с зарплатой на выбор. И такое во всем. Чудесный город, чудесный...

Это была идеальная телевизионная программа Татьяны Валер, супруги Нестора Павшина, за которую она получила звание: журналист года маленького нефтяного города. Все остальные подобные звания за предыдущие и последующие годы забрал себе основатель конкурса «Человек года» – главный редактор газеты маленького нефтяного города – Квашняков.

В это же время в маленьком нефтяном городе создавалось иное произведение, да такое, что если бы о нем узнал кто-либо из начальства, то автор долго бы в маленьком нефтяном городе не прожил, а если бы и прожил, то времени не имел на подобное писательство, поскольку искал бы, чем прокормиться.

ЗАРОЖДЕНИЕ КНИГИ

«Отдавать другим можно тогда, когда, наполняя собственную чашу, не делаешь ее полнее, но и отдавая, не осушаешь».

Это было лучшее, что Алик писал когда-либо, и он это знал. Книга задумывалась, как дань памяти Сапы, его мудрого учителя, как долг судьбе, вынудившей Алика скрыть свое авторство на листовки, высмеивавшие Хамовского и Квашнякова, а по словам Сапы, его уволили из администрации маленького нефтяного города именно из-за них.

Книга, словно живой организм, пожирала все, что только казалось ей полезным и вкусным. Она втягивала в себя старые дневники, интересные газетные работы, наблюдения за людьми, опыт работы в журналистике и самих журналистов... и афоризмы, и мысли, которые Алик все сочинял и сочинял:

«И таракан может гулять по книжным страницам, но это не значит, что он понимает написанное».

«Чтобы получить урожай земледелец бросает зерна в определенное время года и в определенные дни. Так, видимо, и писательство, чтобы от сочиненного произрастали мысли, надо укладывать вызревшие семена идей в строки в благоприятное для их посева время».

«Кто ест непрерывно – может только заболеть»...

«Насколько будет занятна моя новая книга?» – задумывался иногда Алик...

Впервые он разложил листы рукописи, лежа на больничной койке тюменского кардиологического центра весной через три года после ухода Сапы. К этому времени в нем рассеялась горечь поражения в борьбе с Хамовским за свободу слова в маленьком нефтяном городе, и строки ложились легко без привкуса былых обид.

Было время, когда ему, желавшему остаться при работе в газете маленького нефтяного города, приходилось любезничать с ее главным редактором Квашняковым. Он даже напоминал Квашнякову о том, что тоже хохол по предкам, пытаясь расположить того к себе, заставить забыть то, что называл его ГовСаней в своей газете «Дробинка».

– Что, гроза чиновников, с шефом отношения налаживаешь? – смеялись сотрудники газеты.

Отчаяние темное и тяжелое, как многокилометровая толща воды над дном Марианской впадины, ложилось на Алика, когда он задумывался о своем положении.

Он писал тексты, прославлявшие городские структуры и самого Хамовского. В день печати, который администрация маленького нефтяного города символично отпраздновала в ресторане «Юность комсомола», он перед чиновниками, сознавая унижительность происходящего, спел песню на свои стихи, а потом под общие аплодисменты вызвал в центр зала первых редакторов газеты:

– Хамовский, Бредятин, Квашняков!!!

С ними, с кем он не только ругался, но и воевал, обличал, против которых выпускал свою газету «Дробинка» и даже листовки, он вынужденно демонстрировал радушие и дружелюбие. Более того, он даже сумел выхлопотать Квашнякову одну из высших наград российской журналистики.

АЛИК ДЕЛАЕТ НАГРАДУ КВАШНЯКОВУ

«Каждому кажется, что его чувства самые верные и уникальные, поскольку иных чувств человек и не знает».

Боязнь потерять работу в городской газете после того, как избиратели не проголосовали за него на довыборах в городскую Думу, заставила Алика пройти процедуру самоунижения. А что делать? Выбор невелик: гордое безработное одиночество или рамочное творчество.

«Что такое народ? – раздумывал в это время Алик. – Это безмозглый чугунный шар, который толкают с разных сторон и который подчиняется большей силе, или коллективный разум, выбирающий лучшего исполнителя собственной воли?»

Алик выбрал первый вариант, а раз так, он посчитал, что никаких долгов перед чугуном не имеет, и он волен зарабатывать на чем угодно. В пределах дозволений совести, конечно.

Успешная работа на благо администрации маленького нефтяного города, в отличие от работы на благо народа, вылилась для Алика в успех во внутриредакционном конкурсе, главным призом в нем была творческая командировка...

– Ну что, Александр Васильевич, отпустите меня в Египет? – спросил Алик, как только узнал, что Союз журналистов России организует такую поездку. – Обещали же.

– Куда, куда? – переспросил Квашняков, лицо-маска которого выдавало, что он и сам не против заграничной поездки.

Алик прекрасно понимал состояние Квашнякова, который даже торт, подаренный редакции на юбилей, унес к себе домой, а ноутбук, подаренный ему Хамовским за победы в конкурсах, записал как имущество газеты.

– Организуете поездку журналистов в честь трехсотлетия российской прессы, – ответил Алик. – Я выиграл конкурс. Путевки недорогие.

– Хорошо, – согласился Квашняков. – Давай счет и мы оплатим.

За этим «хорошо» Квашнякова последовало столько препятствий, что только обращение Алика к главе города Хамовскому заставило Квашнякова оплатить счет, а перед отъездом в Египет он вызвал Алика к себе в кабинет.

– У меня к тебе большая просьба, – с улыбкой сказал Квашняков. – Союз журналистов выпустил почетный знак, которым награждает особо отличившихся. Я читал о нем в журнале «Журналист». Их всего тысяча на Россию. Делай, что хочешь, но этот знак для меня достань.

– Но как?! – удивился Алик, мысленно обругав начальника за очередное проявление жадности.

– Ты лауреат конкурса Союза журналистов. Ассоциация региональных СМИ тебе тоже дала диплом. В общем, ты примелькался. Постарайся и для меня. Без знака можешь не возвращаться.

Старческий голос Квашнякова озвучивал странные слова, его лицо-маска нервно подергивалось, но не выдавало, шутит он или нет. Алик понимал, что если бы он не выбивал из Квашнякова свою поездку, как выколачивают из сметаны масло, то ничего бы не получил. И сейчас Квашняков искал ягоды на пустой лужайке благодарностей.

– Александр Васильевич, тут нет гарантий. Они сами дают награды, – воззвал к разуму Алик. – Кто я такой, чтобы у них требовать?

– Я знаю, как дают награды, – заверил Квашняков. – Будь ты умнейшим из журналистов, самым человечным человеком, не попросишь, не напомнишь о себе, никто ничего не даст.

– О чем вы? – агрессивно удивился Алик. – Я свои дипломы заработал честно. Никого там не знаю, и меня не знают.

– У них есть квоты, можешь не сомневаться, – объяснил Квашняков. – Они не могут все дипломы оставить в Москве. Часть предназначена для провинций, а там тоже деление по регионам. А тут – как повезет. Если твоя работа хороша, а других работ из твоего региона нет, вот ключ к победе. В общем, кто успел, тот и съел. Это же касается и знаков. Красивые характеристики отдел кадров подготовит на меня и на тебя. Вылетай пораньше и выбивай знаки. И тебе будет хорошо, и мне. Я в долгу не останусь.

Обделенность журналистскими наградами вызвала в душе Квашнякова гниlostное порождение болотной тоски, готовый жалить и засасывать. Он написал книжку «Старый слон», которую считал талантливой, но опять ничего не получил. Жажда наград подтолкнула его к изготовлению через екатеринбургское издательство почетных орденов и памятных значков газеты маленького нефтяного города. Он вручал их и себе, и другим, но наградной онанизм не утешал, поэтому он зло глянул Алику вслед...

Человек всегда найдет, чему завидовать. Зависть – это желание иметь качества, создающие успех, и предметы, являющиеся его следствием, но без тех трудностей, какими успех и награды получаются. Однако медведь, получив голос соловья, и летать не сможет, и в поединках потеряет удачу. Водочная бутылка, наполненная самой хорошей минеральной водой, будет обругана. Каждая форма предназначена для своего содержания.

Надежда Козина – ее голос Алик узнал бы среди многих. Именно она помогла ему и другим лауреатам конкурса Союза журналистов России «Журналисты против коррупции» получить обещанную тысячу долларов от фонда Сороса. Примерно полгода длилась тяжба за деньги. Алик звонил в Союз регулярно и регулярно слышал успокаивающие слова Козиной. И сейчас, когда он бродил по протяженному коридору Союза журналистов, схожему с коридором общежитий и малосемейных домов, не зная к кому обратиться с просьбой Квашнякова, именно ее голос достиг ушей Алика, испускаясь из открытого кабинета, и Алик, предчувствуя удачу, зашел...

– Здравствуйте, – он тепло поздоровался с Козиной, хрупкой энергичной женщиной непонятного возраста. – Те, кто едет в Египет, тоже у вас отмечаются?

– Нет, у меня только билеты на Бал прессы, – сухо сообщила Козина. – Будете покупать? Три тысячи – билет.

– Скорее всего, – не отказался Алик, уже однако предполагая, что тратиться на Бал прессы в предвкушении Египта, не будет. – Кстати, спасибо, что из Сороса деньги выбили.

– Это наш долг, – ответила Козина. – А вы один из лауреатов?..

– Да, а сейчас приехал для получения почетных знаков Союза, выпущенных к 300-летию прессы, – зацепившись за удобную фразу Козиной, высказал главное Алик. – Все документы при мне. На главного редактора и на меня.

Козина взглянула обескуражено.

– Это не так просто, – попробовала отбиться она.

– Но я специально приехал, издалека, – приоткрыл часть правды Алик, лишь для того, чтобы взвалить на Козину груз своих командировочных расходов.

– Давайте ваши документы, я сейчас узнаю, но ничего не обещаю, – откликнулась Козина...

Минут через десять она вернулась с двумя красивыми знаками, похожими на ордена и удостоверениями к ним, заверенными Богданновым, председателем Союза журналистов.

Успех – это та волна, на гребне которой оказывается счастливчик и те, кто стоял рядом, поэтому надо держаться поближе к людям успешным и следить за теми, кто готовится взойти на волну, при этом, не забывая и о ловле собственных волн. Квашняков хотел получить часть

его волны – это Алик отлично понимал, поэтому вплоть до возвращения в маленький нефтяной город у него мелькала мысль: «Может Квашняковский знак выбросить?»

Однако, после прекрасного отдыха на берегу Красного моря, зайдя в кабинет Квашнякова, Алик ощутил желание поделиться радостью.

– Вот ваш знак, Александр Васильевич! – благожелательно произнес он.

– Спасибо, спасибо, доброе дело сделал, – повеселел Квашняков и спустя короткое время вывесил в холле редакции газеты маленького нефтяного города свой портрет с желанным знаком на груди.

«Что говорить об обмане, исходящем от незнакомцев, если нет уверенности в истинности того, что создаешь сам», – именно так оценил Алик знаковый авантюризм.

ХОЛОДНЫЙ ПУТЬ К СТАРОСТИ

«Близкие люди уходят из жизни внезапно, как гаснет одна из лампочек на люстре: жизнь продолжается, но теряет яркость».

Каждый его материал о маленьком нефтяном городе подвергался строжайшей цензуре, поэтому Алик постепенно привык готовить приемлемые тексты, а свою любовь к истине направил в написание рассказов, которые наспигованные литературным вымыслом настолько отстранялись от реальности, что проскакивали мимо острого нюха ответственного секретаря. Иногда он помогал Хамовскому сочинять его книжки и не брезговал никакой работой, надеясь, что в настоящем есть скрытый от него иной смысл, кроме выживания. И этот смысл возник, когда он начал работать над книгой.

«К чему мы идем, – размышлял Алик. – К мудрости? Всякая мудрость относительна, и чем больше узнаешь, тем шире горизонт незнания. К богатству? Но и богатство относительно. К профессиональному росту? Профессия – лишь плата за существование. Одинаково верно одно – мы идем к старости. Этот путь может быть теплым и холодным, ярким и незримым, медленным и скорым... Быстро стареют на тернистом, сдобренном переживаниями пути, на холодном пути, именно – холодном».

Еще разложив листы рукописи в первый раз, Алик понял, что не сможет удержать книгу в рамках нейтральных для главных фигур маленького нефтяного города, а искренняя книга на тему взаимодействия власти и журналистики, могла стоить ему благополучия, а возможно и жизни. Поэтому он решил довериться случаю.

«Разошлю письма с просьбой о финансировании книги по организациям города, если соберу деньги, то буду дальше работать. Если нет, то – нет», – так он доверил случаю участь своего искреннего желания.

Что такое жребий? Подсказка свыше или примитивная материалистическая вероятность – у гадалок и математиков на сей вопрос ответы разнятся, но при всех вариантах ответов результат жребия лежит вне воли человека. Именно такой совет хотел получить Алик, совет независимый, необремененный суетными желаниями денег и благополучия, совет из вечности, потому что проблему он решал неординарную: тратить ли силы для сооружения собственной плахи, пусть красивой, но смертоносной, или придерживаться придворного этикета журналистики, обслуживающей многочисленные отделы и учреждения администрации маленького нефтяного города.

Для начала за ответом на судьбоносный вопрос он обратился к Гориловой, начальнице управления коммунального заказа, к Ховк, начальнице жилищного хозяйства, к Мякити-ну, начальнику управления отопления и канализации, и так далее, и все эти лица, приближенные к Хамовскому, согласились дать деньги на книгу, не запрашивая даже черновик для ознакомления. Что ж, Алик к этому времени зарекомендовал себя, как человек дружественный главе маленького нефтяного города.

«Воруй, не хочу, – оценил он такой жест. – Но не забывай, что тебя после выхода скандальной книги могут проверить до копейки. Финансирование книги, направленной против власти, за счет власти может разозлить Хамовского».

Поэтому Алик открыл счет в банке и все деньги принимал только перечислением. Никакой слабодоказуемой наличности. Деньги поступали на счет быстро. Еще до создания первого черновика будущей книги Алик получил примерно половину суммы, необходимой для ее выпуска.

«Придется писать дальше, теперь я обязан отчитаться за использование средств. Не возвращать же деньги», – мысленно сказал он сам себе.

Сбор денег на новую книгу, конечно, не укрылся от ведения Хамовского.

– О чем пишешь? – спрашивал он иногда.

– Основная линия – казнокрадство Ворованя, начальника налоговой полиции нашего города, – правдиво отвечал Алик.

– Ты думаешь, что вытянешь целую книгу на этом сюжете? – грамотно интересовался Хамовский.

– Думаю, да. У меня достаточно материала. Если не хватит, подключу другие моменты, – расплывчато и спокойно отвечал Алик, словно бы речь шла о художественном описании политически бесплодного чирикания воробьев.

Он никогда не врал, кроме тех случаев, когда это было жизненно необходимо. *Меньше берешь на себя – легче летишь.*

Вторую атаку на книгу Алик начал летом этого же года в отпуске перед поездкой на черноморское побережье в однокомнатной пустующей квартире поселка Чернь Тульской области. В нее он приводил себя, словно арестанта, запирали и насильно заставляли писать, понимая, что если не посвящать свободное время желанному, то жизнь поглотится обыденным.

Именно во время работы над книгой Алика стали посещать странные сны, связанные с властью маленького нефтяного города, чего прежде не бывало. Эти сны оставляли яркое впечатление интуитивного прозрения – взгляда в будущее и скрытое настоящее. В первый раз это произошло так.

СТРАННОЕ

«Когда бы правильно понимать все подсказки судьбы, то не было бы на лбу столько шишек».

Алик зашел на кухню родительской квартиры и в недоумении замер: мать чистила ссохшуюся голову мумии, снимая с нее грязные истлевшие тряпки, словно капустные листья, и этих грязных голов перед ней было не меньше десятка.

– Зачем ты это делаешь? – испуганно спросил Алик.

– Надо почистить, обложить глиной и выпечь маски, – ответила мать.

– Кто тебя просил тебя этим заниматься? – в голосе Алика появились интонации паники и ужаса.

– Бредятин, – ответила мать.

Бредятин занял в аппарате Хамовского место советника, на котором когда-то работал Сапы, и каким-то образом проник на личную территорию Алика, причем так, что даже его мать стала подвластна Бредятину...

Алик резко проснулся, сходил на кухню, выпил воды и опять лег, не размышляя над странным сном, поскольку его ждал новый день работы над книгой, к которому требовалось подойти свежим и полным сил..., но проснувшись, он решил прогуляться.

РАБОЧИЕ САДЫ

«Вначале человек живет радостями родителей, затем своими, потом – своих детей».

«С горы спуститься, да на гору подняться», – так говорят чернцы о пути на садовые участки. Примерно три километра, минут сорок ходьбы. Пологий спуск, частично застеленный изломанной железобетонной лестницей, упирается в плоскость истоптанного коровами заболоченного луга. Далее – шаткий от старости деревянный мосток. И, наконец, пологий подъем к садовым участкам.

В свое время садоводы отказались платить по десять рублей в сезон за централизованную подачу воды на свои земли. Эти небольшие деньги просил слесарь, время от времени включавший насос и следивший за его исправностью. Оставшись без дохода, он бросил свой пост, оборудование разворовали, а теперь за воду каждый платит почти стократ.

Муниципальная водовозка, уж непонятно по чьей инициативе, заезжает на гору. Стоит бочка воды от двухсот пятидесяти рублей, а в засушливый сезон надо три-четыре таких. Но зато вода прямо с очистных сооружений, хоть пей. Вот так и все вокруг – *отказываемся от доброго старого, а потом тратим большие деньги, чтобы жить, как прежде.*

Тетя Надя ходит на гору ежедневно. В шесть часов вечера, зажав в руке авоську, корзину, или сумку, а то и ведро, спешит она в сад в свои шестьдесят лет с сахарным диабетом и прочими болячками, коих у нее немало. В ручной поклаже – еда, приготовленная на скорую руку после работы. Ей одной достаточно пенсии, но надо помогать дочке и внучке, худенькой, высокой девочке, которая и сопровождает ее.

Путь в ее сад пролегает меж других таких же участков. Вот здесь картошку выкопали, здесь – из теплиц все повыващали. Глядя на несчастья других, она успокаивается, видя свое поле, где зеленеет хорошая, видная такая, ботва. Только на краю поля – небольшое разорение. Тоже пробовали, копали, да картошка не понравилась – мелковата, как горох.

«Нам хоть такая сойдет, – утешает себя тетя Надя. – Как же зимой без картошки?»

А вот и сад. Хороший сад по сравнению с сибирскими. Тут и слива черная и желтая, и груши, и черная малина, и помидоры сортов эдак десяти-двадцати, и виноград... и традиционные: огурцы и зелень. Добротный захламленный домик, в котором, чтобы воры не растащили имущество, почти каждую ночь кто-то дежурит: либо сама тетя Надя, утром устремляющаяся на службу, либо кто-то из родственников.

Сад – не отдых – вторая работа. Сколько леек и ведер с водой требуют иссушенные солнцем грядки?! Пожалуй, не меньше сотни-другой за вечер. Потом надо собрать созревший урожай: ведерко помидоров, ведерко груш и сумочку слив, немного огурцов и лука. Если не собрать самим, соберут другие. Вот и получилось четыре ручных поклажи...

Узкий серп нарождающейся луны проявился над рябиной, а от заходящего солнца остался разве что малиновый полукруг. Короткий отдых и домой. Этой ночью за дачей сосед приглядит. Что потяжелее – тетя Надя сама несет, что полегче – внучка.

И вот они идут домой по той же дороге, облачками легкой пыли отмечающей каждый их шаг. Мимо на мотоцикле проезжают молодые парни, у каждого за плечами небольшой рюкзак.

«Наверное, накрали, – подумала тетя Надя. – Что-то не помню я таких. Да сюда хоть «КамАЗ» загоняй, никакой охраны, милиция это воровство не расследует...»

Сумки оттягивают руки и тете Наде, и внучке, благо, что хоть вниз идти...

Там, в Черни, клавиатура подаренного Хамовским ноутбука была разбита настолько, что из строя вышли три буквы. Материал, собранный для книги, нанизывался на ось повествова-

ния сам собой без предварительного плана. Оценка была одной: притяжение строк, интерес от чтения и перечитывания...

Так перед оплаченной Хамовским поездкой Алика на черноморский курорт «Шексна» возник второй черновик книги с неизвестным пока названием. Знал бы Хамовский, от чего собирается отдохнуть журналист с его помощью, то, пожалуй, приехал бы лично и удавил, но Алик не раскрывал свои планы полностью, предлагая потенциальным противникам ограниченную правду.

Надо отметить, что такое доверие к Алику появилось у Хамовского в результате большой работы нашего героя на своего, по сути дела, врага, что произвело на последнего неотразимое впечатление полного примирения и даже полного исправления бывшего опального журналиста. Алик помогал Хамовскому писать книги, готовить интервью, делал хорошие с точки зрения чиновников статьи, но все это он делал, во-первых, за деньги, а, во-вторых, ничего не врал и не привирал, если кто-то этим и занимался, то его цензор в лице Квашнякова и его слуг.

СКАНДАЛ МЕЖДУ ТРЯПКОЙ И ХОЗЯИНОМ

«Крики радости и боли мешают спать одинаково».

В просторном зале, словно светлое домино на потемневшей от ударов плоскости, стояли столы с расставленными на них закусками и бутылками. Они ожидали гостей, приглашенных на празднование Дня города, в настоящее время томившихся в ожидании фуршета в зрительном зале Дворца культуры, где поднятая на ноги самостоятельность выдавала номер за номером.

Хамовский расхаживал мимо яств и был похож на старого дурного бульдога, гуляющего без ошейника вдоль подъездов жилых домов.

Он уже снял пробу со всех блюд, поэтому на его галстук привычно повисла красная нить морковки по-корейски, в углах губ застыли крошки кулинарных формочек из-под салатов, в сосудах плыли хлопья склеившихся под действием водки кровяных телец, отчего отдельные сосуды в мозгу закупоривались, и Хамовский на ходу забывал то число приглашенных, то число тарелок на столах, а то и останавливался, ощущая себя в аэропорту, и вскрикивал:

– Когда взлетаем?

Подножки сознания раздражали Хамовского, поскольку память у него обычно работала не хуже компьютерной. В нездоровом поведении собственного организма он усматривал покушение на титул главы города, но, к сожалению, с разевшейся сволочью, в которой томился его муниципальный мозг, вынужден был сосуществовать мирно.

Озlobляли Хамовского и разные личности, которые шмыгали мимо время от времени и могли стырить что-нибудь со стола.

– Ты кто такой?! – рявкал Хамовский на каждого подозрительного.

– Да я ж официант, Семен Петрович, – блеял человек и бежал дальше.

Хамовский провожал его налитыми кровью глазами, но придраться было не к чему, и поэтому он отпускал вослед праздничное ласковое ругательство, которое стоило понимать: коли ты по делу, так иди.

Подобное спокойствие давалось Хамовскому через силу, поскольку за его неловкое состояние кто-то обязательно должен был пострадать. И чем больше он отпускал смиравших его ласковых ругательств, тем все больше напоминал профессионального озверевшего от прохожих сторожевого пса, уже истомившегося в ожидании того, кого можно было бы искушать.

«Почему всегда везде я? – спрашивал сам себя Хамовский, подначивая внутреннюю собаку. – Сценарий праздника – я, организация – я, так я должен еще и жратву охранять. Почему никто не распорядился? Где Лизадков, где Сирова?»...

Первый день праздника завершался. Телевизионщики исполнили план съемок, спущенный им на факсимильный аппарат из городской администрации, и никаких посторонних кадров и мнений. В телерадиокомпании маленького нефтяного города работали люди достаточно умные, чтобы понять, как надо работать и что показывать на экране, чтобы получить премию. Часть отснятого материала уже вышла в эфир и все сотрудники собрались в корреспондентской, чтобы поговорить и просто отдохнуть.

– Завтра еще куча мероприятий, не забудьте, кто когда снимает и кто когда монтирует, – напомнил Куплин. – Сегодня отработали неплохо.

– Может, выпьем по маленькой? – предложил Павшин.

– Кто побежит? – спросил Куплин.

– Антон, сбегай, – распорядился Павшин телеоператору. – Ты у нас самый молодой.

– Что опять, Антон? – делано возмутился Кузнечиков, просяще поглядывая на Куплина.

– Слушайте, есть идея, – заинтриговал Куплин. – Жрать хочется. Вечером праздничный салют снимать. Что мы не четвертая власть? Хамовский нам обязан: мы тут изводим себя во славу его, мозги людям рихтуем, а во дворце фуршет – для всех подряд. Давайте-ка туда наведаемся. Не обеднеют. Заодно съемочную группу заберем.

Куплин был многоопытным бойцом тележурналистского фронта, он знал, что журналисты, любящиеся с властью, всегда получают сладкий кусок. Обычно каждое мероприятие, организованное властью, неизменно заканчивалось благодарным дармовым фуршетом, где журналисты наедались, напивались и откуда разбредались вдохновляемые надеждой, что такая встреча неизменно повторится, но *чем громче кричит желудок, тем меньше слышна мораль*.

– Сашка, заводи «Хундай», едем во Дворец, – распорядился Куплин. – Будем снимать пенки с фуршета.

Сашка, разбивший не одну редакционную машину из-за лихачества и привычного для телерадиокомпании пьянства, оставался при работе и деньгах благодаря исполнительности. Он мог отвезти куда угодно и когда угодно и даже, если Куплину посреди ночи хотелось ехать в соседний город в любимый ресторан или, чтобы побалагурить с тамошними телевизионщиками, он без пререканий собирался и садился за руль.

Маленький нефтяной город был велик только для ленивых пешеходов, поэтому падкие на бесплатное журналисты прибыли к Дворцу культуры быстро. Перед их веселой гурьбой беспрепятственно распахнулись все двери, и слава муниципальной телерадиокомпании, в числе наиболее твореспособных его сотрудников, направилась к столам со стремительностью голодной саранчи, не обращая внимания на Хамовского.

– Вы куда, мать вашу!!! – вскричал он, еле удерживая в груди, срывающуюся с цепи собаку.

– Мы со столов похватаем немного, Семен Петрович, да уйдем, – мирно попросил Куплин.

Хамовский имел относительно журналистов, работавших в телерадиокомпании, мнение, что тот, кто стелется, достоин того, чтобы об него вытирали ноги, и всегда должен оставаться на полу. *Половая тряпка не должна мелькать перед глазами*. Конечно, нормы этикета в общении власти с журналистами, предписывающие необходимость их бесплатного кормления, могли бы сдержать Хамовского, но при виде телевизионщиков, он вспомнил, что Куплин ворует его бюджетные деньги. Сила воспоминаний перекусила цепь, сдерживавшую внутреннюю собаку...

– Дома жрать будете, дармоеды! – вскричал Хамовский. – Не для вас корм, сучье. Говнюки. Заразы.

– Семен Петрович, ... – хотел возразить Куплин.

– Заткнись! – заорал Хамовский, не контролируя себя. – Ваше дело задницу мне лизать и там корм находить! Я ж про вас все знаю. Алкашня. Сидите в своем телевидении и там делайте, что хотите, а здесь публичный дом не нужен. И без вас хватает.

Эмоциональная корреспондентка Крякина расплакалась от обиды, журналисты начали понемногу отступать от столов, а собака Хамовского лаяла уже неостановимо.

– Ну что вылупились, засранцы, идите отсюда по добру! Придурки! Тут нормальным людям еды не хватает, – Хамовский отер губы, – а тут еще холопы приперлись!

На шум вышли официанты, участники самодеятельности и те из приглашенных, кто покинул зрительный зал.

– Ну мы же снимаем, ... – опять попыбовал оправдаться Куплин.

– Снимайте в другом месте! – грозным басом выстрелил Хамовский. – Девоч своих снимайте! Валите на хрен!

Такого провала телерадиокомпания маленького нефтяного города еще не знала. Команда журналистов с позором миновала двери Дворца культуры, только недавно пройденные с триумфом. «Хундай» принял их на борт, и телевизионщики поехали назад, на телестудию, наполняя

салон микроавтобуса женскими рыданиями и мужской руганью, которая будучи неслышной Хамовскому, имела прямые указания на несовершенства главы, облакала его в физиологические формы животных и гонимых обществом людей, указывала путь куда идти, а также создавала словесные конструкции, не поддававшиеся никакому анализу, но свидетельствовавшие об адресате, как о крайне несуразном и ограниченном создании.

Корреспондентская опять наполнилась шумом. Спиртное взяли по пути, и оно со звонкими вздохами покидало бутыль, вливаясь в различную посуду, от рюмок до чайных чашек. Колбаса, порезанная ломтями, привлекала фальшивым мясным цветом, а огурчики, похожие на окаменевшие и позеленевшие беличьи хвосты, готовились тушить водочный огонь, уже стекавший по жадным стенкам пищеводов, под антиправительственный тост:

– Чтоб он сдох!!!

– Так оскорбить, да еще публично! – возмутился телеоператор Ступоров, когда закусил. – Если бы Хамовский не был главой города, я бы отвалил ему!

– Ну хам, просто хам! – не переставала всхлипывать Крякина, редактор информационных программ, худенькая светловолосая женщина, похожая на альбиноса. – Я больше не смогу на него работать. Столько труда – каждый сюжет выверяли. Вот неблагодарная скотина.

– Полный придурок дядя Сеня! Мероприятия отсняли, оттранслировали, что ему еще надо?! – задалась вопросом Валер, работавшая в телерадиокомпании заместителем Куплина. – Еды пожалел скотина!

– Даже разбираться не стал, облаял, обозвал, – напомнил Куплин. – Это нельзя оставить без ответа. Мы, конечно, под ним, но даже унитаз может расколоться от такого поноса. Наливай по следующей.

Разлил Павшин.

– Ну что повторим тост, – с лошадиным смехом сказал он, – чтоб Хам сдох!

В каждой отдельно взятой комнатухе маленького нефтяного города ругать главу города Хамовского, как и Президента России, было безопасно и приятно. *Замахнувшись на глыбу, сам себе кажешься горой*, пусть даже посторонним не заметной, но так ощутимой внутренне.

– Может его, дурака, задом-наперед прокатим по экрану, или сами озвучим его за кадром? – предложил монтажер. – Вот будет потеха!

– Достаточно его пьяных выступлений, которые в сюжеты не вставили, – сказала Валер. – Выпустим это в эфир, и конец его имиджу.

– Я предлагаю провести забастовку! – объявил Куплин. – Завтра множество мероприятий, но после того, что вытворил Хам, я не хочу вкалывать.

– Хорошая мысль, – согласились операторы. – А то выходных не видим. Пусть узнают, что такое праздник без телевидения. Это то же самое, что его не было.

Плоские покадровые прямоугольники жизни, составленные в единый движущийся ряд, давали о жизни представление столь же емкое, как взгляд через замочную скважину. Взгляды из разных скважин, под разными ракурсами, склеенные по науке, так, чтобы зритель, поддавшись гипнотическому действию экрана, смотрел, не отрываясь, все подряд, внимая хорошо поставленному голосу – это и был идеал телевидения.

– Народ видит нашими глазами, а думает – что своими, – продолжил Куплин, – а мы всегда смотрим на администрацию снизу-вверх, прививая народу эту привычку. Что Хаму не доставало? Обидно. Все! Завтра на работу не выходим...

Журналисты напились допьяна и разошлись по квартирам. Кто по своим, кто по чужим.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГЛАВНОГО

«Побледневшие краски мира невозможно подстроить регуляторами телевизора».

Праздничные новости не вышли, телекамеры не следили за детьми, прыгавшими в мешках, за школьниками, согнанными на легкоатлетический кросс, за распродажей шашлыков и за лобзаниями Хамовского с гостями города, ... – об этом Пупик знала уже к середине второго Дня города и почуяла недоброе. Она не желала революций и форс- мажоров, потому что понимала: *снос головы осложняет пищеварение*, а бухгалтерию она причисляла к желудку, без которого и голова мыслить не может, но в который без головы и кусок не упадет.

«Конечно, новую голову приделают, но возможно ли с ней договориться?» – опасалась она.

Терять ей было чего. Премии прилетали, как скворцы, даже зимой принося немного весны, а сфера платных услуг представляла собой индивидуальный золотой прииск, и вдруг из-за какой-то глупости главного редактора, ее благополучие и спокойная жизнь могли разрушиться!

Живо выхаживая по квартире, Пупик размышляла:

«Человек, что мыльный пузырь: оболочка, наполненная духом. Пока дух прибывает, человек и пузырь растут. Каждому удастся блеснуть. Так надо дольше и ярче блеснуть, а не лопаться по личной прихоти. Мне проблемы и страдания раньше времени не нужны...»

Длилась задумчивость Пупик недолго, поскольку в мире не создано более удобного средства, позволяющего быстро озадачить своими проблемами и узнать новости, чем телефон. Пупик набрала номер Куплина. Трубку подняла жена.

– Света, здравствуй, пригласи Стаса, – попросила Пупик.

– Его со вчерашнего дня нет, – ответила Света. – У вас же праздничные мероприятия. Звонил недавно, сказал, что опять интервью.

Пупик положила трубку и ругнулась:

– Вот кобелюка. Нормальный зверь, как война, в свою нору бежит, этот – все по чужим. Это все телецентр, чтоб его! Одни проститутки!

Дежурства на телецентре, как и сторожение, квалификации не требовали. Сиди да смотри за экранами контрольных мониторов, на которых светилось все телевидение маленького нефтяного города. Да, собственно, необязательно было и смотреть, поскольку, если из эфира время от времени пропадал канал, то жители сами сообщали. Поэтому Куплин наполнял телецентр сотрудниками, которые, если проводить аналогию между персоналом телерадиокомпании и составом картежной колоды, относились к шестеркам.

Маленький нефтяной город изобиловал разведенными женщинами, мечтавшими о спокойной работе с хорошей зарплатой. Установив в телецентре два раскладных дивана, Куплин принимал туда только Светлан, чтобы исключить проблемы с супругой. Так он обзавелся двумя матерями-одиночками: грудастой и фигуристой. Дальше – по настроению. Произнося имя сиюминутной любимой, он всегда имел гарантию безревностного понимания и дома, и на работе.

Пупик знала, что шеф больше предпочитает грудастых, и набрала номер Косаченко. Трубка призывно гудела, но на том конце связи никто не откликнулся.

«Сегодня не дежурит, утро, наверняка дома, – размышляла Пупик. – Лежат и нежатся голубки, после ночи, может, и телефон отключили. Придется ехать».

Она заказала такси и вышла на улицу...

Дверь в квартиру Косаченко распахнулась, представив на обозрение Пупик ее начальника Куплина в домашнем халате.

«Уже как дома», – оценила бухгалтерша и спросила, оттесняя главного редактора вглубь коридора:

– Стас, ты забыл, что сегодня праздник? Где съемочные группы? Из администрации звонят.

– Анатольевна, успокойтесь, – вежливо и вкрадчиво проговорил Куплин. – Все под контролем. Кое-кого нужно проучить. Хамовский вчера нахамил.

– Хамит – значит, любит, – объяснила Пупик, по-прежнему наступая на Куплина и упорно отодвигая его дальше, к двери в спальню. – Потом разберется, кто кого обидел. Тебя, что... не материли никогда? Ты что... мальчик?

Лицом схожая с первым президентом России, неприкрашенная и не надухаренная Пупик имела осанку и вес разевшегося начальника и вызывала у астеничного Куплина инстинктивное желание отчитаться в выполнении и спрятаться...

– Вы, Анатольевна, не слышали, какие эпитеты он в нас всаживал, – обелялся он, отступая. – Причем публично, публично!.. Я, конечно, могу перетерпеть, но с глазу на глаз, один на один. Но, когда при всех!

Тут Куплин уперся спиной в косяк межкомнатной двери. Пупик прошла мимо него и заглянула в спальню. На кровати бесстыдно и властно лежала Косаченко, едва прикрывшись одеялом. Она лениво взглянула на Пупик без почтения, которое бухгалтерша привыкла видеть на лицах сослуживцев. Более того – в ее взгляде читалась фраза: «Он сделает, что я скажу».

– Конечно, зачем тебе на работу идти, что тебе семья, если и тут стол накрыт, – съязвила Пупик. – Гляди, это долго не продлится. Турнут тебя, на что жить станешь? Думаешь, ей будешь нужен?

Пупик подернула головой в сторону спальни, где, не издавая ни звука, лежала Косаченко.

– Меня в любом месте с руками и ногами, – надменно произнес Куплин. – Я специалист, а специалисты нужны везде. Хам охамел. Бычье проклятое. Проучить его надо.

– *Нельзя зверя сердить, когда голова в его пасти*, – напомнила Пупик. – Отгрызет. Потом, может, пожалеет, но недолго – на твою должность претенденты найдутся.

– Анатольевна, не переживай, – торопливо сказал Куплин, бросив нетерпеливый взгляд на Косаченко. – Если у тебя все, то у меня дела.

– Стас, я неприятности чую, – предупредила Пупик. – Не хами Хаму.

– Нет. Все решено, – неожиданно твердо сказал Куплин, и Пупик поняла, что разговор окончен.

Она вышла из квартиры Косаченко, а в хлопке закрывшейся позади двери ей почудился самоубийственный выстрел.

УВОЛЬНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

«В мире есть много людей, с которых, кажется, сотри пыль, и они будут светиться естественным золотым светом, но вот беда – начинаешь тереть, и позолота облезает».

– Ну что, мальчиш-плохиш, все никак не напьетесь на телевидении? – строго спросил Хамовский, когда Куплин зашел в его кабинет. – Мочить тебя будем. Мало того, что водку жрешь, по бабам ходишь, подворовываешь на платных услугах, ты еще и городские мероприятия срывать, шантажировать меня!

Эту тираду Куплин выслушал пока шел к столу главы города, испытывая чувства, как от воя сирены противовоздушной обороны: беспокойство и желание юркнуть в первое же подходящее убежище, забиться в него подальше от тревожного звука.

– Семен Петрович, я честно работал на вас и хотел бы видеть больше благодарности, – выдавил из себя Куплин, – в противном случае...

– О каком случае ты хочешь сказать, мерзавец!? – прервал Хамовский. – Ты как посмел меня перед гостями унизить?! Хозяин в городе – один! Я! Мною сказанное должно исполняться. Я все ваше телевидение содержу, всю вашу бездарную команду. Ты либо как Лучина на коленях ко мне ползи и целуй туфли, либо пиши заявление.

– Но Семен Петрович, ... – только и успел произнести Куплин.

– Никаких «но», мерзавец, – пресек объяснения Хамовский. – Ты мало получил? Квартиру тебе дал, командировки – пожалуйста: хочешь – в Кремль на новогодний концерт вместе с любовницей, хочешь – в Париж на так называемую учебу. Премий хочешь? Я все подписывал. Подворовываешь – я глаза закрыл. А ты забастовки объявлять! Я только скажу кому надо – и тебя посадят. Ты воевать хочешь?

– Нет, – угнетенно выдохнул Куплин, словно крепко загруженная лошадь, – но коллектив обижен оскорблениями...

– Ты, меня винить?! – повысил бас Хамовский. – Вначале дорасти до этого места, а потом учи... Увольняйся, а то – посадим.

Хамовский ожидал прихода Куплина, имея в уме собственные соображения и наушнические советы главного редактора муниципальной газеты маленького нефтяного города, который традиционно соперничал с главным редактором телерадиокомпании в борьбе за бюджет.

– Убирайте его, убирайте, – бубнил Квашняков, лаская вибрациями говорения слуховые ходы Хамовского. – Восстания надо истреблять, иначе – вольница, беспорядки. Если собака кусает хозяина, ее усыпляют...

Главные редакторы соперничали между собой и заискивали перед Хамовским не только из-за раздела бюджета. Огня добавляли слухи об объединении подконтрольных администрации телерадиокомпании и газеты в один информационный организм, наподобие индоутки, а такое слияние обрекало одну из голов на отсечение.

Квашняков организовывал конкурс красавиц, Куплин отвечал циклом исторических программ и так далее, но в целом Куплин проигрывал, поскольку Хамовский хотел стать великим писателем, а не кинодраматургом, и естественным поводом на этом поприще выступил Квашняков.

Куплин ушел, оставив на столе Хамовского заявление об увольнении, с искренней верой в то, что легко найдет денежную работу, но ошибся, поэтому, растратив сбережения, он воспользовался старыми связями и уехал еще дальше на север – в столицу Ямала Салехард, – в

город, где в свое время нашел прибежище и снятый с должности главного редактора телерадиокомпаний маленького нефтяного города Лесник.

ТАЙНА КВАШНЯКОВА

«Для человека нет более естественного и приятного состояния, чем потеря человечности».

В вечер того дня, когда Куплин бросил заявление на стол Хамовскому, Квашняков, пребывая дома в одиночестве, пренебрег отвращением к спиртному и выпил фужер вина.

«А его приятно было убивать, – раздумывал он медленными глотками. – Но что-то не вяжется радость убийства с образом хорошего персонажа, каким я являюсь. Значит, я тоже зло, но зло для зла...»

Нежное потрескивание возникло в его голове, будто уши, собирая разнополярные заряды атмосферного электричества севера, а может и шептания северных душ, разряжались в глубинах мозга диковинной азбукой морзе. Так приходило к нему вдохновение. Он схватил ручку и вывел:

Как долго я ждал, мрачно маясь, -

Плоть незримая – тень от ночи.

И входили в меня, облегчаясь,

Кто захочет, кто захочет...

Он перечитал и усмехнулся: «неплохо, неплохо, но если бы не тот случай в юности, до сих пор бы пивом увлекался, а писать бы точно не мог, точно».

Сковорода

«Глубокое познание некоторых тем сродни генеральной уборке квартиры или даже очистке выгребных ям. Надо слишком любить чистоту, чтобы идти на такие подвиги».

Тетя Люда, яркая энергичная женщина проводила отпуск в собственной квартире, на первом этаже, у окна в сторону подъезда. Тамбур облюбовали неизвестные

для отправления естественных нужд. Они не вредили ни ее квартире, ни ее личному имуществу, но запах, если принюхаться, был, а лужи в тамбуре, которые она порой замечала, отравляли ее жизнь, будто неизвестные мочились не в тамбуре, а прямо на нее. Так иногда случается: общественное становится личным, по-прежнему оставаясь общественным – сердце болит, душа съезживается, а воздуха не хватает.

Она не знала, что сделает, увидев писуна, не знала, как угадать его тайные намерения, но она знала, что зло нужно покарать. И как-то на исходе летнего дня к ее подъезду перекрестным шагом направился незнаемый ею молодой человек со скоростью достойной пассажира, спешащего к отходящему поезду. Его, конечно, могли подгонять и жгучая весть, и разгоревшаяся страсть, но его повадки, схожие с повадками мужа, торопливо влетавшего в туалет, посеяли у тети Люды подозрения.

Уперев лоб в оконное стекло, она проводила неизвестного пытливым взглядом, затем оттолкнулась от подоконника, инстинктивно побежала на кухню и схватила неглубокую чугунную сковородку...

Квартирная дверь открылась тихо, без щелчка запорного механизма и скрипа несмазанных петель. Темная глотка подъезда не подрагивала от шагов, как это бывало при поглощении ею жильца или гостя.

Понятливо сжав губы в мстительную линию, тетя Люда в тихих тряпочных тапках скользнула на лестничную площадку и неслышно поплыла вниз по ступеням к тамбуру, по мере приближения все яснее улавливая звук быющей о твердь жидкости, отчего ее сердце колотилось все сильнее, пока, наконец, не ударило в голову.

В тамбур она выскочила рывком. Спина к ней, прикрыв телом угол, стоял мужчина роста достаточного, чтобы тетя Люда могла дотянуться сковородкой до его затылка.

Краткий звук прерванного колокольного звона выскользнул из-под чугуна, смявшего жирные волосы чужака. Тетя Люда отдернула сковородку, как обычно снимала ее с конфорки, чувствуя, что блюдо пригорает, и замерла, готовая опустить посуду на место. Однако повторять не пришлось. Мужчина, не повернувшись и не поинтересовавшись случившимся, не сказав ни единого слова, словно птица, перед которой распахнули дверцу ее клетки, вылетел из подъезда мигом, оставив только неприличное воспоминание о себе на цементном полу.

Тетя Люда приблизилась к выходу на улицу и бросила осторожный взгляд на окрестности. Среди редких прохожих неприятного силуэта не наблюдалось. Сковородка словно маятник закачалась в расслабленной руке. Воодушевленная победой, она вернулась домой, закрыла дверь и, присев у окна, подумала, что если бы граждане не прятались в квартирах, а били сковородой, то исчезло бы хулиганство.

Отпуск миновал, и тетя Люда вышла на работу и сразу – к подруге, с сыном которой она мечтала свести свою дочку, а эта подруга взволнованно говорит:

– Слушай Людка, пока тебя не было, такое произошло с Солнышком моим...

– Что случилось? – забеспокоилась тетя Люда, потому что солнышком ее подруга называла сына.

– Народ с ума сошел! – сердито заговорила подруга. – Я своего не выгораживаю: выпил лишнего, ну приспичило ему в туалет. А где они в городе? Смотрит – подъезд открытый. Он туда. Плохо, конечно, но не настолько, чтобы железом по голове.

– Да ты что! – ахнула тетя Люда, узнавая ситуацию и волнуясь, как бы это узнавание не выдало ее.

– Когда он производил свое мокрое дело, кто-то сзади подкрался и стукнул, – продолжила рассказ подруга. – Он и не понял кто. Прибежал домой с расстегнутой ширинкой, приговаривая: «Выполним, Семен Петрович».

– Вот козлы! – поддакнула тетя Люда и участливо спросила. – И как он сейчас?

– Теперь нужду не может нормально справить, – пожаловалась подруга, – выскакивает из туалета, бежит по квартире, приговаривая: «Выполним, Семен Петрович».

– А кто такой Семен Петрович? – спросила тетя Люда.

– Не знаю, – словно бы опустела подруга. – Но самое главное: Солнышко и сам не знает.

– К психиатру обращались? – спросила тетя Люда огорченно.

– А как же?! – удивилась подруга. – Таблетки даем...

Тетя Люда шла домой и раздумывала: «Жалко, конечно, парня, но надо воспитывать лучше, тогда бы и жил, не зная Семен Петровича. Сковорода – она как лотерея...», и как вернулась домой, опять присела возле окна, выходящего в сторону подъезда, а сковородку положила возле руки, чтобы не пришлось на кухню бежать.

Об истинной подоплеке этой истории Квашняков, конечно, никогда не узнал. Солныш-ком его давно не называли. Но тот таинственный удар по голове, после которого и стало возникать потрескивание между ушами, провоцировавшее тягу к сложению стихов, он теперь оценивал не иначе, как божественный.

Женился он все-таки на дочке тети Люды, но жизнь не сложилась, потому что иногда обострялось психическое расстройство, он выскакивал из туалета с криком «Выполним, Семен Петрович!» и выводил физиологические причины, где придется, но тетя Люда, пока была жива, возвращала дочку к мужу, из чувства вины перед Квашняковым. А сейчас Квашняков, сидя в одиночестве, уже давно зная, кто такой Семен Петрович, вновь и вновь возвращался к новорожденному четверостишию, но, отчаявшись написать продолжение, включил ночной канал спутникового телевидения, а потом уснул, и снилось ему...

ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

«Мастерство тирана состоит в воспитании людей таким образом, чтобы они, ощущая себя свободными, исполняли его волю».

Каждый умный – дурак по-своему – это Хамовский знал, поэтому при выборе кандидатуры на столь важную должность, как главный редактор телерадиокомпании маленького нефтяного города, собирался выслушать советников и отдать предпочтение тому из их предложений, в котором прозвучит имя человека, уже выбранного им. Таким образом, Хамовский избегал ответственности: в случае ошибки он получал виноватого, в случае успеха, вся слава доставалась ему.

В его кабинет прошли Квашняков, Бредятин, начальник отдела информации и общественных связей или проще – пресс-секретарь, а еще проще – советник, и Лизадков, заместитель по кадровой и прочей политике.

Лицо-маска Квашнякова излучало готовность действовать несмотря на усталость и предпенсионный возраст.

Седые спутанные волосы Бредятина, нависавшие на глаза, сорная борода и усы, скрывавшие органы, ответственные за служебно-плутовскую речь, делали его схожим со злой бездомной болонкой, готовой облясть и укусить.

Упитанный, розовощекий Лизадков олицетворял чиновничье благоденствие.

Все трое уселись перед Хамовским.

– Итак, господа, кто будет вливать в головы горожан нашу политику? – интригуяще спросил Хамовский и оглядел собравшихся, замерших в ожидании понуждения указующим дулом его перста. – Прошу, ваши предложения и советы. Начнем с вас, Бредятин.

– Что-то с варягами не получается. Тут нужен свой, городской – Бредятин едко глянул на Квашнякова, который, будучи приглашенным из другого города, возглавлял газету, первенство в создании которой Бредятин приписывал себе. – Я бы поставил главным редактором Валер – заместителя Куплина. Человек она проверенный, в коллективе ее уважают.

– Хорошо, – одобрил Хамовский. – У нее есть плюсы. Лизадков, что у вас на Валер?

– Стерва она недурная, – усмехнулся Лизадков. – Работая в районном телевидении, замуж вышла за инвалида. Не понравился. Бросила его с ребенком и переехала в наш город. Здесь нашла молодого телеведущего Павшина. Женила на себе. Нервная, невыдержанная особа. Она вас подставит.

– Хорошее замечание, – согласился Хамовский. – Что ответите Бредятин?

– Валер – человек по-муниципальному талантливый, – ответил Бредятин. – А до семейных дел – не знаю.

– Ваше мнение, Квашняков, по данной кандидатуре? – спросил Хамовский.

– Через год ваши перевыборы. Вам нужен человек уважаемый в городе, который, став главным редактором, усилит ваше влияние, – аргументировано изложил Квашняков. – Валер среди жителей не популярна. Считаю, надо назначить главным редактором Алика. У него техническое образование. С телевизионным оборудованием разберется. Он прекрасный журналист. Протестная часть населения его поддерживает.

– Только не Алика, – отмахнулся Бредятин. – Не надежный. Работая под моим началом, не подменил меня на период отпуска. Деньги ему надо...

– С деньгами на должности главного редактора у Алика проблем не будет, – напомнил Хамовский.

– Семен Петрович, он же против вас выступал, – встревожился Бредятин, чувствуя, что побеждает предложение Квашнякова.

– Это было давно и видно, что парень образумился, – успокоил прошлое Хамовский. – А огоньку нашей телерадиокомпании не хватает. Ваше мнение Лизадков.

– Нормальный парень, – ответил Лизадков. – Но есть еще один человек, способный претендовать на место руководителя телерадиокомпании – Вера Пальчинкова – редактор радио. Она – грамотный специалист, работает давно.

– Вспомните, как она коллектив радио объединила и своего начальника Лучину сожрала. Зачем нам профсоюзный крикун на посту главного редактора? Вам, что подавшейся в депутаты Матушки мало? – взъелся Квашняков.

Чиновники и обеспеченные жители маленького нефтяного города относились к инакомыслящим, как стайные хищники – к жертвам. Матушка, возглавлявшая в городской больнице профсоюзный комитет, была человеком, к которому шли обиженные властью и находили слова утешения. Она снискала славу народной защитницы, создавала общность жертв, что не давало власти пожрать их порознь. И эта общность на любых выборах откликалась значительным числом голосов, таким, что Квашняков боялся, как бы Матушка не выступила против Хамовского. Тогда Хамовский потерял бы работу, а вместе с ним и все его приближенные, в том числе – Квашняков.

Алик когда-то знал с Матушкой, выпускал газету и листовки против Хамовского и самого Квашнякова... Прошлое донимало Квашнякова, словно забытые на диване иглы. Уколы застрявших впечатлений от подлостей, которые он применил к Алику, а в подлостях Квашняков был, что профессор, возвращались к нему, как только Алик попадался на глаза.

«Любыми способами из организации, любыми», – мечтал он.

А куда выжить человека, удобного Хамовскому, как не на повышение?

– В Алике я сомневаюсь, – урезонил Бредятин. – Он может выкинуть фортель в самый неподходящий момент.

– Все может быть, но у нас есть страховка, – обнадежил Квашняков. – Через год вступают в силу поправки к закону о местном самоуправлении, где муниципалитеты не будут иметь права иметь собственное телевидение. И мы сможем его уволить. В конце концов, мы можем и договор заключить на год.

– Останавливаемся на Алике? – спросил Хамовский.

– Я согласен, – удовлетворенно выдохнул Лизадков, радуясь, что не получил ни заданий, ни ответственности.

– Тогда надо использовать его на полную, – вставил Бредятин обязательства Квашнякова. – Пусть делает с вами еженедельные интервью по аналогии, как на ТВЦ делают интервью с московским мэром. И надо внимательно следить за его работой.

– Итак, Александр Васильевич, ваше предложение принято, – завершил совещание Хамовский. – Теперь вы ответственны за Алика. Справитесь?

– Справлюсь, Семен Петрович, – ответил Квашняков. – Любой ларец открывается разными способами и без ключа, а Алик давно уже открыт.

– Тогда все свободны, – произнес Хамовский, хлопнул ладонями, потер их, откинулся на спинку кресла и задумался:

«Лижут всегда поверхностно, язык глубоко не проникает. Язык ласков и осторожен. Глубоко проникает скальпель, но его вторжение болезненно. Нашим СМИ не хватает остроты. Конечно, Алик – это риск, но он не дурак, и поймет, что эта должность – оплата неудобств, которые он терпел. Судя по его поведению, он способен к компромиссам, способен прощать, а отступники хороши забвением прошлого пути, страхом и подчинением...»

ВЫГОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Каждый сам порождает врага, от которого страдает и даже гибнет».

Новенький двухэтажный особняк редакции газеты маленького нефтяного города выделялся среди окружающих его деревянно-серых жилых домов, как башня феодального замка, среди обложенных изнуряющей данью деревень. Хлопнув тяжелой дверью, Квашняков вышел из него на следующий день в очень хорошем расположении духа, похожем на состояние влюбленности. На его лице-маске даже разгладились морщины, что придавало лицу-маске такую же аккуратность, как отглаженным затертым штанам.

У подъезда редакции опять стояла сине-зеленая «девяностодевятая» Алика, которую тот всегда, когда не было «Волги» Квашнякова, ставил на ее место как можно ближе к входу, а сейчас, приоткрыв дверцу, готовился сесть за руль.

«Опять протестует, показывает, кто тут главный, – оценил постановку машины Квашняков. – Распирающий пузырь гордости либо протыкают, либо выпускают».

– Алик, подвези меня до администрации, – дружелюбно и в то же время по-хозяйски попросил он. – У меня к тебе предложение.

– Хорошо, – мигом согласился Алик.

Добрые отношения с Квашняковым стали для него частью бытия, и хотя он называл его в своей газете «Дробинка» ГовСаней, добавив к имени шефа прямокишечную приставку, но прошлое внешне забылось, а о мстительности Алик старался не размышлять.

Квашняков сел в машину и начал без предисловий, поскольку в маленьком нефтяном городе все дороги коротки, а дорога от редакции до администрации и того короче.

– Алик, я смотрю, тебе скучно работать в редакции, – произнес Квашняков тоном, не допускавшим сомнений.

– Нет, иногда интересно, – ответил Алик, хотя в целом Квашняков был прав.

Сложно работать с интересом над повторяющейся из года в год информацией, где истории всех приятных для администрации героев очерков и зарисовок начинаются с фразы: «приехал на три года, а остался навсегда», а оканчиваются фразой: «и сегодня город не узнать».

Сложно бесконфликтно общаться с сотрудниками, которые предали, оклеветали его.

Если бы не книга, которую он втайне готовил...

– Я вижу, как ты работаешь, – укорил Квашняков. – На больничные ходишь...

– Никто не застрахован, – прервал Алик. – Но у меня достаточно наград.

– Вот я и предложил Хамовскому назначить тебя главным редактором телерадиокомпании, чтобы ты не заснул окончательно. Глава согласен, – сказал Квашняков. – Как тебе предложение?

– Хорошее, но надо подумать, – успокоил себя Алик, согласно тещиному изречению «нашел – не радуйся, потерял – не плачь». – Да и что думать? Пусть вначале глава сам предложит. Может, передумает.

– Нет, это решено, – объявил Квашняков. – Соглашайся. Сможешь купить лучшую машину. Спасибо, что подвез. Кстати, ты тоже выходи. Хамовский хочет тебя видеть.

В коротком разговоре с главой Алик выторговал пару недель на раздумье и ушел. Квашняков проводил его понимающим взглядом.

«Из людей, предавших свои мечты, получаются прекрасные уничтожители чужих грез, – это он знал по собственному опыту и по опыту коллег. – Алик деньги любит, он, конечно, ступит на путь, с которым боролся, разрушит свое прошлое собственными руками, и станет одним из нас..., а там я ему припомню старые обиды»

«Возможно ли, остаться человеком среди системного аппаратного мира, притвориться созвучным ему и сохранить себя? Возможно ли, много зарабатывать, но не продаться? Или – коль мне предложена властная должность, то я уже часть чиновничьего мира, а оценивая себя, просто не вижу, что идеалы мною уже утеряны? Где истина?» – на эти вопросы пытался ответить Алик в последующие дни.

РОДСТВЕННЫЙ СОВЕТ

«Счастья на всех не хватает, даже внутри одной семьи».

Один из опальных чиновников, снятых Хамовским с должности за эгоистическое воровство, состоял в близких знакомых Алика и звали его Глеб. Чрезмерно сытая и малоподвижная по-северному жизнь, запиваемая водкой и пивом, сделала из Глеба изрядного толстяка, внутри которого поживал умный и опытный чиновник, знакомый с нравами и этикетом властимущих.

В бытность, когда Глеб был высоким начальником в маленьком нефтяном городе, его квартира регулярно наполнялась родственниками, местными высшими чинами и проходимцами-предпринимателями, с которыми Глеб иной раз делил бюджет своей организации. Живой и веселый нрав Глеба, его приветливость вытягивала из гостей любопытные разговоры, а московская академия государственной службы, оконченная им, придавала его советам основательность.

Именно к нему и направился Алик, чтобы рассказать о предложении Хамовского. Зная традиции приема гостей в квартире, куда он направлялся, Алик купил несколько бутылок пива...

– Мне странно это предложение, – искренне сознался Алик, сидя за кухонным столом. – Я их так утюжил в своей газете, когда был депутатом, а меня – на повышение. Кусок мяса, оказавшийся в ложке, тоже в какой-то момент принимает ее за эскалатор – за возносящее к небу крыло. Здесь есть недосказанность. Могут сожрать.

– Ты их давно не критикуешь, – напомнил Глеб. – Они это видят и хотят накануне пере-выборов сделать тебя ручным.

– Но, если я соглашусь, то я попадаю в число сторонников Хамовского, – выдал сомнение Алик. – Цвет стаи распространится на меня.

– Ты и сейчас под ними. Сам рассказывал, как Квашняков твои материалы режет, – усмехнулся Глеб.

– И мне кажется, если я откажусь, долго в газете не проработаю, – предположил Алик.

– Скорее всего, – согласился Глеб. – Отказ воспримут, как вызов. Там ничего не забывают.

– Но с другой стороны, телевидение – не газета, а работа директором – не мое, – продолжил самокопание Алик. – Мне надо будет учиться.

– Можешь не сомневаться, – согласился Глеб. – Поэтому, когда Хам будет заключать с тобой договор, оговори учебу за счет казны.

– Хорошая мысль, – похвалил Алик. – Как говорил мой отец: «дворником всегда успеешь...»

– Я думаю, они берут тебя на время выборов, – прервал Алика Глеб. – Проси, чтобы контракт был заключен на несколько лет. Ладно, хватит о делах, а то пиво выдохнется.

Через две недели Алик согласился с предложением Хамовского и учел все советы Глеба.

ИНТЕРВЕНЦИЯ

«Чтобы избавиться от вредителей надо в контакты с ними добавить яда».

В просторный кабинет главного редактора телерадиокомпании Алик вошел вместе с Хамовским и Квашняковым. Он сам настоял на такой форме представления себя, по аналогии с тем как пять лет назад Хамовский ввел Квашнякова в противно революционно настроенный коллектив редакции газеты. Тогда фигура главы города, словно кинутая в костер глыба льда, погасила пламя борьбы против стороннего назначенца. В этот раз все прошло и того проще. Телевидение и радио оказались безгласными. Сотрудники телерадиокомпании хмуро прошли в кабинет, созванные громкоголосой секретаршей, выстроились вдоль стены, молча выслушали слова Хамовского о назначении Алика их начальником, и так же молча разошлись по рабочим местам.

Когда Алик остался наедине с Хамовским, тот внезапно дал искренний совет:

– Ты, главное, не мешай им, они знают, как делать телевидение. Смотри и учись.

Хамовский ушел, Алик сел в кресло главного редактора и почувствовал себя неудобно. Он вспомнил слова Глеба, сказанные на прощанье:

«Даже несогласная шестеренка работает на общую идею движения. Тебе не удастся уйти от выражения идей системы, коль ты работаешь в системе.

Если ты, находясь в системе, захочешь построить новую систему, – это будет равносильно смене автобусного маршрута. Пассажиры не поймут отклонений от курса, даже, если новый маршрут – наилучший, потому что – он не тот, к которому привыкли. Он изменит планы и принесет трудности. Он заставит нервничать. А те пассажиры, которым новый маршрут необходим, не сядут в этот автобус и не поверят ему, потому что на нем не тот номер».

Первое знакомство

«Если в жизни возникают беспокойства, значит, вы вошли в зону ее турбулентности».

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – крикнул Алик.

Заглянула секретарша телерадиокомпании Ольга Бухрим. Она, ярко улыбаясь, словно за нее сватался долгожданный жених, радушно произнесла полумужским прокуренным басом:

– Может, с нами чаю попьете? Заодно и познакомимся.

– Хорошо, – согласился Алик, примеряя на себе неудобную рубашку новых взаимоотношений. Подобное приглашение он слышал первый раз в своей жизни.

В небольшой кухонке, располагавшейся прямо напротив его кабинета, на столе уже стояла тарелка с обмазанными красной икрой тонкими шайбами батона, фрукты, нарезка копченого муксуна, а также кружки, через край которых перевешивались ниточки заварочных пакетиков. Возле стола, словно курицы у кормушки, в трепетном ожидании, выдаваемом и движениями, и взглядами, расположились Пупик, ее помощница по бухгалтерии Надежда Рыбий, завхоз Наталья Фазанова.

– О, какой у вас стол! – изумился Алик. – По сколько сбрасывались?

– Да, у нас кто что приносит, то и едим, – пустяково махнула рукой Фазанова, крепкая, напоподобие танка, женщина.

– Ну, если будете сбрасываться, говорите, – попросил Алик, не видя ничего плохого в том, чтобы угоститься...

С журналистами сложились иные отношения.

– Извините, что прерываю ваше чаепитие, у нас проблема, – ехидно произнесла внезапно подошедшая Валер, та самая, что тоже была кандидатом на пост, занимаемый теперь Аликом. – Плоскосандров уволился, и на телевидении нет заместителя по технической части. Предлагаю Задрину. Он тут все знает.

– Возможно, вы правы, но мне надо познакомиться с делами, – ответил Алик, поглядывая на предательскую чайную кружку, заявлявшую о его праздных действиях, чуждых деятельному руководителю.

– Пока вы будете знакомиться, телевидение остановится, – парировала Валер, подминая Алика под себя.

– Хорошо, скажите ему, что я согласен, – вынужденно согласился Алик, и Валер радостно убежала.

– Жора, Жора, – зазвучал ее ищущий голос в коридорах телерадиокомпании.

– Правильно сделали, – похвалила Пупик, откусывая бутерброд. – Жора тут много лет, лучшего специалиста не найти...

Первые новости Алик решил снять с эфира, потому что напуганные увольнением Куплина журналисты в каждый сюжет вставили выступления Хамовского, превращая всю телепрограмму в единую хвалебную речь. Подобное даже в газете Квашнякова не допускалось. Он перезвонил Хамовскому.

– Считаешь, что перегнули палку? – спросил тот.

– Несомненно, – ответил Алик.

– Тогда снимай с эфира, – согласился Хамовский.

Алик вышел из кабинета, поднялся на второй этаж, где располагался съемочный павильон, и пошел на гул голосов.

– Новостей сегодня не будет, – громко озвучил он приказ среди журналистов.

– Проходите, угощайтесь, – предложила Валер и ехидно продолжила. – Отмечаем ваше назначение.

Бутылки вина и конька, бутерброды и нарезка из огурцов и помидоров, и вокруг весь цвет тележурналистики маленького нефтяного города: Валер, Павшин, Пухленко, Мышьель, Задрина, жена новоиспеченного заместителя по технике, и телеоператоры: Ханов, Кузнечиков, Ступоров.

Алик не знал, что сказать. Хаос в поступках – хаос в головах. Хаос в головах – ошибки и просчеты. Он любил искренние редкие праздники, но о пьянстве в телерадиокомпании был наслышан. Водка лилась на экран через мозги журналистов. Зажравшуюся моль лучше выбрасывать вместе со всеми ее подругами и испорченной меховой шапкой, а это означало – менять коллектив полностью и быстро. Но как это сделать, не зная телевизионного производства? Расплата за прекращение трансляций – собственное увольнение.

«Я пришел работать сюда и не кем-то, а главным редактором, – подумал Алик. – Может мне удастся их изменить?»

– Застолья и пьянство надо прекращать, – сказал он.

Лицо Валер потемнело.

– Но ребятам иногда надо расслабиться, – прикрылась она маской народного защитника.

– Ходите в спортивные залы после работы, – предложил Алик.

– После того как с телекамерой и штативом по съемкам побегаешь, и руки, и ноги болят, – ворчливо произнес Ступоров. – Тут не до спорта.

– Это только кажется, попробуйте, а пьянство надо кончать, – сказал Алик и пошел прочь.

– Ничего, мы вас сделаем своим, – пьяно бросил вслед Павшин...

Спокойную ночь, словно выкрик из-за угла, вспорол телефонный звонок. Перья сна еще витали перед глазами Алика, а рука уже прижимала телефонную трубку к уху.

– Алло, – чужим голосом произнес он.

– Это вы, Алик? – донесся истеричный голос нового техника телецентра Оксаны Грязевой, дочки Фазановой, которую та попросила принять на освободившееся место.

– Да, – уже почти своим голосом ответил Алик.

– Тут на телецентр рвутся Павшин и Задрин, оба пьяные в стельку, требуют открыть, – нервно затараторила Грязева. – Я тут одна и боюсь. Они могут меня попортить, а мне замуж. Угрожают, что если я не открою, то меня уволят.

Алик вспомнил лицо Грязевой, и ему стало плохо.

«Видно, они совсем перепились», – подумал он и уже своим голосом сказал:

– Передай им трубку.

Проход на телецентр преграждала решетчатая металлическая дверь, за которой Грязева сидела как желанный, но недоступный зверь. Телефон быстро оказался на другой стороне.

– Нам срочно нужно на телецентр, по работе, – в трубке раздался пьяно-веселый голос Павшина.

– Зачем? – спросил Алик.

– Я тут с Задриным. Надо передатчики проверить, – еле выговаривая слова, произнес Павшин.

– Вы пьяны и идите домой. Завтра проверите, если есть нужда, – ответил Алик.

– Мы не пьяны, – начал куражиться Павшин. – Врет она. Приехали по работе.

– Разговор закончен. Идите по домам, и передай трубку Оксане, – попросил Алик.

– Они пьяные, я их боюсь пускать, – повторила Грязева.

– И не пускай, – ответил Алик. – Иди в свою комнату...

Телерадиокомпания маленького нефтяного города оказалась настоящей стихией. Если не ломались передатчики, то ломались компьютеры, если сотрудники не выпивали, то не было творческого вдохновения даже на создание творений, не требовавших душевных усилий.

Еженедельно Алик собирал журналистов на так называемые планерки, раздавал задания и собирал личные планы. В заданиях он учитывал интересы администрации маленького нефтяного города и надеялся, что личные планы журналистов, будут связаны с их жизнью, проблемами, наблюдениями, хобби, ... но ритм сердцам телевизионщиков задавала все та же администрация, ее подведомственные организации и пресс-служба нефтяной компании.

– Мне хотелось бы создать из телевидения подобие городской газеты, какой она была до Квашнякова, – говорил он. – Я бы хотел видеть на экране боль и чаяния простых людей, а не отчеты пресс-служб. Вы живете в этом городе, ходите в обычные магазины, занимаете типичные квартиры, лечитесь у рядовых врачей... Даже официальные сюжеты можно подавать с точки зрения пользы или не пользы для простого человека, а не в виде пустого отчета.

– Нас учили муниципальному подходу, – вставил слово Павшин.

– Хочу, чтобы мы изменили этот подход, – попросил Алик.

– А по шее не получим? – высказал опасение Пухленко.

– Вас уволить могу только я, – объяснил Алик. – Вам в какой-то степени повезло, что меня назначили начальником. Я не хочу ограничивать вашу свободу.

Журналисты выслушивали и продолжали работать, как привыкли.

Между прошлым и будущим

«Пока есть движение, есть шанс встретить рассвет».

Внутренняя твердость, и даже праведность – не обладают обязательным магнетизмом. Исходящая влекущая энергетика – вот чего не хватало Алику при общении с людьми, к которым он не испытывал интереса, а в силу природной честности подделывать этот интерес он не умел. Его взор как творца, был обращен на себя и собственные произведения. Он представлял собой не фонтанирующий животворящий источник, освежающие брызги которого легко доставались всем желающим, который бы заставлял вспоминать о себе и желать встреч с собой, а нечто сродни лампе Алладина, которую требовалось найти, осознать ее волшебность, да еще и догадаться потерять.

– В тебе нет любви, внимания к людям, вот твоя главная ошибка, – говорил ему его друг Александр, к которому мы еще вернемся в ходе повествования. – Чтобы вызвать ответное стремление, надо самому проявлять внимание...

Не желая делиться своей энергетикой, в которой нуждался сам, Алик остро ощущал себя чужим в коллективе телерадиокомпании, где с ним сближались вовсе не те, кого он хотел видеть возле себя, но служебные межличностные помехи меркли на фоне вспыхнувшего в нем влечения к новой для него стихии информации.

Он с упоением делал телепрограммы с участием Хамовского, представляя главу города и на месторождениях нефти, и на совещаниях, ... выбирая из отснятого видео наиболее красивые кадры, эффектно монтируя их, сочиняя тексты и вкладывая в них все свои способности. С тем же упоением он создавал телефильмы из заседаний Думы. Он проводил долгие часы в поиске гармоничного стыка записанных фраз и смыслов, подтверждающих жестов и молчаливых игр взглядов, и получал от этого истинное наслаждение, ровно до того момента, пока он не вспомнил, что телевидение – тоже журналистика, как и газета.

Осознав, что телевидение такой же инструмент влияния, он постиг, что чрезмерное увлечение им, не более чем прыжки дрессированной собаки, попавшейся на приманки и инстинкты. Осознав это, он ощутил свою ничтожность.

«Ты что творишь? – упрекнула он себя тогда. – Следи за тем, что дают для лепки, не заменяй глину экскрементами, потому что слепок из последних, как бы красиво ни выглядел, дурно пахнет. О, этот ужасающий запах шедевров!»...

«А сколько творцов, мастеров, журналистов, очарованных искусствами не осознают порабощение собственного таланта собственной увлеченностью, а если осознают, то чтобы сохранить комфортное состояние отстраняются от результатов, находят причины и оправдания! – подумал тогда Алик. – Забвения иногда возникающих прозрений жаждут они и добиваются их. Ведь, что стало бы с легким бегом быстрого скакуна, если бы он задумался о причинах, вдохновляющих его на бег: о всаднике, о желании того выиграть приз за счет его быстрых ног, о зрителях, ставящих на него ставки, о совершенно ненужной ему системе ценностей, включенный в которую он добивается результата, порой даже выдающегося, но ненужного ему с той долей необходимости, с какой он нужен организаторам соревнований, публике и всаднику? Система ценностей скакуна порабощена системой ценностей более развитых или сильных животных, также и система ценностей творца порабощена властью...»

Мы изучаем технологию творчества, чтобы поработать! Чтобы удовлетворить стремление к власти. Если журналист или писатель овладевают технологией творчества, чтобы поработать умы, то они идеальные скакуны для чиновников, начальников, бизнесменов... – для всех, организующих им стадион для бега и задающих направление.

Но самым удивительным становилось чувство исполненного долга, дарованное слепотой, поражавшей творца при полном увлечении узким предметом своего ремесла. Алик смотрел на вечно улыбчивого высокорослого Мышкова, местного фотоумельца. Он фотографировал Хамовского из года в год, делал шедевры коллажа и не чувствовал никакого отвращения к объекту творчества. Пожалуй, так же боготворили Гитлера или Сталина художники, писавшие их портреты. А Эйнштейн!? Ведь сколько вдохновения ему понадобилось для открытия, использованного для создания величайшего в истории человечества оружия разрушения и убийства!? Гений слеп, как ни парадоксально это звучит. Гений безумен. И как всякого безумца, его нужно отстранять от прямого влияния на реальность, изолировать от нее...

Однако, все эти мысли пришли к Алику позднее, намного позднее, а пока ему некогда было отдохнуть от новых впечатлений.

Начало борьбы за власть

«При мицении обычно не смущает перебор».

Валер зашла в кабинет Алика, как обычно начальственно и быстро, и произнесла без предисловий, нервно, как человек, доведенный до крайности:

– Прошу вас добавить зарплату Павшину за ведение «Новостей». По штатному расписанию – он редактор сайта и работу ведущего выполняет на энтузиазме. Так продолжаться не может.

При Куплине, многое делалось на дружеских отношениях. Должности раздавались как подарки, и только между Куплиным и Павшиным существовала некая договоренность, которая с уходом Куплина тоже уволилась. И сейчас Валер просила за своего мужа Павшина, который, если работал редактором сайта час в день, то хорошо, чтобы тот получал деньги еще и как ведущий «Новостей». Формально Валер была права, но, по сути, являясь первым заместителем Алика, она шантажировала его.

«Тебе деваться некуда, – читалось в ее взгляде. – Ты здесь получишь сполна».

Похожая на веселого чертика без рожек с короткими непокорными каштановыми волосами, естественный цвет которых, пожалуй, был уже забыт и ею самой, и окружающими, Валер сидела напротив Алика и снисходительно улыбалась.

Ее словно бы натянутые тонкие губы и волны мимических морщин выражали сдерживаемое ехидство. Стремление одеваться в темные мягкие одежды рабочего покроя выдавали психологию пролетариата, готового за рубль и на баррикады.

Она даже в обычную фразу: «Как у вас дела?» – умела вложить легко разгадываемый интонационный смысл: «Ну что, дурачок, пыжишься? Пыжься. Все равно дурачком останешься».

Павшин был единственным ведущим «Новостей» в телерадиокомпании маленького нефтяного города.

«У меня нет иного выхода, как подчиниться», – понял Алик, поднял телефонную трубку, набрал короткий внутренний номер и спросил:

- Анатолевна, сколько я могу доплачивать Павшину за совмещение?
- Тридцать процентов, – недовольно отчеканила Пупик.
- Сколько он хочет? – спросил Алик, положив телефонную трубку.
- Пятьдесят процентов к окладу, – не задумываясь, произнесла Валер.
- Больше тридцати не могу, – предложил Алик.
- Хорошо, – согласилась Валер и вышла с видом победителя.

Вечером на втором этаже она опять сидела в тесном кругу журналистов и, потягивая пиво, рассказывала истории, а Алик размышлял о том, что если не покажет себя хозяином положения, то на его горле всегда будет чужая рука, готовая стиснуть пальцы. Ему требовалось обновить коллектив, но пока идти на компромисс.

На следующий день к Алику подошла Пупик.

– Теперь Павшин получает больше меня, а я ваш заместитель, – обиженно произнесла она. – Мы тоже перерабатываем, пишем отчеты за вторую организацию телевидения, созданную, чтобы транслировать еще два телеканала. Она существует только на бумаге, но требует полной бухгалтерской работы, за которую ничего не получаем, хотя Куплин обещал.

«Вот тебе чай, вот тебе бутерброды, вот тебе муксун, и вот тебе нарушение финансового равновесия», – подумал Алик, но заботливо спросил:

- Кто в этой работе задействован?

– Не за себя прошу, – произнесла Пурик горько от обиды, что не может просить за себя. – Рыбий мучается с документацией. Бухрим печатает. Фазанова подшивает.

– Вы же понимаете, что главное на телевидении – не наша с вами работа, а работа журналистов, – напомнил Алик.

– Понимаю, но и бухгалтерия не последняя инстанция, – в свою очередь напомнила Пурик.

«Здесь на Севере все поверхностно. Поверхностен лишайник, неглубоки корни деревьев, но человеческие руки тянутся за нефтью через километры земли, они тянутся за деньгами через все преграды. Тут народ только и ждет, у кого бы чего попросить, – оценивал Алик свои первые знакомства в телерадиокомпании. – Стоило ли ожидать на телевидении и радио иных людей, кроме длинноруких и поверхностных? Но пока мне есть чему у них поучиться...»

Тем временем книга, которую писал Алик, потребовала новых территорий...

ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ БУМАГ

«Разоблачения обычно исходят от обиженного».

Если в самом скупом виде память о человеке остается на кладбищенской фотографии и табличке с надписью, когда он родился и умер, то в более удобном и полном виде сведения о прошлом хранятся в архиве. Там нет ни могильных крестов, ни пропитанной увяданием земли, ни скорбных родственников возле памятников и крестов, там нет ни мороза, ни жары, ни снега, ни дождя, поскольку архивное дело процветает в защищенном от капризов природы помещении, среди стеллажей, заполненных бумагами, и ведут его не дедки в телогрейках, предлагающие места для захоронений, а спокойные женщины, от которых впору ожидать чашку чая.

Много лет понадобилось Алику, чтобы понять, что интереснее архивных документов нет источника информации. Архив честен и не хитрит, представляя себя лучше, как это делает интервьюируемый, не скрывает компрометирующие тайны, как чиновник, не отвлекает мнениями, объяснениями и мишурой, сопровождающей любое событие. Он не назойлив и терпелив, он сух и скуп, но предоставляет возможность изведать экстракт истории, чтобы далее по вкусу добавить в него воду, и он лучше людей, предоставляющих обвиняющую информацию, поскольку не требует обязательств.

В архиве осталось все, что не проскользнуло бесследно сквозь сито бытия, что оживило интерес секретаря или протоколиста настолько, что заставило быстро шевелить ручкой, что не затерялось в урнах, стоящих возле столов руководителей, и не исчезло в огне пожаров.

Командовала в усыпальнице документов маленького нефтяного города среди сладковато-пыльного запаха старых полежавших бумаг улыбчивая и стройная Оксана Мракова. Поддавшись обаянию и журналистской славе Алика, она выдавала ему просимые документы, да и остальные архивные работники, неизбалованные вниманием прессы, были рады помочь и услужить. В результате этого производства газета маленького нефтяного города получила серию исторических очерков, а те находки, которые газета точно бы не опубликовала, Алик оставлял для книги.

Первое упоминание о Хамовском

«На формулах дерево не растет».

Александр Кильченко – увидев это имя Алик, остановил движение пожелтевших страниц. Этот человек и сейчас занимал пост председателя профкома нефтяной компании, а пятнадцать лет назад он управлял маленьким нефтяным городом, по сути дела занимая кресло Хамовского. Его доклад привлек внимание Алика:

«Приняв должность председателя исполкома без гроша на социальные нужды, не имея ничего, кроме громкого названия Советская власть, видел своей задачей создание элементарной финансовой базы исполкома.

С первого дня работы чувствовалось позерство, завоевание дешевого авторитета, при этом ничего не делая для блага жителей города и самого города, со стороны депутатов Гостюкова, Сапы, Селиванова, Пондаренко, депутата окружного и областного Совета Хамовского. Они методично втрамбовывали населению мысли о неспособности Совета и самого председателя руководить в городе, при этом забывали о своей ответственности за благо города, как посланники народа в вышестоящие органы власти.

При самом активном участии депутатов горсовета распространялись слухи обо мне, как о взяточнике при решении жилищных вопросов, члене мафии в городе и т.д.

Обилие грязи, вылитой в течение восьми месяцев, особенно четко выразилось на встрече с педагогами, где мои объяснения не принимались, поскольку в моем лице видели только взяточника и вора, съевшего все запасы города. Поэтому, считаю свое дальнейшее пребывание в руководящих органах Совета и исполкома нецелесообразным и информирую сессию муравленковского городского Совета о своем немедленном уходе.

Добавлю к заявлению: «Мы все боремся за власть, забывая о том, что мы депутаты и несем ответственность. Без прикрытия уже предлагаются взятки. Последняя капля, переполнившая рюмку моего терпения – это собрание в школе, где депутаты Селиванов, Сапа, Хамовский вели себя по-хамски...»

Вскоре Кильченко был освобожден от занимаемой должности председателя городского Совета.

«Смотри-ка Хамовский и Сапа изначально были друзьями. Вот уж – нет хуже врагов, чем бывшие друзья. И распространение сплетен было исконно политическим

приемом Хамовского. Мерзавец еще тот. Видимо, окружение имел соответствующее, а сидя в такой работающей мясорубке, сложно не превратиться в фарш. И получал он определения от Кильченко точно такие же, как давал мне, когда я боролся с ним, – изумлялся Алик открытиям. – Все повторяется».

В истории маленького нефтяного города только один раз строилось жилье за бюджетный счет в Московской области. Алик с удивлением узнал, что квартиры там получили и его политический учитель, и парадоксальный помощник в борьбе против власти Сапа, и нынешний заместитель председателя городской Думы, и тогдашний прокурор города, и заведующая юридическим отделом администрации, и заведующая отделом по учету и распределению жилой площади администрации города. Получила трехкомнатную и начальник налоговой инспекции Вельможнова, и тогдашний начальник милиции и нынешний начальник Парашин – в то время самый обычный следователь. Более того, нынешний начальник милиции вначале получил квартиру в Подмоскowie, а на следующий год трехкомнатную в самом маленьком нефтяном городе. Получил подмосковную квартиру, естественно, и бывший глава города, и его

заместитель, и непотопляемый Лизадков, работавший в то время на своем нынешнем месте. Почти тридцать квартир. Встречались и малоизвестные фамилии, но скорее как исключение, чем правило.

На пахнувших пылью полках хранилось множество распоряжений, постановлений, стенограмм, ... подшитых в папки и разложенных по отдельным картонным коробкам. Они манили, как в детстве влекли секретные родительские ящички, припрятанные в кладовке, но едва Алик продвинулся по документам до года, когда на должность главы города вступил Хамовский, как его доступ к архиву усложнился.

Хамовский тоже читал газету и, когда понял, что вскоре стоит ожидать публикаций о периоде своего владычества над маленьким нефтяным городом, то вызвал Лизадкова. Несмотря на заверения Квашнякова сомнения в Алике у него остались, пусть журналист формально стал своим, но когда-то своим не был...

– Тут история города пишется – это хорошо. Но я не помню, чтобы разрешал пользоваться архивом, – осторожно высказался Хамовский. – Вы не давали такое разрешение?

– Нет, – ответил Лизадков. – А что, Алик залез в хранилище, минуя вас?

– Получается, так, – ответил Хамовский. – Я не против публикаций, но все должно быть по правилам. Ты разузнай и рассадь всех по клеткам.

Чиновники любят спать, но когда просыпаются, то оказываются хуже саранчи по прожорливости, и проворнее мыши по умению ускользнуть.

Если бы Оксана Мракова не была женой начальника отдела экономики администрации маленького нефтяного города, то плакала бы она от слов Лизадкова. Но при условии, описанном выше, Лизадков был вежлив и корректен:

– Что ж ты, Оксана, даешь журналисту документы, как какому-нибудь главе?

– Но он же теперь возглавляет телерадиокомпанию и попросил их для работы, вот я и дала, – покручивая остреньким носиком, похожим на острие кнопки, отвечала Мракова, по привычке удерживая тонкими губами приветливую улыбку.

– Ты забыла, кто главный по истории города, кто книжки пишет? – спросил Лизадков и пренебрежительно усмехнулся. – Ты не читала Хамовского? Это его тема!

– Что же мне делать, когда Алик снова придет? – спросила Мракова.

– Скажи ему, чтобы заявление писал, – ответил Лизадков. – Сажи, что выдавать документы на руки не положено. Не забывай – архив не самостоятельная структура, а подразделение администрации города.

– Понятно, – тряхнула носиком Мракова. – Я могу идти?

– А полностью запретить доступ в архив, мы можем? – словно не услышав, спросил Лизадков. – Все ж архив достояние города, вдруг что пропадет...

– Я думаю, нет, – ответила Мракова.

– Думать, с мужем будете, – схамил на манер Хамовского Лизадков. – Посоветуйтесь с юристами.

– Хорошо, – согласилась Мракова. – Я могу идти?

– Да, но чтобы подобной самостоятельности больше не было, – напомнил Лизадков напоследок. – У нас вся самостоятельность во Дворце культуры, если хотите, идите туда танцевать.

– Хорошо, – опять согласилась Мракова и вышла из кабинета...

Алик написал Хамовскому письмо с предложением заключить договор на подготовку статей об истории маленького нефтяного города, но, не получив на него ответа, понял опасения Хамовского и границу его правления пересекать не стал. Книга этого не требовала, а портить отношения с главой города в начале пути главного редактора телерадиокомпании он не хотел.

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

«Чем мельче песок, тем дольше память о нем».

Уже в первый месяц работы главным редактором Алик уволил наркомана, поставил в туалете сушилку для рук, сделал замечание бухгалтеру и секретарю за то, что они передавали журналистам для повторного использования испорченные зарплатные ведомости, где был указан доход каждого сотрудника, в том числе и его зарплата.

– Бумагу надо экономить, – строго напомнила Пурик.

– Издеваетесь? – поразился Алик. – Вы раскрываете личную информацию...

И такова была телерадиокомпания во всем. Журналисты ссылались на мнения, а не на документы и законы, причем, даже определяя день рождения своей телерадиокомпании, хотя оно было написано в свидетельстве о регистрации.

– Нет, дата рождения другая, – упорствовала Валер. – Мне кто-то из руководителей сказал.

– Татьяна, смотрите в документы, а лишь потом заглядывайте в рот, – посоветовал Алик.

Но советы не помогали. Журналисты маленького нефтяного города почитали слово уважаемого ими начальника выше документа, а Интернет предпочитали газетам. Так было быстрее готовить информацию, чтобы скорее закурить, поговорить, попить кофе, поиграть в компьютерные карты и сделать домашние дела. Так отрабатывались легкие телевизионные деньги, где внешние важничанье и эмоциональность вполне заменяли разумность.

Проведение конкурса на замещение должности ведущего «Новостей» стало ответом Алика на шантаж Валер. Ему потребовалось не только ощутить независимость и самостоятельность, но и продемонстрировать эти качества.

Девчонок пришло множество, все они читали одинаковый текст с телесуфлера, а комиссия под руководством Валер, проводила отбор. Конкурс запомнился тем, что был украден сотовый телефон у тележурналистки Буковой, тихой и незаметной женщины, которой еще предстоит сыграть роль в этой истории, и тем, что выбор Валер пал на серую, как мышь претендентку. Но Алик, поговорив со своими знакомыми, выбрал другую.

Яркое лицо и четкая дикция, натренированная продажей продукции «Мэри Кей», вошли в экран гармонично и торжественно. Звали новую ведущую «Новостей» – Цветовникова, внешне она выглядела крепко сбитой высокорослой женщиной, но из всех ее прелестей Хамовский после встречи с ней отметил только одну.

– Тебе задастые нравятся? – спросил он Алика, пояснив тонкости отбора персонала администрации.

– При чем тут ее зад? – спросил в ответ Алик, на что Хамовский неделикатно улыбнулся и замял тему...

У мужчин в местах стыковки пар конечностей находятся два нароста: один ближе к небу, другой – к земле. То, что Хамовский иногда мыслил на работе тем наростом, что находился ближе к земле – это Алик знал, но не ожидал, что и его будут оценивать по этому признаку. Он набирал на телевидение журналистов, но приходили девушки и однажды...

В его кабинет вошла заплаканная Валер.

– Извините, что без разрешения, но мне нужно поговорить, – горько сказала она. – Зачем вы принимаете на телевидение молодых девушек?

– Как зачем? – удивленно переспросил Алик. – У нас не хватает журналистов. Ты сама знаешь.

– Но нам нужны мужские голоса, – обвинительно заявила Валер.

– Ты права, – согласился Алик. – Но, что я могу сделать? Даже на должность телеведущего, с хорошей зарплатой, не пришло ни одного парня.

– А я знаю, зачем вы их принимаете, – продолжила обвинение Валер.

От этих слов Алика обдало жаром, как от языка пламени, выскочившего из кострища. «Еще одна из школы Хамовского, может и сама ее проходила», – понял он и, уже понимая тайный смысл недосказанного, подначил:

– И зачем?

– А вот затем! – твякнула Валер. – Затем! Тоже молодых девочек любите!

«Видимо, знает, что Павшин штурмует на телецентре новеньких», – понял Алик.

– Татьяна, это хорошо, когда на телевидении работают молодые и красивые, – ответил Алик. – Ты зря меня винишь.

– Ничего не зря! – звонко вскрикнула Валер и выскочила за дверь.

Резкая в суждениях Валер уже раздражала Алика. Исходивший от нее отрицательный эмоциональный фон, вздымал чувства, как статическое электричество – волосы.

«Эбонитовая палочка», – мысленно дал он ей прозвище.

– Здравствуйте, – хмуро прозвучал из телефонной трубки голос Светланы Косаченко бывшей любовницы Куплина. – Вы не могли бы прислать Нестора? Жора на телефонные звонки не отвечает.

Косаченко звонила из телецентра. Алик взглянул на часы – одиннадцатый час вечера или ночи.

После увольнения Куплина большие навекат глаза Косаченко, пристойная фигура, заметный бюст и львиная грива ниспадающих на плечи обесцвеченных волос остались без поклонника. Она работала на телецентре по сменам, получала небольшие по северным меркам деньги, но получала регулярно. Работа спокойная, времени – хоть отбавляй, юности, задора и желания любить – тоже...

– Что случилось? – спокойно спросил Алик.

Он быстро привык к запоздалым телефонным вторжениям в свой дом.

– Электрики передали телефонограмму об отключении электричества, – бойко ответила Косаченко. – Я отключила аппаратуру, потом включила. Один передатчик не работает.

Павшин в передатчиках не разбирался – это Алик знал.

«Значит, Косаченко он нужен по другому делу, – рассудил он. – Жена у Павшина (а это была Валер) порядочная стерва, и сложно найти мужчину, который бы после скандалов, учиняемых ею, не стал бы искать любовницу».

Павшина он не обвинял и понимал Косаченко. Жена Павшина была не просто стервой, а умной стервой, если бы Косаченко позвонила Павшину сама, а к телефону подошла его жена, то не сносить Косаченко головы, а если не головы, то львиной шевелюры.

– Телефона Павшина у меня нет, – соврал Алик. – Поищи Жору и попытайся сама перезапустить передатчик. Если не получится – то до завтра...

Следующими приказами Алика стали приказ о прекращении пьянства в помещении теле-радиокомпании и приказ об очистке телецентра от двуспальной кровати и прочего мусора. Вполне естественно, что подобные недипломатические ходы популярности ему не принесли, но жизнь стала спокойнее.

– Можно хоть на дни рождения выпивать? – выразила Валер желание коллектива.

– Хорошо, но только с моего разрешения, – согласился Алик и с этого момента его стали приглашать на все дни рождения, чтобы он произнес первый тост, а потом отваливал и не мешал развлекаться. А если он иногда задерживался, то к нему неизменно подходили Павшин с Пухленко. Павшин интересовался подъемом зарплаты, а Пухленко...

– Ну, зачем вы сюда пришли, зачем вам телевидение? – спрашивал он. – Зарплата?

– Скажу одно, – отвечал Алик. – Не из-за денег.

– А ради чего? – удивлялся Пухленко, но Алик так и не ответил ему на этот вопрос, потому что опасался грубых прикосновений к хрупким тайнам и мечтам.

Книга! Все было из-за книги, становление которой происходило не в гордом писательском одиночестве в деревенской избе, или хотя бы в отдельной квартире, или комнате, или маломальском изолированном от помех и суеты пространстве. Совсем нет. Алик жил жизнью, наполненной многими отвлекающими его силы делами. Тот, кто работал начальником и был при этом мужем и отцом, знает, а Алик работал не просто начальником – он работал в сфере, которую не знал. Он изучал должность, телевидение, множество новых людей, вившихся вокруг него...

ПЛАНЕРКА

«Пытаясь проникнуть в собачью конуру, надо сильно согнуться».

Хрипловатый бас Хамовского, звучавший в конференц-зале, словно бы утрамбовывал и сгущал спертый, замкнутый воздух, который втягивали, обедняли кислородом, и выпускали обратно чиновники, собравшиеся на планерку. Вдыхание выдыхаемого, как воздуха, так и мыслей – объединяющая атмосфера – основа общения зала с индивидуумом. Хамовский мастерски использовал ее, чтобы накачать ответственностью и идеями подчиненных, опасно замерших под бледным светом потолочных ламп.

Начальственное кресло под Хамовским преувеличивало его размеры, герб города со скрещенными золотыми ключами на синем бархатном фоне и воткнутые в массивную мраморную шайбу официальные флаги города, Ямала и России, утяжеляли слова, но стоило вообразить Хамовского голым на унитазе, как гнет пропадал, и возникала веселая легкость.

«А еще лучше самим унитазом. Унитаз тоже блестит и иногда величественно шумит», – предложил сам себе Алик, сидевший на самом дальнем от Хамовского стуле, с которого было видно все, что происходило в конференц-зале.

Сипов, среднего роста худощавый мужчина, седые волосы которого лежали на голове, словно скошенная трава на полях, сидел на одном из стульев, ближайшем к главе города, как и положено его заместителю по экономике, и безмятежно смотрел в потолок поверх протокола планерки, который держал в руках.

Хамовский опять кого-то ругал, предлагал умножить и сложить цифры, вспомнить год рождения Наполеона и день взятия Бастилии, определял по фамилии национальность и родовые корни присутствующих..., поэтому Сипов и устремил взор в потолок, предполагая за этим потолком и перекрытиями, следующими за ним, чистое небо с истинным хозяином своей судьбы. Он молился, чтобы и эта планерка окончилась для него благополучно.

В тот момент, когда большинство предпочитало бросать взгляды в близкую незримость, сродни тому, как люди в переполненном метро смотрят горизонтально куда-то сквозь, что придает их лицам незадиристое выражение, внутренний уход, а может и животную покорность, Сипов являл новый тип чиновника – богообожающего старца, со взглядом, исполненным надежды.

– Слишком много мы получали в последние годы. Особенно те, кто воспринимает работу в бюджете, как своего рода бизнес,... – сказал Хамовский и глянул на Сипова.

Хамовскому нравилось доказывать ограниченность ума приближенных, при этом он энергично крутил руками, сводя указательный и большой палец правой руки так, будто они держали прищепом важный документ, помахивая которым Хамовский убеждал присутствующих в их абсолютной глупости и невежестве. Его недовольный хрипловатый бас вместе с летающей системой, собранной в правой руке, создавал мощную, внушающую ужас машину. А потом, потеряв интерес к партнеру по интеллектуальной порке, он клал руки на стол, одну на другую, как школьник, наваливался на них грудью и превращался, если бывал одет в черный костюм, в говорящую глыбу. И эта глыба исторгала речи на какую угодно тему и как угодно долго, едва нащупывала первую фразу:

– Проще матерям, сидящим дома с детьми доплачивать, чем содержать садики...

– Я не хочу, чтобы новогодние подарки разворачивались...

– Я сделаю вас убыточными. Вы наносите ущерб городу своей прибылью...

Бредятин, первый главный редактор Алика в маленьком нефтяном городе, а ныне начальник отдела информации и общественных связей, а по сути, – пресс-секретарь, скучал и даже не скрывал этого. Он занимал достаточно высокую должность, чтобы вести себя, как заблагорассудится. Он занимал кабинет, находившийся на одном этаже и даже в непосредственной близости от кабинета Хамовского, и потому на планерке сидел, понунив голову, чтобы не напрягать шейные мышцы.

Чиновники что-то бубнили, отвечая на вопросы. Бредятин иногда поднимал голову и всматривался в отвечающих, и тогда между ниспадавшими к носу длинными седыми волосами угадывались два темных шарика недобрых зрачков. Пальцы его рук принимались мять друг друга и ковырять под ногтями, а стопы без отрыва пяток, похлопывать об пол, как руки зрителя в ленивых овациях.

– Михаил Иудович, как вы оцениваете информацию по подъему цен? – спросил Безмер, еще один заместитель Хамовского, большой специалист по воровству бюджета на взаимозачетах. – Тягунова говорит, что рост цен произошел всего на один процент и он не велик.

Бредятин неспешно поднялся, как поднимается с сеновала ленивый конюх. Измятые брюки светло-серого костюма повисли на нем как заношенные шаровары, явив присутствующим вытянутые матерчатые пузыри на коленях.

– Я абсолютно не согласен. Один процент совсем не мало. Это целых шестнадцать рублей! – важно произнес он.

Тягунова относилась к отделу Сипова, поэтому Сипов освободился от божественных мыслей и ехидно на манер Хамовского громко спросил:

– Так если шестнадцать рублей это один процент, так по-вашему, Михаил Иудович, колбаса в магазине стоит одну тысячу шестьсот рублей за кило? Где вы такое видели?

Бредятин не ожидал, что кто-либо, кроме Хамовского, умеет мгновенно пересчитывать в уме, и, словно бы выплевывая слова хитросплетений, на которые так способны маститые журналисты, замахал языком, как виляет хвостом заискивающая шавка.

Хамовский следил за разговором подчиненных и думал о своем: «Чтобы властвовать над людьми, надо читать им молитвы. Надо услаждать их слух и разум и карать отступления от веры. Надо гипнотизировать и карать. Надо действовать как церковники».

Через знакомство со многими церковными служками и даже с архиепископом Тобольским и Тюменским Хамовский постиг, что основы успешной земной власти надо копировать с власти церковной. Приравнивая себя к Богу, снижаешь вероятность падения. Поэтому даже свою книжку, посвященную истории Сибири, он назвал «Дар Божий», то есть в каком-то смысле дар Семена Хамовского.

Он посмотрел на настенные коричнево-серые кварцевые часы с фальшивым маятником и такой же позолотой, подумал: «пора разнимать» – и сказал:

– Господа, скоро нас менять всех надо будет, стареем...

Понченко, для своих – Поня, начальник пожарной охраны маленького нефтяного города, сидел на первом ряду офисных стульев, уютно как старый дед в кресле качалке, и спал, точнее – дремал, закрыв глаза. С места, откуда глава города нес бред относительно государственных событий, представляя всех кроме себя, абсолютными дураками, не было видно открыты ли глаза Понченко или нет. Тем более, что Понченко опытно наклонил лоб, и его голова в этом состоянии напоминала полулысую головастую собаку, уснувшую на словно бы запыленном зеленом газоне – который при данной аналогии представляла его форменная одежда.

В вольности, которую позволял себе начальник пожарной охраны был большой символический смысл. Он делал широкий жест уже тем, что приходил на эту планерку, потому что от главы города он был совершенно независим – его организацию финансировал федеральный

бюджет. Поэтому он мог позволить себе закрыть глаза и лишь иногда открывать их и лениво водить головой из стороны в сторону, в поисках отвечающего, всматриваться в него, отдавая дань этикету и чинопочитательству.

В конференц-зале строилась политика маленького нефтяного города. Шло обсуждение городских проблем, но куда больше проявлялась иная тема – регулярное доказательство Хамовским неслучайности своей власти. Каждый присутствующий получал не только задание, он и уносил частицу Хамовского, его мир, его религию.

«Человек несовершенен куда больше любого созданного им прибора – в нем нет кнопки отключения чувств, чтобы избегать ненужных волнений, информации, затрат, – думал Алик в последнем ряду. – Он создан включенным постоянно и может быть застигнут врасплох, когда не способен сопротивляться. Любая власть использует постоянное включение для вживления идеологии, любой власти выгодно, чтобы в подвластных присутствовало как можно больше ее мировоззрения. И в каждой ветви власти работают свои художники.

Задача настоящего художника – одурачить человека так, чтобы он сам открылся для новых идей. Кто-то называет это околдовать творчеством, я бы скорее назвал это одурачиванием, поскольку используются природные механизмы доверия: особая череда звуков и слов, особенных звуков и слов, особая игра красок... Хамовский, несомненно, настоящий художник власти».

Алик вспоминал его в первые годы правления, когда он был грубым и невыдержанным, и сравнивал его с сегодняшним, умело улыбающимся и театрально радушным, и не мог не поразиться жажде власти, подтолкнувшей Хамовского на столь радикальную перемену себя внешнего.

Парадокс состоял в том, что Алик тайно писал книгу о власти, о журналистике маленького нефтяного города, о взаимодействии журналистики и власти, где определял Хамовского, как человека непорядочного, но сотрудничал с ним и даже уважал.

ПРЕМИИ

«Некоторые люди воздействуют на деньги и счастье, как сладкая бумага на мух».

С мыслью избавиться от витавших по маленькому нефтяному городу подозрений в хищении денег, поступающих в телерадиокомпанию от населения, Алик спокойно и по-деловому вошел в кабинет Хамовского. Власть гребет добро, отгребая у подвластных, поэтому он алкал избавиться от излишней власти, снять с шеи финансовую петлю, на которой его могли повесить при выходе книги, и защитить, если не должность, то репутацию.

– Семен Петрович, прошу помощи в одном деликатном деле, – осторожно начал Алик. – Я хотел бы, чтобы деньги от платных услуг, не могли оставаться в карманах моей бухгалтерии.

– Что, воруют все-таки? – с надеждой спросил Хамовский.

– Доказательств нет, Семен Петрович, но слухи ходят, и возможность есть, – ответил Алик. – Пусть ваша администрация эти деньги принимает, или введите мне в штат кассира.

Хамовский задумчиво замер.

– Пусть население в банки платит, – наконец, произнес он с сомнением.

– Там очереди, – напомнил Алик.

– Ничего, через банки идут разные платежи, будет еще один, – ответил Хамовский, не раздумывая – так, что стало понятно – его решение окончательное.

Он поднял телефонную трубку, набрал короткий внутренний номер:

– Надежда Викторовна, рассмотрите вопрос оплаты услуг телерадиокомпании через банки...

И тут же, бросая трубку на место, спросил уже Алика:

– Еще вопросы есть?

– Нет, – разочарованно ответил Алик.

– А у меня к тебе просьба. Надо сделать наши интервью живее, – попросил Хамовский. – Задай-ка мне вопрос о моей заработной плате.

– Но это не корректный вопрос, – напомнил о своей репутации Алик.

– Нормальный вопрос. Жителям интересный. Задай, – требовательно попросил Хамовский. – А сейчас зайди в делопроизводство, для тебя там бумага.

Людмила Нигудко, пенсионного возраста улыбчивая женщина, работавшая при всех главах маленького нефтяного города, что говорило о многих ее знаниях, угодливости и молчаливости, встретила Алика с улыбкой, возникающей у родителя, преподносящего подарок ребенку. Алик счел эту улыбку данью многим годам знакомства и также улыбнулся в ответ.

– Сейчас, я найду ваш документ, – радостно сказала Нигудко, перебирая на столе бумаги. – Вот и он.

Руки Алика приняли прозрачный файл, внутри которого лежал документ, текст которого был заботливо прикрыт пустым бумажным листом.

– А что тут? – спросил он.

– Это только для вас, – все так же радостно ответила Нигудко, глядя Алику прямо в глаза.

Спускаясь с третьего этажа администрации к выходу, Алик успел вытащить чистый белый лист, прикрывавший текст распоряжения, и глаза его выхватили самое главное: «...выплатить премию в размере фонда оплаты труда...». Вспыхнуло такое праздничное настроение, какое и бывает по праздникам, которые всегда случаются не по заслугам, а определению свыше.

В бухгалтерии телерадиокомпании установилась пасмурная погода. Пупик сидела низкой грозовой тучей, невероятным образом зацепившейся за стул, она неприязненно глянула

на Алика, но тот не поспешил укрыться ни от молний, вспыхивавших в ее глазах, ни от дождя, который она предвещала, он пребывал под зонтиком хорошего настроения и, протянув денежное распоряжение, сказал:

– Это надо исполнить и как можно скорее...

Вдохновленный премиальным сюрпризом Алик зашел в свой кабинет, и его голова наполнилась мыслями:

«Мы применяем к жизни неверные единицы измерения. Мы ее меряем временем, делами и событиями, а ведь жизнь и сам человек есть впечатление природы. Человек есть эмоция природы. Жизнь должна измеряться впечатлениями, крупицами счастья...»

Возникшая в двери кабинета Пупик, прервала размышления.

– Можно? – спросила она.

– Конечно, проходите, – охотно пригласил Алик и показал рукой на кресло перед столом.

– Все о себе заботитесь, – проворчала Пупик. – А, между прочим, зарплата у меня должна быть всего на разряд меньше, чем у вас.

Зарплата у Алика по контракту с Хамовским действительно почти в два раза превышала зарплату главного бухгалтера.

– Это инициатива Хамовского, что мне отказываться? – спросил он.

– Нет, но и нас не забывайте, – проворчала Пупик и, прицелившись в Алика своими глазами-молниями, спросила: – А зачем вы сказали Хамовскому, что тут деньги крадут?

«Никто об этом разговоре не знает, кроме меня и Хамовского. Анатольевна могла рассказать только Пыляева из финансов. Хамовский ей звонил. Пупик может только предполагать и провоцирует», – оценил Алик и ответил:

– Разговор завел Хамовский. Теперь деньги за платные услуги пойдут через банки. Это его решение.

– Вы обманываете, – зло обвинила Пупик. – Я все знаю.

– Успокойтесь, я говорю правду, – Алик врал уже легко, словно рассказывал автобиографию.

– Мы тут работаем, здоровье тратим, готовя финансовые отчеты, – разразилась дождем Пупик...

Пупик ушла, а Алик с чувством вины перед нею откинулся на спинку кресла и задумался. Он вспомнил архивный документ, в котором перечислялись те, кто за бюджетный счет получил квартиры в Подмоскowie, и сейчас переоценивал его с точки зрения нового знания, которое принесла ему Пупик. Оформители документов, тоже попали в список. Зависимость власти от исполнителей таинства, вынуждает подкупать этих исполнителей!

Алик находился в такой же зависимости от Пупик, как Куплин. Он обязан был делиться! Лишний рубль в его кармане должен был привлекать копейки и в карманы сотрудников бухгалтерии, иначе угрюмое настроение Пупик могло повредить финансовые отчеты, ответственность за которые лежала на нем. С этого момента так и повелось в телерадиокомпании: в числе тех, кому отписывались наибольшие премиальные, были Алик, Пупик, Рыбий, Бухрим и, по настоянию Пупик, сюда попала завхоз Фазанова.

Покой от восстановления административного мира надолго овладел Аликом, но он не знал главного: все премии, отписанные бухгалтерии, не перекрывали ущерба Пупик от лишения доходов от платных услуг, которые она с уходом Куплина полностью считала своими...

– Можно? – спросил Задрин, приоткрыв дверь.

– Что у тебя? – поинтересовался Алик.

– Счета на покупку нового оборудования, – ответил Задрин. – Все, как вы просили.

Хамовский для поддержки основательности утверждения нового главного редактора выделил телерадиокомпании три миллиона рублей на покупку оборудования, и Алик дал Задрину задание заключить необходимые договоры.

– Положи документы на стол, я посмотрю, – попросил Алик.

Задрин вытянул руку, обнажив наколку «Жора» из-под задравшегося рукава, мелькнул быстрой тенью, и кабинет опустел. Алик придвинул листы, всматриваясь в цены.

«Дороговато, хотя фирма, выставившая счета имеет давние связи с телерадиокомпанией», – оценил он, навел курсор на значок Интернета, затем впечатал адрес [http:// www.ya.ru/](http://www.ya.ru/) и провел сравнительный анализ цен по всему комплекту оборудования.

Оказалось, что цены в счетах, принесенных Задриным, даже без учета скидок, всегда действующих при покупке больших партий товаров, превышали процентов на двадцать цены на те же предметы оборудования в других фирмах.

«Вот гусь, молодой да ранний, – подумал Алик о своем новом заместителе по технике, – Наверняка, эти двадцать процентов с трех миллионов – его доля с поставщика, а это шестьсот тысяч рублей».

Но ругаться с немногими специалистами, оставшимися в телерадиокомпании, причем, не зная глубоко профессию, значило поставить под угрозу срыва трансляцию телепрограмм. Алик вызвал Задрина.

– Георгий, я сравнил цены. Они намного выше средних, – сказал он недовольно. – Ты заключай договор либо с другой фирмой, либо пусть наши постоянные поставщики скидывают цены. Все, можешь идти.

– Хоро-шо-о-о, – с трудом выговорил Задрин и вышел.

Следующие счета, принесенные Задриным, содержали цены обычные для рынка телевизионной техники, но без учета скидок. На этот факт Алик решил не обращать внимания, за что по прибытии партии телевизионной техники получил от Задрина портфель для ноутбука как подарок от фирмы, а скидки, видимо, Задрин забрал себе...

Вечером этого же дня у Алика состоялась еще одна встреча. Пришла молодая художница, мимика и манеры которой выдавали душевное неравновесие. Из нее, как и из Валер, рвалось незаземленное душевное электричество.

– Я вам принесла два рисунка для обложки книги, выбирайте любой, – предложила она.

На небольших листах ватмана акварельными красками были изображены лежащий на спине дракон, играющий с голубем в скупом луче света, и мост, чье отражение в реке напоминало о зеркальности всего сущего.

Золото, найденное впопыхах, может быть не узно. Так и картины эти в первый момент Алик не оценил.

Девушка была одной из трех художниц, нанятых им для изготовления рисунков к книге. Идеи всех рисунков он сам придумал и изложил на бумаге, всем заплатил из собственного кармана, и поскольку книга, несмотря на участие спонсоров, обходилась дорого, он не желал более тратить.

– Сколько вы хотите за эти картины? – спросил он, чтобы отказаться сразу, как будет названа сумма.

– Это бесплатно, – поразила художница...

Бесплатное всегда – либо бросовая вещь или бесценный дар. Бесплатно ему помогала только Марина – его нынешняя жена. Именно она стала первым корректором новой книги. Первым из трех. Ее невероятная требовательность удивляла Алика. Текст, порой дававшийся ему с трудом, она вычеркивала страницами. С ней невозможно было спорить, потому что ответ звучал только один:

– Мне не нравится. Будешь спорить, совсем читать не буду. Ты думаешь, мне хочется доставлять тебе боль?

Алик замолкал, понимая, что по-своему она права, а когда читал ее правку, то убеждался, что права с любой точки зрения, потому что сочинять литературно правильно могут многие, а

в книгу должно идти только то, что нужно. «Бесплатное, – еще раз мысленно произнес Алик. – Кто знает, чем оплачено бесплатное?»

Он опять всмотрелся в акварельного дракона и внезапно понял, что именно он обязан разместиться на книге, которая в этот момент проходила последнюю корректуру в типографии его родного города Омска, что нет ничего ценнее мнений незаинтересованных людей, их суждения часто истинны.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

«Тигр силен не потому, что у него есть должность, а потому что он хищник».

Пребывая в профилактории маленького нефтяного города, как и все начальники, да и многие из рядовых работников, – в рабочее время, Алик встретил Розу Хоамкину, высокую жилистую женщину, бывшую заведующую общежитием. Эта должность на Крайнем Севере в дикие времена освоения требовала сурового нрава. Народ проживал в общежитиях разных, и выживали заведующие с характером не иначе как медвежьим.

Алик с Хоамкиной присели на кушетку, как добрые знакомые, как родственные души, хотя до отъезда Хоамкиной из маленького нефтяного города меж ними близких отношений не водилось. Видимо, чем дольше живешь и чем больше теряешь, тем сильнее радует простое узнавание.

– Вы знаете, уже два года продаю двухкомнатную квартиру, – весело сказала Хоамкина. – Никто не берет. И цену-то не заламываю.

– Здесь все любят получать даром, – поддержал Алик. – Чтобы продать, должно повезти. Снизьте цену.

– Да и так недорого, – развела руками Хоамкина, будто рядом стоял покупатель.

– Вы сейчас где? – поинтересовался Алик.

– На земле давно. Приехала с квартирой дела завершить, – махнула рукой Хоамкина. – Пенсионерка! А вы?

– В телерадиокомпании, главный редактор, – будто о пустяковине проговорил Алик.

– Поздравляю, – лицо Хоамкиной приняло восхищенное выражение, но лишь на мгновение. – Но сложно вам будет.

– Уже чувствую, – ответил Алик.

– Там же Павшин и Валер работают, Пальчинкова, – вспомнила Хоамкина. – Ну, у вас и коллективчик!

– Ну и что? Веру Пальчинкову я давно знаю, – смягчающе ответил Алик.

– Я их тоже давно знаю, – грустно произнесла Хоамкина.. – Таких мерзавцев, как Валер и Павшин – это еще поискать. Да и Вера не лучше. Им кроме денег и власти ничего не нужно, подставят они вас.

В прошлом Хоамкина участвовала в выборах на пост депутата государственной Думы Ямала, ничего не достигла на этом поприще, поскольку не представляла интереса для народа, кроме того, что жил в подведомственном ей общежитии. Возможно, и в общежитии было не все хорошо, оттого и осталось у нее плохое впечатление от журналистов.

«А кто про меня скажет хорошее? – подумал Алик. – Все мы, журналисты, ради красного словца... Но разве может называться журналистом тот, у кого не было конфликтов с обиженными его материалами? Конформизм – это другая область – это бредятинское, это политкорректные связи с общественностью. А те, кто выживает на истинном журналистском поприще, познают, впитывают, пожинают черты своих антигероев».

К мнению Хоамкиной стоило прислушаться, она знала жизнь. Мерзлая, бывшая редакторша газеты маленького нефтяного города и бывшая начальница Алика, остерегалась Пальчинковой. Да и Куплин, по словам той же Пупик, дальше старшего редактора радио ее не пускал, но Алик, стремясь урезать власть Валер, уже возвысил Пальчинкову, назначив ее вторым своим заместителем – по радио. Пальчинкова была единственным человеком, с кем Алик раньше работал и на кого мог опереться.

Многие думают, что став начальником можно в два счета изменить подвластную организацию, что людей увольнять легко: пришел новый начальник, и все неугодные повываются

из его организации, как семечки из подсолнуха, обработанного маслобойной машиной. Нет. Любой начальник, несомненно, сталкивается с тем, что продукция, какой бы она ни была, должна выходить ежедневно, что машина, которую он получил в подчинение, должна работать бесперебойно. В этой ситуации революции невозможны. Кроме того, в России есть трудовой кодекс, защищающий трудящегося, так что уволить его почти невозможно, если тот не прогуливает наглым образом. Кроме того, чтобы увольнять, по характеру надо быть убийцей, а Алик таковым не был. Он увольнял только тех, кто уходил сам, а со старыми работниками пытался наладить отношения.

ВЕРА

«Привыклие работать за деньги, не видят иной заинтересованности».

Уверенная, излучающая материнскую заботу и домовитость Вера Пальчинкова, заместитель по радиовещанию, распространяла в окружающих рефлексорный позыв подчинения. Так бывает, что иногда хочется повиноваться уборщице или продавщице, не из-за чего иного, как делового вида, напористости и качеств голоса. Нет, сравнивать Пальчинкову с уборщицами – это было бы слишком, но как часто люди, заслуживающие большего, получают значительно меньше, потому что на пути к большему теряют звериную хватку, с которой и начиналось человечество. С Пальчинковой этого не произошло, а если произошло, то в меньшей степени, чем со многими.

Ее пробивная сила была не таранной, а вазелинокислотной. Она точно знала, где смазать, а где капнуть. Даже будучи простым корреспондентом, в бытность работы в газете маленького нефтяного города, она добывала для сотрудников и дополнительные новогодние подарки, и даже мебель для редакции.

Работая в архиве маленького нефтяного города, Алик нашел приказ «О распределении жилой площади». Знакомые фамилии опять привлекли его внимание, и он прочитал:

«Утвердить выписки из протокола собрания коллектива телерадиокомпании и редакции газеты, согласно приложениям. Приложение: распределить трехкомнатную квартиру Леснику, главному редактору телерадиокомпании; двухкомнатную – Мерзлой, главному редактору газеты...»

Алик открыл выписки из протокола собрания коллектива. Под ними две подписи: Мерзлой и Пальчинковой, в то время председателя профсоюзного комитета редакции газеты. Судя по документу, в редакции прошло профсоюзное собрание, на котором все сотрудники редакции проголосовали за то, чтобы администрация города выделила Мерзлой квартиру.

Причем Мерзлой от государства выделялась вторая квартира, что по закону было невозможно, но это реально произошло.

«Красиво! – мысленно восхитился Алик. – Председатель профкома Пальчинкова оформляет липовый протокол общего собрания и выписки из него, о которых знают только два человека: Мерзлая и Пальчинкова. И все. То-то Мерзлая отодвинула от себя Пальчинкову, видимо та что-то просила за услугу! И главное Мерзлая-то получила квартиру от Бабия за полгода до выборов главы маленького нефтяного города, а помогала потом противнику Бабия – Хамовскому!»...

Документишко был интересный. Власть пыталась заткнуть рты главным редакторам, единственным в то время в маленьком нефтяном городе, чтобы те закрывали глаза на некоторые вещи и понимали, что рыльце-то и у них в пуху, пусть не таком пышном, как у главных чинов администрации маленького нефтяного города, но все-таки заметном при предательском освещении.

Впрочем, для истории маленького нефтяного города находка Алика представляла сущую мелочь. Подобных приказов в архивных папках была уйма.

На радио Пальчинкова обрела крылья, материалы ее – лоск. Одновременно наметился прогресс и в другой области. Она проявила изрядную волю к победе, в нужный момент сделала скрытую запись разговора со своим начальником Лучиной – главным редактором радио и, известив Хамовского о финансовых нарушениях на радио, в какой-то степени способствовала его увольнению.

Радио в маленьком нефтяном городе всегда было на отшибе и в прямом, и в переносном смысле. Ни Хамовский, ни другие чиновники не уделяли ему достаточно внимания, считая радио пустой говорильней, достойной внимания скучающих шоферов, да стимулирующих торговлю владельцев магазинов. Но это была ошибка. В эфире маленького нефтяного города летало два радиоканала и примерно восемь телевизионных, таким образом, на одно слово, сказанное по радио, приходилось значительно больше аудитории. Незаметная популярность Веры Пальчинковой в маленьком нефтяном городе была велика.

На дни рождения Пальчинковой, прямо на радиостудию, несмотря на удаленность ее от центра города, невзрачность помещения и скромность угощения, сходились крупные начальники маленького нефтяного города.

Только после назначения главным редактором телерадиокомпании Алик был удостоен приглашения на день рождения Пальчинковой. Поесть он любил, но на столе, кроме кусочков жареной курицы и стандартных для Крайнего Севера солений, то есть грибов, ничегошеньки не было. Он разочаровался, но вынужденно присел. Выпили, закусили, а затем подошли: председатель профкома нефтяников – лысоватый, пухлощекий и гладкоречивый Вракин, главный пожарник маленького нефтяного города – Понченко, главный врач больницы маленького нефтяного города...

– Любит Вера выпендриваться, – отозвалась по этому поводу Пупик, выглянув как обычно из-за монитора. – Вот к вам начальники приходят на день рождения?

– Нет, и не поздравляют, – ответил Алик. – Но я и не приглашаю.

– Вот то-то и оно, – намекнула на серьезные обстоятельства Пупик.

Назначение Пальчинковой вторым заместителем главного редактора телерадиокомпании лишило привычной устойчивости чашу весов, на которой сидела Валер, и заставило ее искать гирьки, которые можно было подложить против высоко взлетевшей чаши Пальчинковой, или того лучше – бросить их в самого Алика...

КОМНАТА ОТДЫХА

«Управлять отарой или стадом можно только с собаками и с кнутом, хотя для отдельной особи хватает и ласкового слова».

Небольшая комнатуха, где даже батареи отопления заметно крали площадь, вмещала в себя обычный письменный стол и несколько стульев, занятых телевизионщиками маленького нефтяного города. Через окно, направленное на южную сторону, влетал солнечный свет, лаская цветы, стоявшие на подоконнике, а дальше, порезанный на узкие полосы штор-жалюзиями, он падал на собравшихся и придавал им сходство с устаревшими матрасами и карикатурными заключенными. В комнатухе шел серьезный разговор.

– Назначить Пальчинкову заместителем телерадиокомпании мог только идиот, – едко произнесла Валер. – Она же в телевидении ничего...

– Она его старая знакомая по газете, – напомнил Павшин.

– С такими назначениями он недолго продержится, – спрогнозировала Валер и оглядела коллег, собравшихся вокруг стола.

Бывшая учительница русского языка и литературы Валер давно уже стала специалисткой по сплетням и созданию имиджа. Она знала, когда зарыдать, когда улыбнуться и в какое ухо и в какое время сказать нужное слово. Угнетенная подчиненным положением в телерадиокомпании, где она уже видела себя начальником, Валер жаждала сатисфакций.

– Из газетных корреспондентов – сразу в редакторы телерадиокомпании. Что он для Хама сделал? – откликнулась Букова, произнося слова с такой аккуратностью, что казалось само произношение дается ей с трудом.

Она так же, как Валер, пришла в журналистику из учителей и специализировалась на школьно-детсадовской тематике. Внешне спокойная, она несла внутри несчетное войско маленьких чертенят, сидевших в засаде и ждавших своего часа.

– Вылизал Хаму все, что можно, – словно бы засыпая, предположила Задрина, жена Задрина. – Вот только непонятно, зачем он ввел народную линию?

Она была спортивной журналисткой телерадиокомпании маленького нефтяного города, но если бы все спортсмены походили на Задрину, то засыпали бы еще на старте, а песчаную яму для прыжков в длину использовали лишь для того, чтобы поваляться в ней в жаркую погоду и позагорать, не утруждая себя дорогой к пляжу. Из любого спортивного сюжета свойствами своего голоса она создавала нечто похожее на «Спокойной ночи малыши».

– Вот уж дурь! – согласилась Валер. – Теперь отвечай на звонки проблемных дебилов. То им ремонт не делают, то горячей воды нет. Пусть обращаются в соответствующие инстанции, причем тут телевидение?

– Я ему сколько говорил, что мы – муниципальные – и должны соблюдать муниципальный подход ко всем сюжетам, – поддержал супругу Павшин. – А он – для людей, для людей. Да для нас важен только один зритель! Хамовский!!!

– Отлупить бы его разок, – размечтался самый крепкий из телеоператоров Ханов.

Телеоператор Ханов был специалистом по женским кадрам. Все новые симпатичные девчонки, попадая на телевидение, оказывались на некоторое время в его невестах.

– Его надо лупить не физически, а морально, – скорректировала Жанна Мордашко. – Надо сделать так, чтобы он сам ушел.

Мордашко снабжала телевидение сюжетами и программами из области культуры. Образования не имела никакого, кроме веселого нрава.

– Не забываете, его Хам назначил, – напомнил Павшин.

– Вот он и старается, программы с ним делает, – сказала Задрина.

– Ребята, от Алика мы можем избавиться только коллективными усилиями, – вспыхнула Валер.

Взгляд ее сделался насмешливо диковатым с блеском, какой появляется у передутых мыльных пузырей.

– Надо, чтобы его программы выходили с плохим звуком, чтобы видеоряд был никчемный, чтобы сбоев в системе было побольше, – продолжила Валер. – А то работаем, паримся, а он пенки снимает.

– Со своей стороны сделаю все, что можно, – согласился монтажер Пискин. – Но в пределах разумного, так, чтобы в глаза не бросалось.

Работа монтажера в маленьком нефтяном городе Пискину давно наскучила. Его держали на телевидении регулярные зарплата и выходные. Он был большим любителем охоты и рыбалки и все, что становилось между его увлечением и ним, ненавидел. С приходом Алика Пискин лишился поездок на рыбалку на служебном автомобиле.

– Надо гореть по силам, – согласилась Валер. – Он же чуть что, так – замечание.

– Он всех достал с дисциплиной, – согласилась Задрина. – Того и гляди, проходную поставит.

– Жора, ты ему должен с передатчиками проблемы сделать, – напомнила Валер.

– Без проблем, – кивнул Задрин.

– И главное – действовать одной командой, – попросила Валер. – Один за всех и все за одного.

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ

«Традиции и предметы, созданные людьми определенной национальности, приобретают столь сильные национальные черты, что сами начинают воспроизводить нацию».

Выборы в маленьком нефтяном городе проходили регулярно, если не Президента Российской Федерации и депутатов федерального собрания, то губернатора округа и депутатов окружной Думы, а если не их, то выборы главы города и выборы, а то и довыборы, депутатов городской Думы. Поэтому жители маленького нефтяного города .

держали паспорта наготове, чтобы, как только наступит день голосования, начистить обувь, нагладить одежду и, словно по сигналу воздушной тревоги, спуститься нет, не в бомбоубежище, а со своих этажей – к избирательным урнам и проголосовать за того, на кого укажет начальство.

– Голосовать надо за Владимирова, за Владимирова! Говорю по слогам: Вла-ди-ми-ро-ва! После выборов мы изучим списки пришедших, результаты голосования и вычислим тех, кто поставит галочку не у этой фамилии, – примерно так каждый раз кричали агитаторы при плотно закрытых дверях актовых залов. – Тот, кто хочет работать, должен голосовать за Владимирова. Остальные будут уволены. У-во-ле-ны! Потому что голосование – ваш гражданский долг! Помните грудь, что сосали в детстве? Так знайте, что это не материнская грудь, а государственная, поскольку на этой земле молоком напиталась, а долги надо возвращать...

Фамилии менялись, но основа агитации оставалась прежней: долг и страх.

Человечество придумало много игр, и все они основаны на победе над иллюзией гибели, с которой обычно связывается проигрыш, или, наоборот, – на ощущении иллюзии гибели. Хамовский тоже любил игры. Он баловался интригами, психологическими опытами над подчиненными, но так, чтобы разговоры об этом не выскочили из города, но более всего Хамовский любил особую разновидность живых шахмат – игру в выборы. И сейчас на выборах в государственную Думу округа в королевы рвалась недостойная на его взгляд пешка Матушкова, которую в народе прозвали Матушка. Ее требовалось срубить, пока она не перейдет все поле.

Матушка покусилась на заслуги перед маленьким нефтяным городом, которые Хамовский считал своими.

– Я выбила из округа деньги для нашего города,... – заявляла Матушка в каком-нибудь интервью раньше Хамовского.

Как писал Джек Лондон, на Клондайке богател на добыче золота не тот, кто первый нашел золотоносный участок, а кто первый официально его застолбил. Матушка столбила быстрее. От каждой подобной выходки Матушки – Хамовский плохо спал, а обиду носил незабвенно.

«Я хозяин в городе, я хозяин, я,... – мучили Хамовского бессонные мысли. – Поэтому, кто бы что ни сделал, это все с моего позволения, с моего, с...»

Подчиняясь внезапно возникшему желанию, он побежал в туалет...

«Матушка! – истолковал знак Хамовский. – Она может вырваться из моей власти, уйти в вышестоящие органы, а оттуда также поливать меня, но уже с куда большим размахом!...»

Чтобы срубить Матушку Хамовский выставил на выборы в качестве главной фигуры Сирову, начальника управления образования маленького нефтяного города, женщину крепкую и дотошную, которая ради успехов своего управления издала негласный приказ о прибавлении к оценке знаний учеников двух баллов. Так она избавилась от «двоечников» и обрела любовь родителей, довольных успехами детей.

Фигурой, служащей для растаскивания голосов Матушки, он выбрал главного врача, ее непосредственного начальника. «Медики растеряются за кого голосовать», – рассуждал Хамов-

ский. Чтобы разделить тех, кто ищет помощи, второй фигурой, служащей для растаскивания голосов он определил Скрипову, начальника управления социальной защиты маленького нефтяного города. И, наконец, чтобы разделить голоса жителей маленького нефтяного города, недовольных властью, Хамовский решил выставить на выборы Алика, которого он и вызвал к себе для решения столь щепетильного вопроса.

Принцип продажи честного журналиста

«Если за выступление платят, а песню позволяют выбрать самостоятельно, то почему бы не спеть?».

– Требуется твоя помощь на выборах, – прямо заявил Хамовский. – Нужно отобрать голоса у Матушки.

Только лежащее на земле, не падает, а Алик уже висел на дереве Хамовского: он получил первые премии, побывал в первых командировках, а начальственные привилегии – как наркотик. Какой фрукт захочет упасть с дерева, вдоволь не напившись его соков? Кроме того, Хамовский знал, что Алик поссорился с Матушкой и, возможно, рад будет отомстить.

Алик мстительным не был. Он воспринимал Матушку, как дубликат Хамовского, с таким же стремлением к власти, но сочувствовал ей, как борцу с системой власти маленького нефтяного города, но сегодня он сам находился в системе и напрямую отказать Хамовскому не мог.

– Хорошо, – быстро согласился он. – Но мне придется уйти в неоплачиваемый отпуск, да и на предвыборную кампанию нужны деньги.

Бесплатны только фанатики. Алик фанатиком в политике не был. Хамовский запустил руку в ящик начальственного стола и вытащил пачку тысячных купюр.

– Здесь сорок тысяч, – сказал он, протягивая деньги Алику. – Этого хватит?

– На предвыборную кампанию, да, – ответил Алик. – Но мне надо на что-то жить.

– За этим зайди к Лизадкову. Он тебе поможет во всем, – завершил разговор Хамовский.

«Случай, словно привередливая дворняга – может облаять и укусить, а может и, виляя хвостом, побежать рядом, следовательно, случай нельзя злить, его надо задабривать...», – мыслил Алик по пути в кабинет Лизадкова.

– Алик, если что надо – сразу ко мне, – по-дружески произнес Лизадков, увидев Алика в дверях.

– Хамовский сказал, что вы поможете деньгами, – начал с главного Алик.

– Ты сейчас у Хамовского получил? – встревожился Лизадков.

– Да, – нехотя ответил Алик.

– Ну, как кончатся, приходи, – повеселел Лизадков. – Главное результат, все награды потом...

«Здесь борьба идет за деньги, скрытые в ящиках столов, – рассудил Алик. – Но, чем меньше сеешь, тем меньше взрастает, на какую прибыль от меня вы надеетесь?..»

– ...Если тебе нужны адреса, телефоны, имена избирателей, для адресных обращений, то вся информация здесь, – Лизадков открыл дверцу шкафа, за ней на полках лежали толстые пачки бумаг. – Тут все данные о жителях, отдельно по микрорайонам. Когда надо – бери.

– Что от меня требуется? – спросил Алик.

– Как обычно. Что мне тебя учить? – удивился Лизадков. – Выпусти свои газетки – «Дробинки».

– «Дробинки» умерли, вместе с верой в народ, – ответил Алик. – Я уже это говорил, когда Хамовский предлагал финансировать их выпуск.

– Ну, тогда выпусти несколько листовок, – разочаровался Лизадков...

Надо сказать, что в настоящее время ничто не сдерживало Алика, не ограничивало его свободу: его книга печаталась в омской типографии, а, значит, скоро появится в маленьком нефтяном городе. Когда только она появится, он будет уволен – в этом Алик не сомневался, поэтому ему не было дела ни до Матушки, ни до выборных фигур Хамовского: он и деньги

взял, и в предвыборный отпуск сходил, и правду сказал. Алик выпустил листовки, радио- и телеобращения, в которых от него досталось всем действующим лицам:

– На Севере, похоже, появились жирафы. Сирова, наконец, поняла, что нельзя быть одновременно депутатом и начальником Управления образования. Закон о муниципальной службе не позволяет.

– Как Дуремар, торговавший аптекарскими пиявками, искал золотой ключик, так и господин главный врач, в распоряжении которого находится личная сеть аптек, ищет должности депутата государственной Думы.

– Говоря о Скриповой, начальнике Управления соцзащиты, я вспоминаю пенсионера Дедушкина, который, получив в подарок от соцзащиты куртку, не поленился, пошел в магазин и посмотрел, сколько она стоит. Оказалось, что в несколько раз дешевле, чем та сумма, за которую он расписался.

– Ты что же по своим лупишь? – спросил его Лизадков при встрече.

– Играю в оппозицию власти, – напомнил Алик.

– Смотри, доиграешься, – хмуро предупредил Лизадков...

Но о главной игре Алика никто не знал.

Говоря об итогах выборов, необходимо отметить безоговорочную победу Матушки над силами коалиции Хамовского и один веселый случай, произошедший, когда Понченко, также направленный Хамовским на выборы, на записи своего выступления, устал выговаривать слова и, кинув бумаги в телекамеру, нервно вскрикнул в адрес телезрителей:

– Да пошли вы все на йух, что бы я тут перед вами распинался! У меня и так хорошая должность!..

ПРЯМОЙ ЭФИР

«Вой – признак либо внутренней пустоты, либо опасности».

Слившись с тишиной кабинета, Алик вновь и вновь повторял вступление к прямому эфиру, в котором ему впервые предстояло исполнить роль ведущего. Он бросил взгляд на часы – Хамовский ожидался меньше, чем через тридцать минут.

– Уважаемые телезрители, сегодня в прямом эфире нашей телерадиокомпании, ... – произнес он в который раз, глядя в экран, расположенного впереди него телевизора, как в объектив телекамеры.

Неспособность творить речь в ходе выступления угнетала Алика. Он заучивал написанное, как школьники заучивают стихотворения, но волнение опустошало его память, истребляя самые привычные логические связи речи и даже слова, словно бы лангольеры Стивена Кинга переквалифицировались из пожирателей прошлого в пожирателей мыслимого. Плюс к тому, Алика преследовало сомнение в высказанных фразах, мешая составлению окончательного текста.

«Почему телезрители уважаемые? Ты всех уважаешь? Просто «телезрители» – сухо. Может просто – здравствуйте?» – спорил он сам с собой ...

Вопросы к прямому эфиру были прочитаны и структурированы, но Алик продолжал переставлять их, выстраивая композицию, которой предстояло быть разрезанной звонками телезрителей.

– У нас звонок в студию, ... – недопроизнес он с приглашающей к диалогу интонацией, как настойчивый стук в дверь прервал тренировку.

«Хамовский», – подумал Алик, но не успел он сказать: «Входите...» – как дверь открылась и в кабинет деловым непрекращаемым шагом прошла Валер.

– У меня серьезный разговор, не терпящий отлагательства, – сказала она безапелляционно.

– Татьяна, не сейчас, у меня прямой эфир, – попросил Алик.

– Ничего страшного, я постараюсь быть краткой, – не уважила Валер, присаживаясь на диван.

– Татьяна, ты мне сильно мешаешь, – начал сердиться Алик.

– Мне надо по работе! – возмутилась Валер.

– Татьяна, встань и выйди за дверь! – повысил голос Алик, чувствуя нарастающий холодок гнева.

– Почему вы повышаете на меня голос?! – грозно упрекнула Валер, но не двинулась с места.

– Татьяна, встань и выйди! – еще громче сказал Алик, не замечая, как гнев исказил его лицо.

– Да как вы смеете! – вскрикнула Валер и выскочила из кабинета, звучно захлопнув за собой дверь...

«Успокойся, успокойся...», – мысленно зашептал Алик, стараясь внутренней силой удерживать гневные вибрации...

Тут дверь открылась без стука, и на пороге показался Хамовский. Энергия и деловитость исходили от него.

– Здравствуй, Семен Петрович! – подскочил с кресла Алик. – Проходите. Сейчас распечатаю вопросы, и пойдем в студию.

Линии жизней журналистики и власти устремились друг к другу и скрестились, сдавленные пальцами. Алик вернулся к столу и включил принтер. Хамовский сел в кресло, напротив

Алика, где обычно сидели все посетители, а только что сидела Валер, и, глядя на лист, выполняющий из принтера, спросил:

– Много еще вопросов поступило?

– Есть еще, – ответил Алик. – Спрашивают...

Алик не успел рассказать о чем, как дверь в его кабинет опять распахнулась.

– Семен Петрович, можно к вам? – едва сдерживая рыдания, ломающимся голосом говорила Валер.

– Что случилось? – Хамовский растерянно посмотрел на Валер, на Алику и опять на Валер.

– Семен Петрович, я больше так не могу, – запричитала Валер, пустив слезы. – Постоянные придирки, притеснения, унижения.

Она подтянула один из свободных стульев ближе к Хамовскому и села.

«Надо любым путем ее убирать из телерадиокомпании», – подумал Алик и вынужденно за оправдывался:

– Семен Петрович, я не понимаю о чем она.

– Перед вашим приходом он на меня накричал, выгнал из кабинета, а я ведь только по работе, по работе, – Валер рыдала.

– Семен Петрович, я готовлюсь к прямому эфиру, это у меня дебют, а она, словно бы специально...

Прямой эфир прошел без единой помарки, Алик чувствовал себя уверенно, словно всегда сидел в кресле ведущего. Валер создала ему переживание, стершее волнение перед телекамерой и публичным выступлением, и теперь она смотрела сквозь стекло, отделяющее монтажный пульт от телестудии, где Алик беседовал с Хамовским, и не могла понять...

После прямого эфира, когда Хамовский ушел, Алик успокоился, и мысль о Валер исчезла до следующего скандала. Он не любил портить жизнь, ни себе, ни окружающим и, считая нервную вспышку Валер верным признаком внутренней пустоты, записал свои впечатления:

Правила пустого бокала

«Удивительно то, что хотя внутренний мир человека всегда не полон, большинство стремится наполнить только карманы».

1. Каждый пустой бокал имеет жаждущий рот.
 2. Каждый пустой бокал в момент наполнения становится нужен.
 3. Стоит бокалу чокнуться, как он оказывается на пути к опустошению.
 4. Пустой бокал успокаивается среди пустых.
 5. Если один бокал из комплекта наполнен, пустые в расстройстве.
- Пятый пункт Алики отнес к себе.

ПРОВЕРКА ИЗ ОКРУГА

«Как источникам и руслам рек нет дела до того, куда уходит поток воды, так и большинству людей нет дела до итогов своей деятельности».

Горькая скорбь, какая бывает только на похоронах или при неизлечимой болезни любимого родственника, застыла на лицах руководителей подразделений и предприятий маленького нефтяного города, заполнявших кабинет Хамовского. Горилова, Ховк, Лизадков, Бредятин... тут были все. Алик направился к единственному свободному стулу.

– К нам едет комиссия, по поводу критики в мой адрес, опубликованной в окружной газете, – мрачно произнес Хамовский, дребезжащим от огорчения голосом. – Как вы думаете защищать честь мэра?

– Ну, за мэра весь город..., – подпустил оптимизма Квашняков.

– Город меня не интересует, – растягивая звуки, прервал любимчика Хамовский. – Меня интересует честь мэра. Город никто не обкрапывает. Мэра обкрапывают. Честь мэра – главное.

– Юридические службы должны поработать, – осторожно предложила Горилова.

– Против администрации округа эти службы ни арех не действуют, – хрипло простонал Хамовский. – Смотрите. Вчера губернатор принимает решение. В норме оно пришло бы через две недели, а решение здесь уже с утра. Понятно? Они звонят и говорят: ребята, мы приедем через пять дней. Вы понимаете? Чем мне может помочь телерадиокомпания?

– Дадим опровержение недостоверной информации, указанной в критике и касающейся телерадиокомпании, – произнес Алик.

– Первый плюрик, но очень маленький, – проговорил Хамовский так, что Алик понял, глава маленького нефтяного города именно его подозревает в причастности к публикации критического письма. – Нужно так интенсивно выстроить концепцию, чтобы общественное мнение уверилось: критика – брехня. И начинать надо прямо завтра.

– Завтра у нас нет эфирного времени, – известил Алик.

– Мой хороший, найдете эфирное время, – выстрелил ненавистью Хамовский. – Когда вы просите на оборудование и премии, мы деньги находим, Дума находит. И вы поищите. Я по-доброму с вами разговариваю. Не я, а все мы.

Хамовский хозяйственно оглядел собравшихся, словно пред ним не люди сидели на стульях, а хищные псы с седалищ свесили задние лапы к полу, приняли услужливые вертикальные позы, готовые по первому приказу броситься на жертву и разорвать ее...

Руководители управлений и отделов заработали, как крысы в зернохранилище, перерабатывая информацию и делая из нее хотя и несъедобные, но вполне пригодные отчеты, и из архивов бухгалтерии администрации маленького нефтяного города внезапно исчезли документы за несколько лет предшествующей работы. И это было понятно. Наказание за пропавшие документы было пустяковым по сравнению с наказанием, которое можно было получить, если бы эти документы прочитали.

Узнал об этом Алик случайно в бухгалтерии телерадиокомпании.

Случайные свидетели

«Чем податливее берег и мощнее волны, тем быстрее исчезают следы».

Покрасневшее, словно от тяжелого похмелья, усталое лицо Пупик выглянуло из-за компьютерного монитора и излило полный ядовитого раздражения взгляд. На Алике этот взгляд задержался со вполне очевидным вопросом:

«Ну что, пришел? Опять новое задание?»

Алик мгновенно осознал, что Пупик напряжена, как работающий пылесос с забившимся фильтром.

«Опять будет жаловаться на жизнь и зарплату», – понял он и, придав своему голосу заботливый тон, спросил:

– Анатолевна, вы на обед-то идете?

Алик не переживал за Пупик, он вообще не думал о том, что нужно этой женщине. Любовь к посторонним и даже к сослуживцам не входила в число его достоинств. Надо было что-то спросить, чтобы разрядить неприятную тишину, и Алик спросил, ведь он всегда поступал как художник, направляя мазки на холст жизни по велению сердца.

Пупик внимательно посмотрела на Алика и возможно где-то в глубине своей бульдожьей души поняла суть вопроса, но грубостью на добрый тон не ответила:

– Из администрации требуют обновить наши финансовые отчеты за три последних года.

– А что случилось? – на этот раз искренне любопытствовал Алик.

– Их же комиссия из округа трясет, а у них все отчеты потерялись, – спокойно, как автоответчик пояснила Пупик.

– Как отчеты могли потеряться? – театрально удивился Алик, понимая, что их выбросили, чтобы комиссия не увидела.

– Как? – переспросила Пупик. – Да просто потерялись и все.

Показная недогадливость бухгалтерши подчас сильно раздражала Алика.

– Ну, как они могли потеряться? – вопросом, не требующим ответа, начал объяснение Алик и показал на соседнюю дверь. – В этой кладовочке лежат наши отчеты. Хоть один из них потерялся за все время существования телевидения?

– Нет, – ответила Пупик.

– Нет, – согласился Алик. – В администрации кладовочка наверняка лучше. На первом этаже сидит охрана. Там может что-то потеряться, если очень захотеть.

– Не знаю, – Пупик отмахнулась от неприятной темы, как от мошки, – Сказали, что потеряли, значит, потеряли. Как бы там ни было, мне надо восстанавливать.

– У меня еще до моего переезда на Север был знакомый главный врач. У него было что скрывать, – принялся рассказывать Алик. – Когда в его больницу пришла ревизия и стала изучать документы, он их сжег. Бухгалтерские бумаги сгорели в кабинете, закрытом ревизорами на ключ. Дверь не взломана. На окне – стальные решетки. Ключ мог быть

только у главного врача. Доказать поджог не смогли. Нет документов – нет проблем.

– Не знаю, как у кого, а у меня: нет документов – есть проблемы, – устало произнесла Пупик.

– Тогда закрывайте контору и пойдемте на обед, – сказал Алик и направился к двери...

Защищая Хамовского, телерадиокомпания маленького нефтяного города выпустила немало позитивных программ, и даже сам Алик встал на место телеоператора, когда у него не хватило сотрудников для съемки публичного обсуждения деятельности Хамовского. Ему

удалось со своей точки съемки запечатлеть веселые лица организаторов коллективной жалобы в округ, и он красиво вставил их в программу...

В результате общей деятельности на благо Хамовского комиссия уехала ни с чем, а главный редактор главной газеты Ямала «Солнечный Север» Блошин был снят с должности за публикацию неподтвержденной жалобы из маленького нефтяного города.

КОНТРОЛЬНОЕ ПРОЩУПЫВАНИЕ

«Маленький человек может управлять большим, но выше от этого не станет».

Первый же рабочий день Алика после отпуска омрачил телефонный звонок Квашнякова, редактора газеты маленького нефтяного города. Его голос сиял любовью и добропорядочностью.

Сердечные интонации в голосе Квашнякова появлялись лишь тогда, когда он либо хотел от собеседника что-то получить, либо собирался сделать собеседнику немалую гадость, а, может, и уже сделал. А если прибавить к сказанному то, что и интересовался Квашняков такими вещами, которые ему и в голову никогда не приходили, тут и вовсе требовалось держаться настороже.

– Алик, здравствуй, как провел отпуск? – сопереживательно прожурчал Квашняков, и у Алика перехватило дыхание. Ему всегда казалось, что должны существовать границы изощренности, но нет...

– Хорошо, Александр Васильевич, вашими молитвами, в Турции, великолепно, – с иронией ответил Алик.

Но смог бы Алик так любезно ответить, если бы знал, что пока он был в отпуске, Квашняков снял его фотографию с редакционной Доски почета? – Это большой вопрос. К своему лику на Доске почета Алик относился ревностно, потому что в маленьком нефтяном городе он имел наибольшее количество журналистских наград и был горд, что завоевал их в условиях многочисленных провокаций со стороны Квашнякова.

– Приятно слышать, – удержал сопереживательный тон Квашняков. – У нас к тебе есть одно дельце. Зайди к Главе как-нибудь.

– На днях – обязательно, – ответил Алик.

Тайна управления

«В администрациях, как в церквях, чем усерднее прихожанин, тем больше ему воздается»

Тандем Хамовский-Квашняков прогрессировал год от года. Глава города и редактор газеты сошлись настолько, что порой было непонятно, кто управляет городом. Они демонстрировали совершенное вальсирование, где для посторонней публики, несомненно, Хамовский танцевал даму, в качестве которой выступал Квашняков, но мало кто видел, что крутил вальсовые круги Хамовский только в ту сторону, куда его увлекал редактор газеты.

– Семен Петрович, я с вами давно работаю, вроде хорошо, мне бы хотелось джип, – попросил как-то Квашняков, когда Хамовский пребывал в хорошем настроении. – Свою «Татру» я разбил под Тюменью, теперь – только продавать.

– Ты же две квартиры получил от бюджета, – напомнил Хамовский. – Премии имеешь.

– Одну квартиру жене отдал, а родные все деньги вытягивают, – жалобно посетовал на судьбу Квашняков.

Все заработки и накопления Квашняков вкладывал в строительство своего дома на Украине, здоровье напоминало о том, что скоро пора уходить на пенсию, а на пенсию много не купишь. Денежные бумаги, к обилию которых часто привыкает душа, настолько прирастают к ней, что душа превращается в мумию. Душа Квашнякова уже давно стала мумией, и даже поэтические приступы от удара сковородой все меньше его тревожили.

– Я не против джипа, – уклонился от прямого ответа Хамовский. – Но город не поймет, и депутаты побоятся поддержать.

– Этот вопрос я продумал, – облегченно выдохнул Квашняков. – Мы к Думе подготовим просьбу о выделении редакции газеты полутора миллионов на покупку новых компьютеров взамен устаревших. На заседании Думы я доложу о том, что журналистам не на чем работать. Если вы сможете убедить депутатов, то они проголосуют, вы же Думой рулите, как велосипедом. А когда нам выделяют деньги, то вместо компьютеров мы приобретем джип, а через некоторое время – на списание.

– Хорошо, – согласился Хамовский. – Разговоры, конечно, пойдут...

– Поговорят, да перестанут, – рассмеялся Квашняков. – Важно, чтобы Алик не вынес в эфир.

В первый день выхода из отпуска Алик не знал об этом разговоре и не знал, что Квашняков уже катается на новеньком джипе, его волновало иное. Возвращаясь из отпуска на «Соболе» телерадиокомпании он привез в маленький нефтяной город тираж новой книги, той самой над которой он работал.

Обмен информацией

«Раздавая свое бесплатно, надо быть готовым к тому, что оставшееся отберут по привычке».

Каждая книга была равносильна собственному весу в тротиловом эквиваленте, подложенному под тело автора. Многие вполне живые держатели власти и властных должностей маленького нефтяного города, включая главу города, были показаны в ней забавно и нелепо в ряде нелицеприятных ситуаций, кроме того, они обрели фамилии, с явными указками на доминирующую черту характера или доминирующую привычку, что делало их и вовсе потешными.

Терзаемый на разрыв тягой к распространению книги в маленьком нефтяном городе и тягой к спокойной сытой жизни на должности главного редактора телерадиокомпании, Алик провел много дней в раздумьях. Он понимал, что многим его книга не понравится, многим он испортит репутацию и многих выставит на смех. Он раздумывал о том – имел ли он право калечить судьбы людей, все-таки людей, как бы он ни относился к своим героям.

Квашняков непременно ляжет в больницу, Хамовский изойдет нецензурной бранью, Бредятин от своей фамилии засочится тихим ядом и при случае укусит из-под кустов, а Лизадков – лучше не предполагать... Все-таки книга, хотя и была основана на реальных событиях, но содержала, как и положено художественной литературе, вымысел, однако в маленьком нефтяном городе ее могут воспринять как полностью реальную историю, как чистую журналистику.

Глядя сквозь дракона, замершего на обложке, Алик сидел в своем кабинете.

«Уничтожая врага, учишься его приемам. Победивший дракона, сам станет драконом, и я уже не тот,...» – размышлял он.

– Привет! Можно? – дружески-подчиненно произнесла Пальчинкова, остановившись на пороге кабинета.

– Конечно, Вера, заходи, – обрадовался Алик своему временному союзнику. Он подкармливал Веру кусочками власти и премий, понимал, что она будет вынуждена, отстаивая кусочки своей власти, бороться с Валер.

– Работы без тебя было невпроворот,... – Пальчинкова любила выпячивать заслуги. – Хотела раньше зайти, да девчонки на радио говорят, главный уехал на телецентр, не скоро будет, там сегодня Косаченко дежурит.

Последнее предложение слетело с губ Пальчинковой с заметной обидой.

– При чем тут Косаченко? – удивился Алик.

– Так она по всей телерадиокомпании разнесла, что вы любовники, – не менее удивленно ответила Пальчинкова.

– Вот дает! – восхитился Алик. – Ну, пусть будем любовниками.

– Так у вас ничего? – повеселела Пальчинкова.

– Нет, конечно, – ответил Алик.

– Ну, Косаченко дает! – восхитилась Пальчинкова. – А тут еще твой друг Квашняков отмочил. Дума ему деньги на джип выделила.

– А зачем ему джип? – огорчился Алик, которого депутаты не баловали подобными подарками. – Весь город можно пешком за полчаса. Да и две машины есть у него.

– Так поинтересуйся, – предложила Пальчинкова. – Что за книга?

– Моя. Только привез, – с легким пренебрежением, как о пустяковине, отозвался Алик.

– Так, подари и подпиши, – требовательно попросила Пальчинкова.

– Я хочу ее продавать, – отказал Алик, потому что еще не решил, что делать с книгой. – Дареные книги не читают. По своему опыту знаю.

– Другим будешь продавать, – будто в шутку сказала Пальчинкова. – Я прочитаю, не беспокойся.

– Хорошо, но позднее. Мне надо со спонсорами переговорить, – первое, что пришло в голову, высказал Алик.

Катастрофа безобидна, если происходит в отдаленном мире, на экране телевизора. Пальчинкова могла ее приблизить, преждевременно рассказав.

– Кстати, заходи как-нибудь ко мне домой, чаю попьем, на кофейной гуще погадаю, – внезапно предложила она.

Если хорошо прислушаться, то даже мысли зазвучат. Тут прислушиваться не требовалось. Алик с интересом взглянул на Пальчинкову. Предпенсионный возраст, подрисованные брови и астматический аэрозоль, который она вдыхала время от времени, не избавили ее от ощущения собственной соблазнительности.

– Я помню, как ты гадала на кофейной гуще в редакции газеты, – сказал Алик, чтобы свести излишне личное предложение Пальчинковой к воспоминаниям.

– У меня грудь тоже ничего, – пояснила она...

«Тех, кто не соблюдает общественный ритуал, считают нечистыми и порочными, – Алик это понимал. – Собаки отплясывают, когда голодны, и рефлекторно дают слюну. Человек, откликающийся на рефлекс, уподобляется собаке, но если не откликаешься, то неизвестно что могут подумать»...

Следующая игра в выборы

«Только животное работает за поест».

Мухи на паутине – желанные и учтенные гости для паука. Встреча с Хамовским, о которой говорил Квашняков, произошла сама собой, после очередной планерки в администрации маленького нефтяного города.

– Главные редактора зайдите ко мне, – доброжелательно приказал Хамовский, но тон его ни о чем не говорил. Так же доброжелательно он мог и уничтожить.

– Впереди выборы депутатов городской Думы и главы города, то есть мои, – подчеркнуто вежливо обратился Хамовский к Алику. – Ты пойдешь?

«Боится, что опять буду шуметь. Трус, – подумал Алик. – Большое благо, что в человеческом обществе по наружности не определишь, кто заяц, а кто волк. Тут, чем умнее заяц, тем лучше он сыграет волка».

– Нет, – не стал хитрить Алик.

Он уже был депутатом и разочаровался в выведенной советской властью породе людей, живших в маленьком нефтяном городе. Народ не проголосовал за него на перевыборах, хотя он обещал критиковать власть и выполнил это в своей газете «Дробинка». Народ проголосовал за какого-то начальника, лишив Алика депутатской защиты

к радости Хамовского и Квашнякова, что и заставило Алика искать компромисс с ними.

Люди голосовали за обман, люди любили обман, они даже не стремились развернуть упаковку, в которой им обман преподносили агитаторы, люди сами были обманом. Алик не хотел перед ними унижаться и заискивать. У него дома лежала книга – это было все, к чему он стремился последние годы.

– Так, – неуверенно протянул Хамовский. – Значит, ты не собираешься идти на выборы.

На выборы можно идти, но не ради народа. Только своя цель. В прошлый раз Алик баллотировался за деньги Хамовского.

«Может, Хамовский опять раскошелится, – подумал он. – Книга проскочит как агитация. Она скандальная, но известно, если я иду на выборы, то без скандала не обойдется. Все произойдет естественно и как мне нравится: и слава, и деньги».

– Ну, а если мы попросим? – спросил Хамовский и хитро переглянулся с Квашняковым. – Если потребуется твое участие?

Не ожидая ответа, Хамовский обратился к Квашнякову:

– Мы тут с Александром Васильевичем, думали о тебе, пока ты был в отпуске. Даже уволить тебя хотели. Но потом передумали.

Квашняков простенько улыбаясь, согласно покачивал головой. Алик удовлетворенно вздохнул. Даже находясь за тысячи километров от маленького нефтяного города, он чувствовал неприятности, поэтому, несмотря на телефонные просьбы Пальчинковой, возвращаться из отпуска не торопился.

– Ну что, поможешь нам? – спросил Хамовский.

– Конечно, помогу, – согласился Алик...

Его взволновало распространение книги во время избирательной кампании. Подобная афера, свершенная еще и с соблаговления Хамовского, могла стать вполне приличной точкой в его карьере. Представьте себе: распространять книгу, высмеивающую главу города с приказа его самого. Алик чуть не задохнулся от веселья, в предчувствии анекдотичной ситуации.

– Я буду баллотироваться, если вам это необходимо, – добавил он после короткой паузы. – Для предвыборной агитации у меня есть недавно изданная книга. Других наработок нет.

– Ты уже выпустил книгу?! – удивился Хамовский. – А мне не дал почитать.

Квашняков направил на Алика взгляд трясины, жаждущей засосанных жертв. От него потекли испарения ревности и тревоги. Книга «Старый слон» была его единственная. Алик тоже имел одну книгу – «Странный случай». Теперь ничья между редакторами нарушилась.

– Вам принести книгу? – спросил Алик так весело, будто заглядывая в пропасть, имел на себе не менее двух парашютов: и основной, и страховочный.

– Принеси, посмотрю, а там и определимся по выборам, – коротко ответил Хамовский. На том и расстались.

В этот же день Алик передал книгу Хамовскому, и этот день назывался пятница. У него, как он думал, оставалось всего два дня спокойной жизни, а раз так, и первая книга ушла к потенциальным инквизиторам, то требовалось распространять ее и как можно быстрее. Пятница еще только начиналась...

Алик начал со спонсоров. Почти все состояли в команде Хамовского, но любили узнать о главе нечто «горяченькое». Алик придвинулся к телефону.

Первая сотня книг в один день разлетелась по спонсорам как стая почтовых голубей.

«А что делать с простыми читателями? Раздаривать книги не хочу. Это умысел. Пришлют намеренное расшатывание кресла главы города, – рассуждал Алик. – Только за деньги, только за деньги. В конце концов, триста рублей не настолько великие деньги, чтобы житель маленького нефтяного города не смог бы их выложить за книгу».

Последняя мысль вызвала искренний смех нашего героя.

«Зачем здешним людям книга? – спросил он сам себя. – После работы им надо расслабиться, а не водить взгляд по строчкам. Телевидение им надо, хороший стол, да посплетничать».

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ

«Если сел в поезд с названием «жизнь», то сомневаться некогда – пункт назначения приближается безостановочно».

Закончились выходные, началась рабочая неделя, а Хамовский словно бы и забыл об Алике. Встреча состоялась только в следующую пятницу.

– Семен Петрович, прочитали книгу? – поинтересовался Алик.

– Ты знаешь, я ее отдал Квашнякову для ознакомления, – ответил Хамовский. – Тот сразу в больницу слег. Что ты там такое написал?

Большого подарка Квашнякову, своему наивернейшему слуге, Хамовский подсунуть не мог. Квашняков был самым мерзким и смешным персонажем книги.

«Тут и здоровое сердце не выдержит, – весело подумал Алик, – Все пасквили обо мне, опубликованные им в газете, я использовал в книге против него. Обидно, когда тебя бьет собственное детище...»

– Не знаю, Семен Петрович, что Квашнякова подкосило, про него там немного, – уклончиво ответил Алик. – Мне участвовать в выборах?

– Подождем, пока Квашняков выздоровеет, – сухо ответил Хамовский.

– Он что-нибудь сказал насчет книги? – спросил напрямую Алик.

– Ты, конечно, там перегнул, но кто не рискует, тот не пьет шампанское, – странно ответил Хамовский.

Философская реакция Хамовского на книгу с одной стороны успокоила Алика, с другой – насторожила. Он понимал, что Хамовский человек умный, знает, что Квашняков причинил Алику немало зла, и некоторый возврат и долгов, возможно, считает приемлемым, но злопаметность Хамовского, которую тот не раз демонстрировал, не даст книжной аванюре пройти безнаказанно для автора.

Камень, падающий в водосточную трубу, постучит да выскочит. Движение всегда конечно. Алик понял: его сейчас не уволят. Хамовский будет ждать, когда героический ореол вокруг него угаснет.

Распространение книги

«Люди привыкли заботиться о том, что заработали своим трудом, а даденное бесплатно с их точки зрения не стоит заботы, и инерция данного мышления настолько сильна, что распространяется даже на собственное здоровье».

Упрямый каток переедет и живого. Новая книга появилась и в книжном магазине, и в газетных киосках, как только Хамовский уехал из города. Ее приобрели не только заместители Хамовского, но и Клизович, председатель городской Думы, и его заместитель, потом – рядовые депутаты. Книга распространялась, спонсоры паниковали.

– Ты видела, что он выпустил за наши деньги? – кричала в трубку Горилова.

– Сукин сын! – подвывала Ховк, руководительница всех дворников в маленьком нефтяном городе, ответственная за все мусорные баки, дворы и бани. – Так подставил! Получается, мы вскладчину по Хамовскому прошлись.

Формой своего тела Ховк походила на матрешку. Иногда хотелось одной рукой взяться за голову Ховк, другой за ее ягодицы, крутануть, потянуть и, когда Ховк распадется на две половинки, то заглянуть внутрь и убедиться – есть ли там Ховк поменьше.

– И по президенту, и вообще по власти. По самим себе! – огорченно вскрикнула Горилова.

– Что теперь делать? – спросила Ховк.

– Глава сказал: помогли выпустить грязь, сами и убирайте, – ответила Горилова.

– Надо скупить тираж, – предложила Ховк. – Лично я свою долю выкуплю, хоть на собственные деньги.

– Это шанс оправдаться, – согласилась Горилова...

Алик ежедневно обзванивал торговые точки, и внезапно со всех стала поступать одна и та же информация: вечером с прилавков исчезают все книги, и если судить по числу покупок, то подобного книжного ажиотажа не было в истории маленького нефтяного города.

«Не сошел же маленький нефтяной город с привычного ума, – раздумывал Алик по этому поводу. – Одна-две книги в неделю – это понятно. Но десять за вечер – это чересчур. Это же не водка перед праздниками. Скупают».

В кабинет заглянула секретарша Алика, розовощекая хохлушка Бухрим.

– Вас искала Надежда Ховк, чтобы закупить большую партию книг для подарков своим работникам, – сообщила она так, будто передавала желанную весть.

– Спасибо, я перезвоню, – сказал Алик и мгновенно понял, куда уходят книги.

На улице господствовала обычная плохо освещенная зима маленького нефтяного города и заснеженные, заледенелые тротуары, словно путь по жизни – темный и скользкий. Алик шел домой, переминая в кармане денежные бумажки, вырученные от продажи книг.

«Книга живет, когда к ней обращается читатель. Скупщики меня убивают», – печальная мысль сдавливала дыхание, но продлилось это состояние недолго.

Возможно, в этом и состояло главное счастье Алика, что в любой самой утопительной ситуации, он всегда находил положительное течение, окунался в него и выплывал к свету.

«Почему я должен печалиться от того, что жители города мало покупают мою книгу и мало интересуются книгами вообще? Это не моя беда, а их. Это они остаются вечно пустыми бокалами, спокойными среди таких же пустых. О чем ты печалишься? Ты написал самую великую книгу маленького нефтяного города. Никто не достигнет этой вершины – ни одна овца из этого трусливого стада, ни один пустой бокал. Собственно, какие тут бокалы – одни просто-

народные стаканы! Овцам, кроме жратвы и завораживающего зрелища луга ничего не надо. О чем ты страдаешь? – примерно так вдруг стал рассуждать он. – То, что книгу скупают – возможно, это единственная моя удача. Если не слава – то деньги. Пусть скупают, а я буду еще подносить».

От такой мысли Алик опять повеселел и почти полетел домой, продолжая поглаживать тысячные купюры в кармане. Пока можешь создавать детей и сам остаешься ребенком – есть повод для оптимизма.

Утром следующего дня Алик сразу же позвонил Ховк.

– ...все вымели? – услышал он окончание служебного разговора Ховк, предательски проскользнувшего в микрофон, пока телефонная трубка летела от телефона, к ее начальственному уху.

– Здравствуйте! – добродушно произнес Алик. – Не помешал?

– Нет, можете говорить, – недовольно ответила Ховк, раздумывая о том, не услышал ли Алик лишнего.

– Мне передали, что вы хотели купить книги на подарки, – поинтересовался Алик, имитируя простодушие.

– Да, – удивилась Ховк так, что в ее голосе вспыхнули нотки предвкушения.

«Мальчик ничего не подозревает», – подумала она.

«Клюет», – сообразил Алик и продолжил:

– Сколько экземпляров надо?

– Чем больше, тем лучше, – выстрелила Ховк.

«Вот дурачок, сам себя продает», – подумала она.

«Вот дура! Интересно, сколько возьмет?» – подумал он и спросил:

– Пятьдесят, достаточно?

– Хотелось не меньше ста, – притворно ласково, до того, что это притворство исказило ее привычные интонации, попросила Ховк. – У нас работников много и если кому-то достанется, а кому-то нет, то возникнут обиды. Сами знаете.

Последнюю фразу Ховк украсила искрами полусмеха, которые Алик отнес к довольству начальницы собственной находчивостью.

– Хорошо, будет сто, – согласился он. – Когда приедете?

– Прямо сейчас, – отозвалась Ховк. – Вы будете на месте?

– Буду ждать, – завершил разговор Алик.

Вскоре в кабинете Алика появились деловитые женщины, которые с радостью унесли все упаковки с книгами, какие он хранил в телерадиокомпании, оставив на столе легкие тысячные купюры.

«Неплохая премия за мои труды», – оценил Алик и неожиданно для себя вывел на чистом листе:

Тяжело тянется тетива –

Легко летит стрела.

Но, если уныл сей труд,

Стрелы мишень не найдут.

Неудачный отчет

«За свою жизнь человек произносит так много фраз, что хотя бы одна из них может оказаться пророческой».

Ховк мечтательно смотрела на книги Алика, лежавшие блоками упаковок, а в глазах ее сияли отблески пламени, в которых фанатики уничтожали неуютную литературу.

– Ш-ш-ш, – шикнула она в сторону книг, когда ей показалось, что одна из упаковок уже задымилась. – Не в кабинете же.

В дверь постучали. Зашла Горилова.

– О-о-о, – с восхищением оценила она. – Хороший уловчик. Пора сдавать.

– Ну, кто позвонит, ты или я? – спросила Ховк.

– Звони ты. Твоя заслуга, – произнесла опытная в политических делах Горилова.

Ховк набрала номер телефона Лизадкова и произнесла с самыми оптимистическими интонациями, какие смогла соорудить:

– Алексей Матерзанович, мы выкупили свою долю тиража и готовы продолжать, если дадите добро.

Работая в административной системе, Лизадков знал, что любая шестеренка должна вращаться от того, что ее вращает другая – более ведущая. Он не любил самостоятельное вращение снизу, заставлявшее ведущих напрягаться.

– Сколько скупил? – осторожно спросил он.

– Более ста экземпляров, – бойко ответила Ховк и еще раз добавила. – И готовы продолжать.

– Кто приказывал? – спросил он так же осторожно, но с той интонацией, по которой и ребенок сообразит, что получит наказание.

– Так Семен Петрович же сказал: сами дали деньги, сами и исправляйте? – испуганно спросила Ховк.

– Он же не сказал: покупать, – связвил Лизадков.

– Ну, так..., – неуверенно произнесла Ховк.

– Вы даете деньги на следующий тираж, – крикнул в трубку Лизадков. – Он вам и больше продаст, только попросите.

– Так покупать книги, или не надо? – уже всерьез испугалась Ховк, чувствуя, что совершила ошибку. – Люди же скупят.

– Кто их купит, кроме таких дур?! – не выдержал Лизадков. – Вы не знаете жителей, за которыми убирают ваши дворники и уборщики? От культуры здешнего населения подъезды уже не отмыть, а леса не очистить. Это рабочий город, а не библиотека.

Мысль в душе или мозге, как хотите, проходит ряд согласований по отдельным кабинетам, где находятся цензоры жизни, знатоки, и стоит одному из них отвлечься на бытовую неустроенность, конфликт и т.д., как мысль останется недоделанной или загубленной. Это и приводит к ошибкам. Не отвлекайте цензоров жизни суетой, а тем – не увольняйте.

КОЛДОВСТВО

«Я должен быть благодарен тем силам, которые подарили мне меня, но ввиду сложности выявления этих волшебников, мне приходится быть благодарным небу».

В квартиру, свет из которой уже высосала полутьма, разлившаяся на улице, пришел Квашняков. Шея его была перекручена, словно голова сделала несколько оборотов, да так и осталась. На лице застыло горе. Руки нервно сжимали книгу Алика.

– Ты зачем это написал? – в голосе Квашнякова звучал даже не упрек, а смертельная обида.

– Не огорчайтесь, – попросил Алик. – Возможно, книга не дойдет до читателя в этом городе, Хамовский скупит тираж. Если нет – то только тогда...

Спустя короткое время после этого разговора Алик, прогуливаясь по проспекту, заметил яркую ленту, какой ограждают места происшествий. За ней на корточках сидели милиционеры. Алик любопытствовал:

– Что произошло?

– Человеку сильно плохо, – ответили ему.

Этим человеком был Квашняков. Алик не разглядел его, лежащего на земле, страшился видеть его. Он чувствовал, что тот умирает, и душа вот-вот покинет тело и устремится искать того, кто виновен в его смерти...

Алик быстрым шагом пошел прочь, но чем дальше отходил от места печального возлжания Квашнякова, тем больше понимал, что не помер Квашняков и, скорее всего, не помрет, да и сам Алик не желал ему гибели, но притворился Квашняков. Он вымаливал смертельную для врагов жалость Хамовского.

Следующая встреча состоялась спустя две недели.

Квашняков почернел и иссох так, что костюм стал сильно велик, и голова смотрелась над этим костюмом, как тонкий почерневший фитиль на фоне воскового прута свечи, то есть миниатюрно, несуразно, глуповато, но устрашающе. Именно устрашающее воздействие хотела оказать на Алика эта головешка. Устрашить, и далее враг сам себя поест собственным страхом, а врагом Квашнякова был сейчас он – Алик. И Алик интуитивно понимал, что в устрашении и была суть визита Квашнякова.

– Я тебе все припомню, Алик, и отплачу. Ты получишь сполна за мою обиду, – прошептал Квашняков, как прошипел.

Кому хочется слышать такие слова от полуживого персонажа, похожего на вылезший из-под земли истлевший труп, каковым Квашняков вполне мог и быть, когда бы не избегнул клинической смерти? С другой стороны бояться трупа – то же самое, что бояться любого предмета, лишённого жизни, вроде палки или камня.

Алик брезгливо взял Квашнякова за плечи, мягко и любезно проводил до лестницы, ощущая через прикосновение к дороговому костюму его зловонную злобу, и как только Квашняков оказался перед открытой дверью, от порога которой открывалась лестница вниз со множеством, не менее десятка ступеней, дал тому крепкого пинка в задницу, всюю подошвой ботинка, так что Квашняков покатился вниз...

Этот пинок в администрации маленького нефтяного города Алику не простили.

Уже на следующий день он почувствовал, как сгустились вокруг него силы тьмы. Борьба с ними походила на бессмысленное уговаривание северной природы сменить нрав.

Облики тьмы зеленоватыми расплывчатыми образами, похожими на зимние испарения из канализации, поднимались из-под земли и плыли над ней навстречу неотвратно. Остался только вопрос – кто их источник?

Встреча с Хамовским прояснила все. На месте, где обычно располагалась дверь в его кабинет, светилась и колыхалась прозрачная энергетическая мантия.

Хамовский, завидев Алика, встал с кресла и подошел, сменив сердитое выражение лица на заинтересованное и даже любезное.

– Видишь это свечение? – спросил он и, не дожидаясь ответа Алика, продолжил. – Сквозь него ты не проникнешь. Оно высасывает из тебя силы. Тебе недолго осталось...

В холле Дворца культуры маленького нефтяного города готовилось колдовство. Дети! Девочки, одетые в легкие полупрозрачные платица, строились квадратами, один внутри другого. Они готовились к ритуалу привлечения темных сил. Алик увидел это и испугался. Он понял, что его хотят уничтожить куда быстрее, чем он ожидал. Те глупые ожидания, что Хамовский будет великодушен к выпуску книжки про него и возможно сочтет лучшим вариантом выкупить тираж, оказались глупыми. Алик устремился к девочкам.

– Подождите, не начинайте, я схожу к Хамовскому, – крикнул он, и маленькие колдуньи замерли в ожидании.

Имя шефа остановило их. Это единственное, что могло их остановить. Алик побежал к кабинету Хамовского. Посланица от колдуний опередила Алика, чтобы получить дополнительные указания в отношении ритуала. Когда Алик добрался до Хамовского, девочка уже побежала обратно.

Хамовский по-прежнему сидел в своем черном кресле. Он еще сильнее растолстел, более того – полысел. Его лицо покрылось жировыми складками, свинячьи глазки недобро поглядывали. Он ожидал приближения Алика, как паук ожидает приближения мухи, безо всякого движения, природно зная, что та никуда не денется.

Хамовский понимал, зачем пришел Алик – просить пощады и снисхождения. Но никакой пощады.

– Сожми кулачок, – сказал он Алику. – Там появится небольшое яичко. Передай его мне.

Что будет после этого, Хамовский не сказал. Можно было только догадываться.

«Простит или не простит?» – об этом думал Алик, сжал кулак, и там действительно появилось яичко, нематериальное, полупрозрачное, оно сияло золотым светом. Отдать его Хамовскому означало отдать свою суть, душу. И Алик понял: Хамовский рассчитывает, что он из желания сохранить свою жизнь, передаст это яичко. Тогда Хамовский его все равно уничтожит, но это уничтожение станет тем ужаснее, что Алик передаст собственными руками своему убийце самое дорогое, что у него есть...

Он развернулся и ушел от Хамовского. Прошел сквозь зал дворца культуры «Украины», где ритуал продолжился. Песнопения неслись к потолку, к небесам. Алик вышел на площадь перед Дворцом культуры. Небо стремительно темнело. Грозные тучи скрадывали голубизну и приближались к солнцу. Алик испугался, он оглянулся в поисках людей, способных ему помочь. Их было всего трое, этих возможных помощников, но они пребывали в растерянности. И тут Алик понял, что остался один на один в борьбе с тьмой. Он испугался и обратился к последней надежде, к Богу.

– Боже, помоги мне, – взмолился он, протягивая руки к солнцу, ожидая, что из ладоней вылетят искры, превратятся в пламень и этот пламень ударит во тьму и раскромсает, разгонит ее. Но мощные облака быстро затягивали и само солнце, и на границе туч осталась лишь узкая каемка тусклого малинового огня, похожего на прощальный поцелуй. А те искры, что действительно поначалу полетели из ладоней Алика, закручивая затейливые петли, потускнели и исчезли...

Алик проснулся. Солнце заглядывало в окно, зажигая шторы и плодя солнечных зайцев, навевая мысли о детстве и не столько мысли, сколько ощущения его. Ощущения оживают,

стоит их подкормить тем, что они хорошо знают и помнят. Где-то в этом краю ощущений и прозрений живут подсказчики будущего, живут предупредители и хранители.

УГНЕТАЮЩАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

«Чтобы подниматься наверх, надо и цепляться за предметы и людей, расположенные выше, а не спускаться на давно исхоженные низины».

Пока солнце за облаками, греются только облака, а что такое власть, как не облака. Стоит облакам пропустить лучи солнца, как жизнь обретает краски и настроение. Отсутствие дальнейших разговоров о его приказном участии в избирательной кампании и стало для Алика этим лучом солнца, который говорил, что его книга правильно понята, что он вышел из числа прислужников Хамовского, готовых на все. Он отстраненно наблюдал, как Хамовский, подстреленный его книгой, самоуверенно отказавшись от избирательной кампании и всего лишь на месяц исчезнув с газетных полос и экрана телевизора, едва не проиграл Тополеновой, редактору самиздатовской двустраничной газетки, внешне похожей на недоделанного Буратино. Он размышлял об этом, сидя в любимом домашнем кресле:

«Хамовский живет в тираже собственных ликов и слов, чтобы не разбежалась публика, сопровождающая его в ход идут новые книги, статьи, лики, встречи, речи, обеды... Но стоит исчезнуть приманкам и напоминаниям, как исчезает и сам Хамовский. Цена его власти – сиюминутность, как у журналиста, а это означает, что в его книгах, статьях, ликах, речах нет нетленной основы. Скоротечна религия господ, но она словно барабан, задающий тон и шаг».

Поначалу и Алика захватывало чувство исполненного долга от реализации приказов, сравнимое, пожалуй, с армейским чувством повиновения. Сомнения появляются при совестливом осмыслении, но они возникают позднее и далеко не у всех. Да и позднее – сложно сделать сиюминутный выбор между повиновением, необходимостью и служением истине.

– Почему у тебя бежит агитационная строка Тополеновой? – грозно спросил Лизадков по телефону.

Над Аликом уже висела вина перед Матушкой, которую Хамовский запретил показывать на экране, и он не хотел добавлять новую тяжесть на сердце. Для него честность оставалась вполне живым зверьком, еще не вытравленным ни Квашняковым, ни Лизадковым, ... ни повышением в должности. Он, несмотря ни на что, оставался в первую очередь – журналистом, а не чиновником.

– Она имеет право на объявление бегущей строкой по договору, как и каждый из кандидатов, – ответил он. – В том числе и Хамовский.

– Право?! Какое право? – повысил голос Лизадков. – Убирай немедленно.

– Но она оплатила, у меня будут проблемы, – возразил Алик.

– У тебя будут проблемы, если не снимешь строку, – выкрикнул Лизадков, который только что имел разговор с Хамовским и прикрывал сам себя.

Просчет в избирательной кампании мог отразиться на его карьере и кошельке.

– Так на меня дело откроют, – напомнил Алик.

– Никто ничего не откроет, Супов все замнет, – ответил Лизадков. – Снимай немедленно.

Председатель избирательной комиссии маленького нефтяного города Супов был человеком скрытным. Он мог зарегистрировать нужного Хамовскому кандидата после определенного законом срока. Он хранил бюллетени так, что никому, никогда не удавалось их пересчитать.

Кухня выборов, как и в любом ресторане, оставалась вне внимания кушающей публики. Конечно, надо быть глупцом, чтобы обедать у известного отравителя. Но жители маленького нефтяного города, избиравшие власть, никогда не брезговали и не опасались.

Публике давали блюдо, а что там в этом блюде: плюнул ли кто в него, положены ли все ингредиенты и соблюдена ли пропорция и весовые соотношения – это вопрос темный, рассчи-

танный на вкусовое восприятие. Не сумел распознать, жуй, что дают, а сумел, так все равно ничего не докажешь или потеряешь столько времени, что и жить некогда будет. Вот такой фигурой был Супов.

Алик снял бегущую строку и получил два гражданских судебных дела и два штрафа. В преследовании его первейшую роль сыграл Супов, публично вставший на сторону Тополеновой. Алик позвонил Лизадкову.

– О-у? – весело отозвался Лизадков в трубке.

– Я был у Супова. На меня дело составляют, – демонстративно грустно сказал Алик, что, по его мнению, должно было вызвать сочувствие на той стороне телефонного соединения.

– Ну и пусть составляют, – чуть не рассмеялся Лизадков и еще веселей продолжил, как о несущественной пустяковине. – Алик! Че ты! Пусть составляют! Че ты?!

– Вы приказали, я исполнил. Сейчас вы меня бросили на съедение собственной структуре, – напомнил Алик.

– Ничего страшного, – произнес Лизадков так, словно пропел. – Ну, заплатишь штраф пятьсот или тысячу рублей. Че волнуешься?

– Вы знаете, мне эти подставы неприятны, – ответил Алик.

– Ну, че ты!? Выпиши себе премию. Хамовский подпишет, – ответил Лизадков.

Хамовский молча подписал распоряжение о премировании, в которое Алик для безопасности вписал весь коллектив телерадиокомпании, и кинул бумагу Алику. Деньги для него давно стали обоями, скрадывающими окружающий его негатив.

«На еду не обижаются», – говорила теща, и Алик распространил эту поговорку на деньги. Деньги глушили вину, отстраняли от содеянного, но не пленили ум.

Бойтесь лекарств чиновников, они укрепляют их стул и изводят беспокойства, а их беспокойство – не ты ли – тот, кто ищет путь? Но, не щупая, не найти; не пробуя – не узнать. Алик щупал, пробовал и ошибался.

ВЗАИМНЫЕ ОЦЕНКИ

«С близкими ругаются потому, что от них ждут большей помощи, чем получают».

Средства массовой информации маленького нефтяного города давно превратились из средства контроля над властью в средство укрепления властью своего положения. Телерадиокомпания выпускала программы и сюжеты, словно бы цех по выпуску кирпичей для дворцов власти, и каждый из этих кирпичей летел в голову телезрителя, автоматически вставая на отведенное ему архитекторами место. Но проще отучить собаку вилять хвостом, чем отвадить журналистов лебезить и заискивать перед чиновниками. Алик скоро понял, что коллектив телерадиокомпании маленького нефтяного города не изменить.

Все новые сотрудники, которых он принимал на работу, поначалу исполняли его требования, но спустя короткое время тематика их работ напитывалась муниципальным подходом старого состава телерадиокомпании. Коллектив телерадиокомпании оказался самовоспроизводящей машиной кадров с вживленной внутрь программой, заключавшейся в двух словах: «быстрее отделаться».

– Вера, я не знаю, что делать, – признался Алик в разговоре с Пальчинковой. – Прошу Букову сделать программу с творческими людьми города. Она проводит скучные интервью. Прошу Павшина, в прямых эфирах отстаивать права жителей, а он становится на сторону чиновников. Звучат общие фразы, ничего конкретного.

– А ты ничего не сделаешь, пока не разгонишь коллектив, – искренне ответила Пальчинкова.

– Но трудовой кодекс не позволяет увольнять за скучную программу, там либо пьянство, либо прогул, а остальное требует серьезных доказательств, – напомнил Алик. – И если это государство не рухнет от такого отношения людей к своим обязанностям, к своей профессии, к своей жизни, к своей родине, наконец, то это будет большим счастьем для этого государства.

– Знал бы ты, как тебя ненавидят за насаждение дисциплины, – поделилась Пальчинкова. – Когда оставалась вместо тебя, чего только не наслушалась.

– Если не умеют творить, то пусть хоть дисциплину соблюдают, – сказал Алик. – Сейчас же меньше пьянствуют?

– Намного меньше, – согласилась Пальчинкова.

– Замечание к замечанию, а там и увольнение, – напомнил Алик. – Может так коллектив и очистится...

На самом деле, Алик не был деспотом и никого не увольнял. Он просил и убеждал журналистов:

– У вас великолепная работа. Она позволяет зарабатывать деньги и при этом узнавать, создавать новое, и даже прославиться. Где перспективные проекты? Где искры любви, идеи? Задачи, которые я приношу из администрации – это рутина.

– А у вас есть перспективный проект? – внезапно спросила Букова.

– Есть, – ответил Алик. – Но я не люблю открывать планы раньше времени...

Спустя небольшое время он зашел в корреспондентскую, и увидел Букову в сладкой дреме возле компьютера.

– Татьяна, почему ты сегодня ставишь повтор старой программы, где новое? – сдерживая гнев, спросил Алик.

– Я как раз думаю над новым проектом, – ответила Букова, обеспокоено глянув на расклад пасьянса, висевший на экране монитора.

– Каким? – спросил Алик, жалея, что монитор отвернут от него.

– Мне не хотелось бы сейчас говорить о нем. Вы же говорили, что *все прекрасное рождается в покое и молчании*, – ответила Букова, щелкнула компьютерной мышкой, и пасьянс исчез.

Алик не знал, что ответить. Перед ним сидел страшный человек в образе худенькой, редко улыбающейся стареющей женщины, рано оставшейся без мужа по прихоти Бога, раздающего болезни. Что прихоронила она в душе? Что заставляло ее притворствоваться, использовать выведенный рецепт лекарства для составления на его основе яда?

«Мыши должны знать слабости кота, иначе будут съедены. Лень должна быть умна, иначе умрет с голода, – размышлял Алик уже в кабинете. – Скрытность для творчества так же важна, как и для лени. Но как отличить? Только по результатам. Но лень, узнав внешние признаки труда, исполнит их при минимуме усилий. Задай лени количество, она сделает его при минимуме качества. Введи контроль качества, лень исполнит обязательства на той их грани, за которой начинается гниль».

Он научился монтировать сюжеты и программы, снимать на видеокамеру, учился телевидению, чтобы его тексты не могли испортить операторы и монтажеры. Он приглашал на телевидение маленького нефтяного города преподавателей из Москвы и других городов, но почти все его усилия, походили на вращение пустой мясорубки.

– Я все знаю, все слышал на месячных курсах, у нас сам Познер преподавал, – авторитетно заявлял Павшин.

– А я и так все знаю, – утверждал Задрин. – У меня хоть и нет высшего образования, но я любого специалиста за пояс заткну.

– Хамовского мы уже в разных видах снимали, что тут нового можно придумать? – вопрошали операторы.

– А мне Хамовский сказал: зачем вам учиться? – вспомнил Пухленко, полноватый крепыш, попавший в журналистику из спортивного института. – Как были слесарями третьего разряда, так и останетесь.

Блуждая в просветительских фантазиях, Алик набивал шишки на реальных косяках, он понял, что любой самый сладкий сон не заменит реальной еды, и решил больше внимания уделять собственным проектам, книге, нежели коллективу, начинка которого была ему неподвластна.

Между тем Валер в комнатухе отдыха на втором этаже телерадиокомпании продолжала собирать вокруг себя журналистов и вести провокационные разговоры.

– Прямо диктатор, скоро в туалет будем ходить по заявлению, – говорила она. – Компьютерные игры запретил. Я ему говорю: у наших ребят это единственное развлечение, и оно не мешает работе. А он: «Мы наполняем свою жизнь второстепенными делами, а потом жалуемся на нехватку времени для главного». Жанна, ты понимаешь?

– Гнет из себя, как бы хребет не сломался, – включилась в разговор Мордашко, озорно поблескивая зубами. – Заявляет, чтобы я лицом к нему поворачивалась, когда он со мной разговаривает. Да кто он такой, чтобы учить? Все говорят, что я сзади лучше.

– Книгу привез. Мог бы подарить. Так нет – только продает. Не уважает он нас, – напомнил Пухленко. – Татьяна, ты ее купила, о чем он пишет?

– Очередная «Дробинка», – веско сказала Букова. – Власть критикует, Хамовского. Но тут какой-то подвох. Хамовский его назначил главным редактором, а он выпустил книгу против власти и Хамовского.

– Избирательные технологии, – оценил Павшин. – Часть критически настроенного населения ушла за Аликом, а значит, в корзину Хамовского.

– Тут выгадывать нечего – все под Хамовским, – обобщила Валер. – Надо поссорить их. В этом наш шанс. Надо сказать Хамовскому, что доходы телерадиокомпании могут быть в десять раз выше. Тот заставит искать резервы. А что тут можно найти, если над доходами не такие, как Алик думали. Сядет главред в лужу. И здесь ему надо нервы делать...

НЕРВЫ

«Любой фрукт вкуснее всего перед падением».

В библиотеке маленького нефтяного города, за столами, выстроенными буквой «п», сидели молоденькие студенты, которым предстояло демонстрировать поэтические способности, и состоявшиеся поэты маленького нефтяного города.

Алик огляделся. Здесь была и милая поэтесса Примафеева, известная душевной мягкостью своих строк, и низенький дядька с бородкой, очень похожий на бомжа, Конепейкин, любитель закрученных смыслов, и передком пробивающая стихию жизни Твороп, которой просто нравилось рифмовать...

Бредятин, в стихах которого правили честные признания сумасшедших, пришел на мероприятие вместе с женой и, памятуя о появившейся в городе книге и прошлых конфликтах, присел подальше от Алика.

Поначалу мероприятие шло в спокойном размеренном темпе. Студенты, волнуясь и потев, читали свои произведения, а взрослые поэты пили чай вприкуску с печеньем.

Длилось все это достаточно долго, чтобы заскучать.

Затем слово перешло к гостям. Оно медленно и монотонно жужжало до тех пор, пока не наступила очередь Алика, пришедшего на поэтическое мероприятие только с целью раздачи своих книг детям.

Книга на детских руках полетела по букве «п». Бредятин, являясь одним из потешных героев этой книги, принялся подергивать скулой и бессмысленно наклоняться к столу, словно от резких кишечных болей. Его ведьмообразная жена, сидевшая от него по правую руку, воплощенная в миниатюрном эпизоде книги в злобном персонаже, ярко побледнела, ее глаза зажглись огнем крематория.

Алик не замечал происходившего с его коллегами по поэтическому творчеству, он радовался тому, как детские руки обнимают книгу, сказал несколько хороших слов о ней, и вернулся к теме заседания, посвященного Великой Отечественной войне:

– Сейчас часто пересматриваются итоги...

– Нет, я не хочу этого слушать! – вскрикнул Бредятин, кишечные боли которого достигли предела. – Я не хочу слушать этот бред!

– Вы о чем? Я еще ничего не сказал, – удивился Алик.

– Я не буду слушать эту оголтелую пропаганду, – понесло Бредятина, возжелавшего испортить впечатление детей об Алике и о книге, которую они еще не читали. – Сейчас о прошлом говорят черт те что. И он туда же.

– Михаил Иудович, я еще ничего не сказал, – еще раз напомнил Алик.

– Уже видно, куда клоните! – взорвался Бредятин, подпрыгнув с места.

– Вы, видно, начитались лишнего, вот и мерещится, – с мягкой язвительностью парировал Алик.

– Михаил Иудович, успокойтесь, успокойтесь, – вмешалась библиотекарьша.

– Не буду я успокаиваться. Я ухожу, – Бредятин оделся и вышел за дверь.

«Я бы, наверное, и сам не выдержал, если бы на моих глазах распространялось парафиненное меня произведение», – подумал Алик и продолжил:

– Все сферы, куда может проникнуть народ, например, журналистика, депутатство, сразу облагаются этическими ограничениями. Но этические ограничения в сфере исследований всегда ведут к жульничеству. Спор о числе погибших в прошедшей войне будет вестись еще долго, но он не умаляет подвига солдат. А сейчас я хочу прочитать стихотворение своего друга Риф-

моплетова, которое, правда, посвящено не войне, а жизни, но разве не ради жизни шла эта война?

Для истории жизнь – не святыня,
Как и кладбища тел в забыты,
Сколько даренных судеб здесь стынет
В вечных поисках соли земли.
Но ни солнце, ни дальние звезды
Не оценят усилий людей.
Мы лишь – пыль, как и звезд этих гроздя,
Для безмерной галактики всей.

Дружные аплодисменты отхлестали жертву Бредятина и выгнали прочь. Алик взглянул на жену Бредятина и обомлел: ведьма, действительно ведьма. Ее распущенные поседевшие волосы, облизывавшие плечи, словно бы обладали собственной жизнью и гасили свет вокруг нее. Глаза блистали перестоявшимся гневом. Алик представил себя мужем этой женщины, и сердце наполнилось ужасом.

«Это она сделала Бредятина! – осознал он. – Как он живет с ней!?»

– Сейчас я проведу небольшой урок, – внезапно произнесла жена Бредятина и встала из-за стола с книжкой в руках.

Алик вспомнил, что она работает преподавателем в каком-то клубе и преподает детям, то ли литературу, то ли журналистику...

Ведьма подошла к одному из молодых поэтов, сидевшему неподалеку от Алика, положила книжку перед ним, открытой на определенной ею странице, и, отойдя на шаг-другой назад, произнесла, повелительно играя интонациями голоса:

– Посмотрите внимательно на эту картинку, что вы видите на ней!

Сказано было достаточно громко для небольшого зала библиотеки, сказано так, как говорят обычно злые колдуньи в сказках. Алику показалось, что волосы на жене Бредятина ожили.

Словно бы подтверждая мысли Алика о ведьме, жена Бредятина страшно заговорила о добром. От игры ее голоса сдавливало сердце. Причем, усиливая сливающиеся в слова звуки, она поворачивала рот, исторгающий их, в сторону Алика.

«Колдует, – уверенно понял тот. – Можно верить, можно не верить, но то, что она пытается колдовать – это точно. Мало она онкологией болела. Как таких допускают к детям? Она же всю душу высосет».

Выступлением жены Бредятина заседание и закончилось. Больше Алика на заседания поэтических клубов в маленьком нефтяном городе никогда не приглашали...

РАСПАД И СЛИЯНИЕ

«Как энергия невесомых солнечных лучей способствует произрастанию и развитию, так и любовь, пока не становится чрезмерной».

Публяшникова была самой красивой сотрудницей телерадиокомпании маленького нефтяного города: высокая, длинные светлые волосы, правильные черты лица – и все это богатство при Куплине транслировало на маленький нефтяной город только свой голос под надзором Пальчинковой. Внешность ее паранджой прикрывали стены радиостудии, и причина тому была в легком любовном нраве Публяшниковой, которая не сумев избавиться от случайной беременности и родив сына, превратилась в хищную до денежных мужчин мать-одиночку.

Цветок не может существовать без солнца и воды, без земли и питания, и без множества насекомых самых разных видов, опыляющих его одинаково приятно и равноценно, и как цветок, так и Публяшникова не понимала, почему лишь одна опыляющая пчела может называться ее мужем.

Эту отъявленную сексуальную революционерку опасался даже Куплин, но Алик ее не знал.

– У вас есть отличная ведущая! – восхитилась поверхностным одна из преподавательниц, приехавших в телерадиокомпанию. – Перестаньте прятать такие кадры!

Алик доверился профессиональному взгляду, и Публяшникова заняла место ведущей телерадиокомпании, а по вечерам к ней в корреспондентскую приходил ее любовник: крепенький парень, работавший водителем во французской фирме, промышленявшей на Крайнем Севере гидроразрывом нефтяных пластов. Потом он внезапно исчез, Публяшникова осталась одна, и словно зверь, ищущий нового полового партнера, тут же сменила повадки.

Брюки на низкой талии, демонстрирующие верхнюю часть ягодиц, и короткая кофточка, открывающая взгляду живот, стали постоянными атрибутами ее внешности. Завершалось все лицом, на котором, кроме ленивой томности, высокомерия и нетерпения читалось:

«Возьми меня прямо сейчас, пока я свободна, но помни – мне нужны деньги».

Она ходила по телерадиокомпанию и, разговаривая с мужчинами, покачивала бедрами, словно знаменем, привлекающим растерявшихся на поле битвы бойцов, а когда садилась на стул с открытой спинкой, укороченная талия ее брюк, сползала уже до середины ягодиц. Эти ягодицы, завернутые в тонкие полоски трусов, будучи повернутыми прямо ко входу в корреспондентскую, давали входящим дополнительный сигнал о молчаливом призыве Публяшниковой. Заходила она и к Алику, останавливалась возле стола, скрестив ноги, опускала маникюр на столешницу, гнула талию и говорила первое, что приходило в голову, например, о производстве.

– Юля, ты не на пляже, одевайся поприличнее, – отмахнулся Алик, понимая истинную природу сигналов Публяшниковой.

– А что в моей одежде не так? – надменно спросила Публяшникова.

– Все открыто, ты ходишь по студии, здесь все-таки и мужчины работают, – напомнил Алик.

Публяшникова поверх прежней одежды стала накидывать еще одну, более длинную кофточку, которую, впрочем, в корреспондентской снимала.

Павшин некоторое время сопротивлялся влечению, расплзавшемуся по кабинетам телерадиокомпании, словно грибная пора по тайге, но, заскучав от стареющей и скандальной Валер, все чаще поглядывал на обширный бюст Публяшниковой. Затем он перешел к мысленному сравнению рюмкообразного низа Валер, имевшего слишком тонкую ножку для бокала насла-

ждения, с гармоничными попо- ногами Публяшниковой, и стал преступно задумываться о том, зачем он так долго живет со старухой.

Да, да. Он стал тихонечко называть Валер старухой, в спину, когда та отходила, и так, чтобы та не слышала, а сам ждал новой встречи с Публяшниковой, с каждым днем все более желанной.

Ощувив, что рыбка по фамилии Павшин клюнула на ее чары, Публяшникова задумалась о перспективах. Ее квартира требовала ремонта, требовались деньги и немалые. Павшин мог бы помочь, если бы ей, Публяшниковой, удалось развести его с Валер, а чтобы подобное произошло, требовалось дать Павшину слизнуть сладость ее любви...

Все получилось само собой. Прямо на работе.

ПРУЖИНА

«Смешон волк, благодарящий зайца, уступающего дорогу».

Журналистка смотрит на мир, фиксирует его, говорит, но не мир говорит ее устами, а говорит что-то внутреннее в ней, вроде урчания живота. Мышление человека настолько фантастично, что сложно найти литературу, посвященную реальному анализу реальности. В каждой книге, каждой газете, каждой телепередаче – субъективность и фантастика. И даже видимая и ощущаемая реальность порой напоминает диковинный фарс.

– Мы перечитывали твою книгу не один раз, а как смеялись, ... – говорил Алику Лизадков, заместитель Хамовского, растягивая углы рта в улыбку, будто на его затылке, спрятавшись в волосах, сидел мускулистый гномик и со всей силы тянул невидимые канатики, привязанные за мимические мышцы. Смеха в его глазах не было, напротив, во всех движениях угадывалось желание плюхнуться животом на стол, отделяющий его от Алика, и схватить его, Алика, за горло и душить, душить, душить.

– ...кое-кто обиделся, – продолжал Лизадков, – а я нет. Вот Бредятин на тебя сильное зло затаил за то, что ты его жену так... А по мне: ты нас всех обессмертил. Только прошу в следующей книге, дай мне другую фамилию.

– Тут каждый сам себя узнает. Не про вас это, – ответил Алик, понимая, что его могут записывать. – Вот в Хамовском как бы глава себя не признал.

– А что тут обижаться? Фамилия точно попала, – дружелюбно продолжал Лизадков. – Хамовский, он Хамовский и есть. Многим в администрации твоя книга понравилась. Они даже называют некоторых именами из твоей книжки.

Чрезмерно развеселился Лизадков, словно его отпустила большая незримая пиявка, что сосала и сосала где-то в районе сердца, да вдруг насосавшись отпала.

– Коли книга имеет успех, может Хамовскому купить ее для библиотек города? – спросил Алик, вкладывая в слова самые наивные интонации.

Лизадков на мгновение ошеломился, и мускулистый гномик на его затылке отпустил невидимые канатики.

– Ты уже продал триста-четыре книги и продавай дальше, – едко сказал он и зло взглянул.

«По моей реакции, хочет узнать объем продаж», – понял Алик...

Эта ситуация весело со стороны. На самом деле надеть на властителей маленького нефтяного города клоунские маски, раскрыть их маленькие тайны управления и самое главное – мотивы, причем сделать это не с иллюзорными героями, а с вполне конкретными, с которыми приходится работать, которым необходимо подчиняться – это предприятие для самоубийц.

Прощения не будет, расправу не угадаешь, а если клоунские маски еще и получились талантливо, так что даже купленный судья маленького нефтяного города не сможет навесить на автора судимость, например, за оскорбление чести и достоинства, то книга, которую уже не сожжешь и не выбросишь, которая стала частью истории маленького нефтяного города и даже всей России, всегда напомнит о прошлом.

«А что он хотел? – спросит читатель. – Власть критиковать и чтобы его не трогали?».

Конечно, хотел. Красиво выполненная работа, реальная жизнь, перерожденная в искусство, портрет общества маленького нефтяного города, портрет, выполненный искренне и натурально – разве это достойно наказания, а не высшей похвалы?

Через некоторое время Алик встретился с Лизадковым в кабинете Хамовского.

Он сел напротив Алика, исполненный спокойной услужливости и готовности к решению любых задач. Это умение Лизадкова всем своим обликом: всеми его складками и кусочками демонстрировать подчинение – поражало и восхищало Алика.

«Потому он и пережил трех глав города и остался при должности», – понял Алик.

– Вот Лизадкова ты обидел в книжке, – укорил Хамовский, как бы случайно.

Лизадков вывел подбородком фигуру, в которой читалось, что он – Лизадков – хотя и обижен, но пережил, и вновь полон достоинства и рвения исполнять приказы главы маленького нефтяного города.

Алик не стал отвечать, он глянул на Хамовского с немым вопросом: «Ну и что дальше? По отношению к взрослому мужику слово «обидел» звучит смешно, а, учитывая то, что вы делали со мной раньше, высмеивая в городской газете, называя на весь город Роботом, так и вовсе придурковато».

Хамовский демонстративно небрежно бросил Алику заявление с его просьбой о покупке книг и слова:

– Думаю это лишнее...

А еще чуть позднее в кабинете Хамовского состоялся другой разговор.

– Заварил твой ставленник кашу! – наседали Хамовский на Квашнякова. – Зачем ему это? С чего он храбрый стал?

– У него в Москве в Союзе журналистов России большая поддержка. Это я точно знаю, – уверенно произнес Квашняков.

– И насколько мощная? – спросил Хамовский.

– Он может добыть награды любого уровня, – ответил Квашняков. – Кто-то из секретарей Союза его большой друг. Никак не ниже. А может и сам председатель! Он потому и книжку выпустил, что там у него поддержка.

– Получается, его лучше не трогать? – огорченно спросил Хамовский.

– Надо пустить слух, что книга – ваш собственный заказ, а Алик – исполнитель, готовый высмеять любого из вашего окружения – ваш цепной пес, – ответил Квашняков.

– Но в книге он и на меня покусился, – напомнил Хамовский.

– Да это странный заказ, – согласился Квашняков. – Но вы снискали все почести, какие до вас не добывал никто в этом маленьком нефтяном городе. Вы писатель, лауреат писательских конкурсов, доктор наук – разве ваши замыслы можно постичь? Разве ваши пути могут быть исповедимы? Пусть люди строят догадки.

– Хорошо, – согласился Хамовский. – Пусть остается на должности.

– Вам даже не надо его ругать и напоминать о книге, – сказал Квашняков. – Всякий, видя Алика живым и здоровым, будет думать: «сплелся с главой, хитрец», а убрав его с должности, мы возвысим книгу. Его надо убирать, когда о книге забудут...

С этого момента по городу поползли слухи, что в книге Алика много ошибок, что она не правдива и не стоит внимания.

– Это все неправда, что ты написал, – сказал при встрече поэт, похожий на бомжа, Конепейкин, которого Алик уважал за искренность и увлекательность поэтической строки. – Я с Хамовским давно общаюсь, и многое у тебя не сходится.

Не поддержали Алика и другие поэты маленького нефтяного города, а бывший учитель литературы Фаллошаст, с которым Алик делал в свое время интервью, и вовсе плюнул:

– Если вы писали Алика с себя, то вы не очень хороший человек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.